

ФРАНЦ ОППЕНГЕЙМЕР

ГОСУДАРСТВО
переосмысление

ГОСУДАРСТВО:
переосмысление

Franz OPPENHEIMER

THE STATE

**Its History and Development
Viewed Sociologically**

New York
B. W. Huebsch, Inc.
MCMXXII

Франц ОППЕНГЕЙМЕР

**ГОСУДАРСТВО:
переосмысление**

RUSTATE.ORG
Москва

УДК 321
ББК 66.03
О-62

Перевод с английского:
А. Стихин — Предисл. авт., гл. 1—3
С. Анкапов — гл. 4—7, Примечания

Оппенгеймер, Ф. (1866—1943)

О-62 **Государство: переосмысление** / Франц Оппенгеймер ; пер. с англ. А. Стихина и С. Анкапова. — Москва : Проект RUSTATE.ORG, 2020. — 255 с.

ISBN 978-5-244-01220-0

Перед вами — уникальный, новаторский исторический и социологический анализ Государства, в котором рассматриваются перемены, происходящие как во властных структурах, так и в социальных группах, обладающих властью. Ключевая идея данного анализа — исследование категорий и изучение различий между мирными «экономическими методами» и насильственными «политическими методами» приобретения благосостояния и распределения богатства.

УДК 321
ББК 66.03

ISBN 978-5-244-01220-0

© Проект Rustate.org, 2020

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	17
<i>В. Крюк.</i> Путь от рабства к свободе	21
<i>В. Новиков.</i> Недружелюбный к государствам	23
<i>Д. Травин.</i> Бандиты у истоков цивилизации	26
<i>Дж. Г. Смит.</i> Оппенгеймер и Государство.	32
БИОГРАФИЯ ФРАНЦА ОППЕНГЕЙМЕРА	37
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	42
Комментарии переводчика к предисловию автора	56
Глава 1	
ВВЕДЕНИЕ В ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ.	61
Часть А. Различные теории о природе Государства	61
Часть Б. Социологическая идея Государства.	70
Глава 2	
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА	75
Часть А. Политические и экономические методы	76
Часть Б. Народы без Государства:	
охотники и собиратели.	78
Часть В. Народы с Пред-Государством:	
скотоводы и викинги	81
Часть Г. Происхождение Государства.	92
Глава 3	
ПРИМИТИВНОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО	111
Часть А. Формы господства	111
Часть Б. Интеграция	115
Часть В. Дифференциация: теории групп	
и групповая психология	117
Часть Г. Примитивное Феодальное Государство	
на пике развития	125
Глава 4	
МОРСКОЕ ГОСУДАРСТВО	136
Часть А. Товарообмен в доисторические времена	137
Часть Б. Торговля и Первобытное Государство	146

Оглавление

Часть В. Происхождение Морского Государства	149
Часть Г. Существование и конец Морских Государств.	158
Глава 5	
РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА.	170
Часть А. Происхождение и обоснование земельной собственности	170
Часть Б. Центральная Власть в Прimitивном Феодалном Государстве	175
Часть В. Политическая и социальная дезинтеграция Прimitивного Феодалного Государства	180
Часть Г. Этническое смешение и объединение народов	194
Часть Д. Развитое Феодалное Государство	199
Глава 6	
РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА	204
Часть А. Освобождение и эмансипация крестьянства	205
Часть Б. Развитие Индустриального Государства.	209
Часть В. Воздействие денежной экономики	213
Часть Г. Современное Конституционное Государство.	222
Глава 7	
ТЕНДЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА	233
ПРИМЕЧАНИЯ	244
РЕКОМЕНДУЕМЫЕ АВТОРЫ И ИХ РАБОТЫ	251

Предисловие к первому русскому изданию

«The State» (на немецком: «Der Staat») — «Государство», книга немецкого социолога Франца Оппенгеймера, впервые опубликована в Германии в 1907 году. Оппенгеймер написал книгу во Франкфурте-на-Майне в 1907 году в качестве фрагмента из четырехтомной «Системы Социологии» (на немецком: «System der Soziologie»), предназначенной для интерпретации принципов организации общества и для понимания социальной эволюции, над которой он трудился более 50 лет, с 1890-х годов до конца своей жизни. В книге излагается общая теория Оппенгеймера о происхождении, развитии и будущем преобразовании института Государства. «Развитая Францем Оппенгеймером социологическая «Идея Государства» восходит к Джеррарду Уинстенли (1609—1676) и Анри де Сен-Симону (1760—1825). В соответствии с ними исторические исследования свидетельствуют о том, что каждое Государство «полностью по своему происхождению и по своей природе является социальным (классовым) институтом, насильно навязанным победившей группой людей над побежденной группой с одной-единственной целью — утверждения Господства первых над последними и для защиты от восстаний изнутри и нападений извне. И подобное Господство не имеет никакой иной цели, кроме как экономической эксплуатации побежденных победителями. И никакое примитивное Государство в мировой истории не возникло и не возникало каким-либо иным образом...» (Франц Оппенгеймер, «Государство», гл. 1, часть Б)

Убежденный антиэтатист, сторонник классических либеральных ценностей, но симпатизирующий социалистическим взглядам, Франц Оппенгеймер считал капитализм «системой эксплуатации, а доходы от капитала — как выгоду от такой эксплуатации», но возлагал вину за эту эксплуатацию не на подлинно свободный рынок, а на монопольное

вмешательство Государства в экономику. Франц Оппенгеймер с научной точностью утверждал: «Каждое бывшее или настоящее Государство в истории было или является классовым государством, государством с иерархией друг над другом верховных и подчиненных социальных групп, основанных с различными и неравными правами, и с различными и неравными владениями» (Франц Оппенгеймер, «Государство», гл. 1, часть А). «Государство» можно рассматривать в качестве экономического субъекта господствующего класса, который завладел рабочей силой «своих подданных» в качестве источника собственного обогащения» (Ф. Оппенгеймер, «Капитал: критика политической экономии, с. 84). В своей «Staatstheorie» Франц Оппенгеймер раскрывает сущность гражданского права как подчиненного права, а сущность государственного законодательства как принудительного законодательства (т.е. «мы имеем право вас принуждать и наказывать, вы обязаны нам подчиняться и нас обеспечивать»): «Законодательство» типичной Конституции гласит: вы должны платить нам налоги и обязаны подчиняться нам, когда мы вам приказываем, в противном случае вас постигнет наказание, которое мы сами вам назначим» (Оппенгеймер, «Система Социологии», том II, с. 308).

Книга «Государство» повлияла на известных либертарианцев Генри Льюиса Менкена, Фрэнка Ходорова, на канцлера ФРГ Людвиг Эрхарда и анархокапиталистов Альберта Джея Нока, Мюррея Ротбарда, Ганса-Германа Хоппе. Как поясняет Ганс-Герман Хоппе в своем великолепном эссе «Анархокапитализм: краткая библиография»: «Франц Оппенгеймер — левоанархический немецкий социолог. В своем “Государстве” он различает экономические (мирные и продуктивные) и политические (разбойные и паразитические) методы обогащения и характеризует государство как инструмент господства и эксплуатации». «Именно данный анализ принудительной сущности и эксплуататорского характера Государства был наибольшим источником вдохновения для либертарианских теорий

американца Альберта Джея Нока», — поясняет М. Ротбард. В своих трудах А. Нок основывался на теории Ф. Оппенгеймера, гласившей, что, приобретая себе благосостояние, человек действует только двумя методами: либо созидательным, производящим благо «экономическим методом», как действует добровольный обмен и независимый рынок; либо разрушающим благо «политическим методом», как действуют грабители и как действует государство, грабя народ.

Взгляды Ф. Оппенгеймера побудили американского анархиста Альберта Джея Нока, писавшего об антиэтатизме уже в начале XX века, заявить в своей книге «Наш Враг: Государство»: «Взяв любое государство, где бы оно ни находилось, проникнув в его историю в любой момент времени, невозможно отличить деятельность основателей, администраторов и бенефициаров государства от подобной же деятельности профессионального криминального класса, организованной преступности». В предисловии к юбилейному, сороковому изданию книги «Государство» в 1975 году Чарлз Гамильтон напишет: «Государство возникает благодаря завоеванию и грабежу и выживает в результате массивной эксплуатации; Франц Оппенгеймер развивает либертарианские идеи в этой значительной, но уже забытой социологической классике».

В том же 1975 году в рецензии на книгу «Государство» Мюррей Ротбард напишет: «“Государство” Франца Оппенгеймера. Классика, до сих пор в полной мере недооцененная. Великий немецкий социолог Франц Оппенгеймер (1864—1943), который написал эту прекрасную книгу “Государство”, выполнил свою задачу превосходно.

Он сказал, что, по сути, есть только два способа приобретения богатства для людей. Первый способ заключается в создании товара или услуги и добровольном обмене этого продукта на продукт другого человека. Это метод обмена, метод свободного рынка; он созидателен и расширяет производство; это не игра с нулевой суммой, потому что производство расширяется, и обе стороны получают выгоду

от такого обмена. Оппенгеймер назвал этот метод “экономическими средствами” для приобретения благосостояния.

Второй способ — это захват собственности другого человека без его согласия, путем воровства, ограбления, мародерства. Когда вы захватываете чью-либо собственность без его согласия, вы получаете выгоду за счет его затрат, за счет расходов производителя; вот поистине “игра” с нулевой суммой — отнюдь не “игра”, с точки зрения жертвы. Вместо того чтобы расширять производство, метод грабежа явно затрудняет и ограничивает производство. Таким образом, помимо аморальности, притом что мирный обмен является нравственным, метод грабежа препятствует производству, потому что паразитирует на усилиях производителей.

С блестящей простотой Оппенгеймер назвал этот метод получения богатства “политическими средствами”. Затем он предложил определять государство или правительство как “организацию политических средств”, т.е. упорядоченные, узаконенные и постоянно применяемые политические средства для приобретения благосостояния.

Другими словами, государство организовано воровством, организованным ограблением, организованной эксплуатацией. И этот преступный характер государства в высшей степени определяется тем фактом, что государство, в своем основании, опирается на налогообложение».

Книга Франца Оппенгеймера «Государство: Переосмысление» издана впервые в России на русском языке. Издание книги приурочено к 155-летию со дня рождения социолога Франца Оппенгеймера. Книга «Государство: Переосмысление» издается по инициативе независимого проекта «Rustate.org». Мы очень надеемся, что эта великая книга способствует развенчанию иллюзий вокруг государства, осознанию его насильственной сущности и развитию идей антиэтатизма и либертарианства в России. Россия станет свободной!

*Команда проекта
Rustate.org: «The State no-русски»*

Путь от рабства к свободе

Мне приятно слышать, что моя работа в прошлом действительно помогает сейчас вам, русским читателям, на вашем собственном и нелегком пути к свободе. Общеизвестно, что сегодня Россия признана крупнейшим сторонником диктатур и поддерживает диктатуры по всему миру. Поэтому для всех нас, европейцев, очень важно, чтобы Россия развивалась в демократическом направлении, а не становилась диктатурой; чтобы в России было подлинно демократическое правительство, действующее в интересах всех граждан. Любые диктатуры похожи и все автократы братья по духу, и, со своими приспешниками, они всегда являются самыми крупными грабителями богатств своих народов, как было в Германии при нацистском режиме и как было в России при коммунистическом режиме, создавшем ОГПУ и ГУЛАГ.

Я желаю вам успешного прочтения книги «Государство» и надеюсь, что эта книга позволит россиянам понять, что их страдания не являются чем-то особенным, а случались в стократ больше во всем мире за всю историю человечества. Более того, это похоже на процесс взросления, от детства до зрелого общества, процесс, который должны пройти все нации на пути к свободе, миру, справедливости и процветанию. Все, чего вы сможете достичь на этом пути — в ваших собственных интересах, но также это поможет нам в Европе и в других странах, потому что темные силы, сосредоточенные в денежной и военной власти в руках авторитарных правителей, оказывают опаснейшее воздействие абсолютно на все народы и общества.

Поскольку такие правители ненавидят демократию и свободу слова, они используют свои доходы, чтобы снова разрушить все то, чего добились другие народы на своем пути к свободе. Их влияние простирается не только на собственный народ, но и на остальные народы и является частью их войны против прогресса человечества

в целом, чтобы сохранить привилегии своего правящего класса, как это делали узурпаторы-короли в древние времена. Но нам уже хорошо известно, что рано или поздно им придется уйти.

Давать людям представление о том, что для них лучше, часто является самой надежной силой, заставляющей их двигаться и развиваться. Понимание того, что ничего не дается Богом, но является только результатом действий народов, позволяет людям совершить шаг и перейти от рабства к свободному гражданству свободных людей. Я желаю всем вам найти мирный и мудрый способ сделать свое общество свободным и встать в один ряд с передовыми нациями, которые сами создают свой рай на земле, вместо того чтобы ожидать рая от своих богов в загробной жизни.

доктор Вернер Крюк,
дипломированный социолог и экономист,
администратор сайта <http://franz-oppenheimer.de>,
автор книги об Оппенгеймере (<http://wk0.de/>)

Недружелюбный к государствам

Многие политические теоретики при помощи философского аргумента подают государство как продукт общественного договора, который основан на согласии управляемых, хотя бы и гипотетическом. В противоположность такому умозрительному подходу Франц Оппенгеймер в «Государстве» предлагает обратиться к реальным обстоятельствам формирования государств и провести «тщательный анализ всемирной истории», а уже на основе этого сделать вывод, давали ли в действительности управляемые согласие на подчинение государству.

Полученные Францем Оппенгеймером выводы не комплиментарны для государств, но не очень удивительны, особенно для граждан России. Наши соотечественники, как правило, и так отдают себе отчет, что представители правящего класса преследуют «свои собственные интересы», а руководствуются отнюдь не только «общественным благом», и что вне зависимости от своего согласия законы приходится выполнять, а иначе рискуешь столкнуться с государственным принуждением.

Свой анализ деятельности государств Франц Оппенгеймер строит за счет определения места государств в общей системе достижения человеческих целей, в которой выделяются «экономические методы» и «политические методы». Первые подразумевают собственный труд и равноправный обмен результатов своего труда на труд других людей. Вторые — насильственное присвоение труда других людей, примером которого является как обычный разбой, так и функционирование государства, которое есть «организация политических средств» и сущность которого состоит в «экономической эксплуатации подчиненных господствующей группой».

Предложенное Оппенгеймером разделение методов на экономические и политические не разрешает всех вопро-

сов, однако все же продвигает дискуссию. В предлагаемой Оппенгеймером перспективе достоинство экономических методов не в их «рыночности» и рациональности, а в том, что речь идет о добровольных взаимодействиях. Такие взаимодействия не решают всех проблем (а какие решают?), однако показывают, что человек много ценного получает за счет убеждения в противоположность принуждению.

Что касается рассмотрения методов деятельности государств как политических, т.е. насильственных, это означает отнесение их к морально проблематичным, по крайней мере в первом приближении. Большинство этических школ считают насилие иногда оправданным, хотя бы для самообороны, но сложно назвать такую, которая не считала бы, что применение насилия нуждается в оправдании, а значит, в таком оправдании нуждаются и действия государства.

В целом недружелюбный по отношению к государствам анализ Франца Оппенгеймера оставляет его тем не менее оптимистом относительно развития государств. История подсказывает ему, что «по мере развития экономического взаимодействия налаживаются более тесные связи между победителями и побежденными», «происходит слияние языков победителей и побежденных в один универсальный язык» и иногда таким языком становится даже язык побежденных, что, к слову, и произошло в Киевской Руси, где норманнские правители в конце концов приняли язык местного славянского населения.

Мир в длительной перспективе, говоря в общем, становится лучше и гуманнее, на это указывает автор «Государства» как на «единственно возможный исход, когда исчезнет эксплуатация одних групп другими и администрация — бюрократы — станет «беспристрастным блюстителем всеобщих интересов». Если в российской истории несложно найти иллюстрации для прежде упомянутых наблюдений Оппенгеймера, то столкнуться с предсказанными социологом беспристрастными блюстителями

через 112 лет после первой публикации книги всё еще остается лишь желательным.

Вадим Новиков,
антимонопольный экономист,
ст.н.с. РАНХиГС при Президенте РФ,
член Экспертного совета при Правительстве РФ
(<http://antitrusteconomist.ru/>)

Бандиты у истоков цивилизации

Эта книга может шокировать человека, сформировавшегося в СССР или в современной путинской России. Нас ведь всегда учили тому, что государство — это хорошо. Ну, пусть не всегда и не во всем оно идеально, если уж быть точным. В советской идеологической системе, например, считалось, что феодальное или буржуазное государство обслуживает интересы господствующего класса, и лишь государство социалистическое в полной мере стоит на страже интересов каждого человека. А сегодня, когда социальный строй у нас вполне буржуазный, идеология откровенно стала государственнической. Всякое потрясение государственных основ опасно, уверяют нас власти и провластная пропаганда. Распад государства — это хаос, это угроза революции, угроза стабильности и процветанию. Такие строители государства российского, как Владимир Святой, Александр Невский, Петр Великий и даже наш «дорогой товарищ И.В. Сталин», возносятся на пьедестал. Именно эти исторические персонажи рассматриваются в современной России в качестве главных героев, обеспечивших нашей стране всевозможные успехи, правильную веру, победоносную армию и неуклонное расширение государственных границ.

И что же мы узнаем теперь из книги Франца Оппенгеймера? Мы узнаем, что государство, оказывается, в далеком прошлом формировалось вовсе не ради стабильности и процветания народов, а для того, чтобы всевозможным бандитам тех давних времен (пусть даже они мягко именуются кочевниками) проще было грабить трудящееся население. Мы узнаем, что для человека существуют лишь два способа обретения благосостояния. Первый — это трудиться, зарабатывать, копить, обретать собственность... Второй — это отнимать то, что заработано у честных тружеников. Первый способ можно назвать экономическим, второй — политическим. Именно для второго

способа обретения благосостояния и существует с незапамятных времен государство. Причем, в отличие от марксистов, Оппенгеймер дает понять, что оно не просто инструмент господствующего класса, с помощью которого эксплуататоры эксплуатируют трудящихся. Государство опасно как для трудящихся, так и для собственников, инвестирующих капиталы в производство. Поскольку люди, стоящие за государством, могут отнимать всё у всех. Они являются грабителями по отношению к обществу в целом. Причем, наверное, даже в большей степени по отношению к имущим слоям населения. Ведь у тех можно больше отнять денег и собственности, чем у слоев неимущих, которым, как уверяли в свое время Маркс с Энгельсом, нечего терять, кроме своих цепей.

Отнимать можно по-разному. В давние-давние времена кочевники своими набегами полностью уничтожали имущество оседлых производителей. Грабили, что могли... А что не могли, сжигали и разрушали. Часть награбленного продавали для того, чтобы купить еды, коней и оружия, становясь, таким образом, еще сильнее и возобновляя грабительские набеги ради получения новых денег и нового имущества для продажи.

Во времена просто давние грабители стали превращаться в государственных, которые, вместо того чтобы уничтожать все на своем пути, уничтожали лишь малую долю, а остальное сохраняли для того, чтобы побежденные ими народы могли трудиться и платить дань своим господам. Наконец, во времена сравнительно не столь уж давние труженики, торговцы и организаторы производства настолько привыкли к постоянному взиманию с них налогов, что даже перестали рассматривать государство в качестве разбойника, отнимающего их деньги, и сами (добровольно) стали платить налоги, полагая, будто эти платежи идут на их же собственные нужды: на обеспечение стабильности и процветания, на поддержку социально незащищенных масс, на охрану рубежей от всевозможных врагов, мечтающих захватить нашу богатую и обильную родину.

Конечно, нельзя говорить сегодня, будто государство — это абсолютное зло, будто оно лишь грабит население страны, не давая ему ничего взамен. Некоторые группы населения от государственной деятельности даже выигрывают: для них бюджетные поступления превышают налоги. Но при этом другие группы проигрывают: они отдают государству значительно больше, чем сами от него получают. А иногда они не получают практически ничего, отдавая при этом в виде налогов довольно большую долю своих доходов. При этом риторика государственных деятелей часто такова, что, послушав их, можно подумать, будто бы даже эти проигрывающие группы населения кормятся за счет государства.

Раскрывая историю происхождения государства от бандитских набегов на древние цивилизации, Оппенгеймер существенно смещает акценты в наших представлениях о соотношении власти и общества. Можно даже сказать, пользуясь любым образом некоторых классиков марксизма, что он ставит эти представления с головы на ноги. Он помогает увидеть государство таким, какое оно есть.

Нормальное мышление для человека, проникшегося государственной идеологией, таково: государство — это благо, но есть пока в его деятельности еще отдельные недостатки, связанные с недобросовестными чиновниками. Поэтому человек ищет хороших чиновников, а не найдя таковых, уповает на «добротого царя», способного навести порядок в стране. Представление, будто бы «добрый царь» сам является создателем системы, из которой прут сплошные недостатки, а благ почти не видно, пугает такого человека и заставляет принимать защитную стойку.

Нормальное мышление для человека, прочитавшего книгу Оппенгеймера, будет совсем иным: государство работает на себя, «государевы люди» чтут прежде всего свои собственные интересы; и лишь в той мере, в какой они вынуждены считаться с давлением общества, эти «государевы люди» будут возвращать обществу часть средств, забранных у него через налоги. В давние времена никакой

возможности выразить свои интересы у общества не имелось. Но в конституционном государстве ситуация становится иной. Можно не уповать на «доброе царя». Можно добиться перемен, загоняя государство в угол, где ему и следует сидеть.

Человек, проникшийся государственной идеологией, выглядит просителем перед властями. И он рад, если хоть что-то удастся у государства добыть: маленькую пенсию, бесплатный прием у терапевта, скидку с коммунальных платежей. Человек, прочитавший Оппенгеймера, будет размышлять по-другому: государственные служащие живут на налоги, которые мы платим, а потому они достойны что-то получать лишь в том случае, если эффективно распоряжаются нашими бюджетными средствами. Не работают нормально — пусть выметаются.

Вопрос о происхождении государства чрезвычайно важен. Его изучение сильно прочищает нам мозги. Мы постепенно начинаем разбираться в том, что здесь главное, а что случайное. Мы начинаем понимать, в чем состоит основная деятельность государства, а в чем — побочная. Более того, серьезный анализ истории камня на камне не оставляет от популярных нынче в России представлений, будто существуют правильные и неправильные народы, т.е. такие народы, которые всегда хорошо развиваются, контролируя свое государство, и такие, которые стоят на месте, поскольку государство у них хищническое. «Гипотеза об одаренности какой-либо конкретной расы, — справедливо отмечает Франц Оппенгеймер, — не использовалась нами, и мы в ней не нуждаемся. Как говорил Герберт Спенсер, это самая глупая из всех мыслимых попыток попытка построить философию истории».

Подобное утверждение очень важно для сегодняшней России, где все больше людей, понимающих, что так дальше нельзя жить, впадает в апатию и приходит к мысли, будто бы наш народ вообще «не одарен» ни экономически, ни политически. Изучение книги Оппенгеймера показывает, что проблемы-то — совсем в другом.

Конечно, нельзя сказать, будто без книги Оппенгеймера мы о подобных вещах совсем не догадывались. В последние годы у нас стала популярной теория, рассказывающая о кочующем и стационарном бандитах социолога Мансура Олсона, творившего во второй половине XX века. Олсон показал, что формирование государства в давние времена — это результат превращения кочующего бандита в стационарного, т.е. бандита, который только грабит и убивает, в бандита, который предпочитает постоянно взимать налоги с покоренных народов. Теперь мы знаем, что задолго до Олсона, еще в самом начале XX столетия (в 1907 г.) подобную теорию разработал Франц Оппенгеймер. Она не стала столь популярной, поскольку в те годы трудно было покушаться на государство, которое в глазах многих людей было воплощением надежд на справедливость. Но тем ценнее научный вклад Оппенгеймера, что ему удалось написать выдающуюся книгу задолго до того, как широкие массы населения и даже широкие массы научной общественности оказались способны понять то, что он пишет. Оппенгеймер опередил свое время. И сегодня, взяв в руки эту книгу, мы пытаемся догнать великого мыслителя, объяснившего, что такое государство, задолго до нашего рождения.

Не следует, конечно, идеализировать автора. Наверняка многие читатели найдут в этой книге положения, кажущиеся сомнительными.

Мне, например, сомнительным показался тезис, что поскольку в перспективе «государство останется без классов и классовых интересов, то бюрократия будущего действительно сможет достичь того идеала беспристрастного блюстителя всеобщих интересов, к которому, в настоящее время, она с таким трудом упорно стремится». Думается, что Оппенгеймер несколько идеализирует бюрократию и слишком оптимистично исключает из анализа будущего различные групповые интересы, которые станут влиять на ее поведение. Трудно представить себе, что бюрократия будет сама по себе работать ради общего блага. Но вполне

можно представить, что демократическое устройство общества и давление избирателей вынудят ее в значительной степени работать на их интересы, а не на свои собственные.

Странно, конечно, выглядят строки, в которых говорится, будто международные отношения и международная торговля начинают доминировать над военными и политическими отношениями (т.е. над системой грабежа, осуществляемого с помощью войны). Оппенгеймер ведь писал за семь лет до начала Первой мировой войны, и надо признать, что жизнь пошла по совершенно иному пути, чем виделось ученому. Тем не менее подобную ошибку в предсказании будущего тогда допускали многие аналитики. Трудно было представить, что безумие настолько скоро станет превалировать над рациональными соображениями.

Оппенгеймер ценен нам не ошибками в предсказании будущего, которое нам всегда хочется видеть лучшим, чем на самом деле, а анализом прошлого, помогающим понять мироустройство. И еще он ценен тем, что был хорошим учителем. Людвиг Эрхард — один из самых ярких экономистов-реформаторов истории Европы учился именно у Оппенгеймера. Два нестандартных мыслителя нашли друг друга и создали весьма плодотворный союз. Так что нынешняя развитая германская экономика — детище профессора Эрхарда — во многом обязана и профессору Оппенгеймеру.

Дмитрий Травин,
научный руководитель
Центра исследований модернизации
при Европейском университете
в Санкт-Петербурге (eu.spb.ru)

Оппенгеймер и Государство

Франц Оппенгеймер, немецкий социолог, проработавший много лет врачом в Берлине, стал затем изучать экономику, подрабатывая написанием статей. В 1909 году он стал приват-доцентом (внештатным лектором, который получал только студенческие сборы) экономики в Берлинском университете, а десять лет спустя — профессором экономики и социологии во Франкфуртском университете, где преподавал до 1929 года, когда ему пришлось уйти в отставку по причине ухудшения здоровья*.

Оппенгеймер не соглашался с теми неокантианцами, которые утверждали, что наука о социологии должна избегать оценочных суждений и иметь дело только с голыми фактами. Оппенгеймер же, признавая разницу между фактами и ценностями, утверждал, что некоторые оценки могут быть объективно оправданны, и такая позиция позволила ему использовать понятие справедливости в своих социологических и исторических исследованиях.

Оппенгеймер оказал влияние на формирование современной либертарианской мысли через свою книгу *Der Staat* (*The State*, 1914). Расширенная версия этой книги позже появилась во втором томе его четырехтомного *magnum opus*, «Система Социологии» («*System der Soziologie*», 1910—1935). Этот трактат содержит подробное описание истоков государства, которое, как утверждал Оппенгеймер, началось с завоевания. По словам Оппенгеймера, «Государство произошло от подчинения одной группы людей другой. Его основным содержанием, *raison d'être*, его причиной, была и есть экономическая эксплуатация подчиненных».

Оппенгеймер определяет шесть этапов развития государства. Первый отмечен кочевыми племенами пастухов, которые периодически атаковали, грабили и убивали оседлых крестьян. Эти победоносные пастухи тогда поняли, что

* Вероятнее всего, по причине расцвета фашизма. — *Прим. перев.*

больше можно добиться путем порабощения завоеванных крестьян, чем от их сплошной резни. Последовала система экономической эксплуатации, которая была институционализирована путем выплаты постоянной дани (позже названной налогами) побежденными их победителям и правителям. Различные факторы обуславливали два класса, господствующих и подчиненных, занявших одну и ту же территорию, что приводило в некоторой степени к социальной интеграции. Поскольку между соседними деревнями и кланами возникали ссоры, правящий класс требовал исключительного права на разрешение споров. Наконец, поскольку чувство национальной идентичности развивалось среди жителей территории, правящий класс (потомки первоначальных завоевателей) разработал систему права и другие формальные атрибуты суверенного правительства. То, что государство возникло в завоевании, отражает самый значимый факт его природы.

Исходя из этого Франц Оппенгеймер различает два метода приобретения богатства: экономический и политический. «Это работа и грабеж, собственный труд или насильственное присвоение чужого труда». Далее Оппенгеймер продолжает:

«Я предлагаю в следующем обсуждении называть собственный труд и эквивалентный обмен продуктов своего труда на труд других “экономическими методами” для удовлетворения своих потребностей, в то время как насильственное и безответное присвоение чужого труда называть “политическими методами” для обогащения».

Различие Оппенгеймера между Государством и Обществом стало важнейшим аспектом либертарианской философии. Государство, по его мнению, является «полностью развитым политическим средством», тогда как Общество, основанное на добровольных отношениях, является «полностью развитым экономическим средством». Так, он объяснял развитие городов в поздней средневековой Европе ростом индивидуальной свободы и появлением денежной экономики. Промышленные города, которые спонтанно развивались экономическими средствами, предлага-

ли большую свободу и экономические возможности. Они привлекали крепостных из феодальных владений, тем самым уменьшая власть и богатство земельной аристократии.

Некоторые идеи Франца Оппенгеймера переданы либертарианским мыслителем в работе Альберта Дж. Нока, особенно в его значительном труде «Наш враг: Государство» (1935). Альберт Нок объял большую часть оппенгеймерской интерпретации политики в своей собственной работе и считал его одним из «Галилео», который смог «лишить государство морального престижа». Более того, поскольку Альберт Нок в значительной степени соглашался с мнением Генри Джорджа в отношении земли и что единственным законным налогом могло быть естественное (не улучшаемое) значение земли, его привлекало утверждение Оппенгеймера о том, что земельная рента возникла в результате неоправданной и несправедливой экспроприации земли истинным эксплуататором. В последнее время идеи Оппенгеймера были использованы австрийскими экономистами, в том числе Мюрреем Ротбардом, который, впрочем, отвергает теорию джорджистов о владении землей и земельной ренте*.

Его книга «Государство» 1908 года издания задала начало всему в XX веке, дала старт столетию антиэтатистского, антигосударственного, прособственнического выражения. Она стала прототипом для книг Альберта Нока, для работ Фрэнка Ходорова и даже для теоретических построений Мюррея Ротбарда, которые потом стали называть ротбардианством.

Действительно, Франц Оппенгеймер написал то, что остается одним из наиболее утверждающих и вдохновляющих томов в истории политической философии. Автор стремился свергнуть многовековое ошибочное мышление на тему происхождения, природы и цели Государства и установить вместо него взгляд на государство как на фундаментальное преступление, нападение на структуру современного общества.

* Биографическая справка, написанная Джорджем Гамильтоном Смитом 15 августа 2008 года. — *Прим. перев.*

Он полностью разрушает общественно-контрактное представление о государстве, которое было выдвинуто большинством мыслителей времен Просвещения. Он стремится заменить эту точку зрения наиболее реалистичной оценкой государства, которая заставит любого этатиста с государственно-наклонностями извиваться: он видит государство как состоящее из победоносной группы бандитов, которые управляют побежденной группой с целью господства и эксплуатации. Государство достигает своего статуса через форму завоевания, обеспечивает свою власть через неустанную агрессию и имеет свою главную функцию в том, чтобы охранять свой статус и обеспечивать власть.

Учитывайте, когда эта книга была написана, подобные взгляды были скандалом, особенно в Германии. Оппенгеймер, который сначала был врачом и стал профессором социологии, сильно выстрадал свои либертарианские взгляды. Его книга «Государство» ошеломила даже самых ярых его критиков своей аналитической строгостью, историческим размахом и стальной решимостью. С тех пор книга вышла более чем на дюжине языков. В мире, который зиждется на идеях, книгу необходимо штудировать в политической философии.

С экономической точки зрения его анализ держится даже там, где речь о капитализме или о социализме может немало запутать. Фактически собственная работа Ротбарда принимала теорию Оппенгеймера и приспособлявала ее в концепции свободного рынка. Но для полного понимания теории государства, лежащей в основе современного Австрийско-Либертарианского мышления, эта работа «Государство» — незаменима.

Мюррей Ротбард писал об этой еще недооцененной классике: «Великий немецкий социолог Франц Оппенгеймер (1864—1943), написавший эту великолепную книгу «Государство», выполнил свое дело превосходно».

По сути, сказал он, есть только два способа для людей приобрести богатство. Первый способ заключается в создании товара или услуги и добровольном обмене этим

продуктом на продукт другого человека. Это метод обмена, метод свободного рынка; он созидателен и расширяет производство; это не игра с нулевой суммой, потому что производство расширяется, и обе стороны получают выгоду от обмена. Оппенгеймер назвал такой метод «экономическими средствами» для приобретения богатства.

Второй метод заключается в захвате имущества другого лица без его согласия, т.е. путем грабежа, эксплуатации, мародерства. Когда вы захватываете чье-то имущество без его согласия, то вы получаете выгоду за чужой счет, за счет производителя; вот действительно, «игра с нулевой суммой» — не такая уж «игра», кстати, с точки зрения жертвы. Вместо того чтобы расширять производство, этот метод ограбления явно замедляет и ограничивает производство. Таким образом, в дополнение к аморальности, в то время как мирный обмен является нравственным, метод грабежа мешает производству, потому что он паразитирует на усилиях производителей.

С блестящей простотой Оппенгеймер назвал этот метод получения богатства «политическими средствами». Затем он стал определять государство или правительство как «организацию политических средств», т.е. регулярное, законное, упорядоченное и непрекращающееся установление политических средств для приобретения богатства.

Другими словами, государство организовано воровством, организованным ограблением, организованной эксплуатацией. И этот существенный характер государства подчеркивает тот факт, что государство всегда опирается на критический инструмент — налогообложение.

Эта классная книга, с предисловием Джорджа Гамильтона Смита, должна быть прочитана каждым либертарианцем в каждом поколении.

Джордж Гамильтон Смит,
старший научный сотрудник Института
Гуманитарных Исследований (theihs.org),
преподаватель Института Катона (cato.org)

Биография Франца Оппенгеймера

Франц Оппенгеймер, старший сын доктора Юлиуса Оппенгеймера, который был раввином-реформатором, родился в Берлине в 1864 году. Подготовленный к академическим занятиям в высшей гимназии Фридрихса, он был записан в качестве студента медицины в Берлинском университете, когда ему едва исполнилось 17 лет. Уже в 21 год он стал доктором медицины и до 1897 года занимался медициной, сначала врачом общей практики, а затем ларингологом. Глубоко впечатленный социальными страданиями, с которыми он встречался как врач — ранее в провинции Познань, а затем в трущобах Берлина, — он бросил медицинскую профессию в 33 года, заменив ее изучением общественных наук для реформирования человеческого общества. В переходный период он зарабатывал на хлеб как политический писатель: он был главным редактором еженедельника «Welt am Montag». Позже он критиковал имперский режим в своих сатирических стихах, публикуемых в ежедневной газете «Der Tag», под псевдонимом нецивилизованного Готтлиба, популярного персонажа немецких рассказов.

Как социальный реформатор он учил, что феодальная монополярная земельная собственность является корнем всего социального зла и что этот остаток феодального завоевания и захвата земель, лишаящий сельское население ее свободного использования, сравним с раковой опухолью на теле человеческого общества, которая должна быть уничтожена. С этой целью он рекомендовал преобразовать крупные земельные поместья в кооперативные фермы, принадлежащие сельскохозяйственным рабочим и дополнительным поселенцам, которые будут набраны из городского пролетариата. Таким образом, он обещал, что безработная «резервная армия», накопленная в городских центрах, может быть возвращена в сельские районы, что положит конец эксплуатации труда в промышленности. Он считал, что

при таком простом способе социальной терапии социальная проблема нищеты может быть решена без какой-либо необходимости в крайних революционных мерах, таких как ликвидация частной собственности или механическое выравнивание доходов, которые считаются необходимыми в коммунистической теории.

Оппенгеймер считал деятельность человека, работающего на свое собственное благо, важнейшим и незаменимым активом и двигателем человеческого общества, освобожденного от монополий. А политическую и юридическую эксплуатацию экономических средств, экспроприацию собственности и доходов населения, а также закабаление человеческого труда господствующим правящим классом называл главной бедой человечества и злом всей цивилизации. Таким образом, он стал основателем либерального социализма, за который он выступал в качестве альтернативы как капитализму, так и коммунизму. Он был уверен, что эта синтетическая социально-экономическая система соответствовала требованиям социальной справедливости, не вступала в противоречие со здоровыми инстинктами индивида, нацеленными на экономическое улучшение своего собственного благосостояния, и не являлась противоречивой в отношении достижения всеобщего благосостояния естественными рыночными механизмами и свободными экономическими средствами.

Как социолог, он утверждал, что государство обязано своим существованием не, как это обычно считается, добровольному союзу равных людей, а завоеванию и подчинению большинства меньшинством, навязывающим свою волю своим подчиненным для собственного безвозмездного обогащения. История показывает, что социальные группы, владеющие землей и доминирующие в сельских районах, а не те, которые осуществляют власть в городах, контролируют государство. Более того, свободные, процветающие, крестьянские хозяйства в «глубинке» рассматриваются им как необходимая основа для процветания городов, тогда как, при феодальной монополии на землю, они вырождаются, и жители покидают их в регионах, где преобладает феодальная систе-

ма латифундии. Без свободного и процветающего сельского населения он не видел надежды на социальный прогресс, и поэтому внутренняя колонизация казалась ему незаменимым инструментом для предотвращения повторяющихся экономических кризисов и установления стабильного благополучия. В последних томах его выдающейся работы «System der Soziologie» он смог убедительно показать, что преобладание процветания в сельских районах всегда и везде было фундаментальной предпосылкой возникновения и благополучия исторических государств, обществ и культур; в то время как их падение было следствием отчуждения их собственности, принудительной эксплуатации труда или рабского закабаления сельского населения.

Самым главным достижением в научной работе Франца Оппенгеймера стала так называемая социологическая концепция государства, которая лаконично сформулирована в одном абзаце. **«Чем же является Государство с точки зрения социологической концепции? Государство, полностью по своему происхождению, значительно и почти полностью на начальных этапах своего существования, является социальным институтом, насильно навязанным победившей группой людей над побежденной группой с единственной целью — для утверждения Господства победившей группы над побежденными и для защиты от восстаний изнутри и нападений извне. Телеологически — такое Господство не имеет никакой иной цели, кроме как экономической эксплуатации побежденных победителями».** Государство, в концепции Франца Оппенгеймера, является институтом экономического принуждения и эксплуатации общества при помощи юридического и политического насилия.

Устроившись в Берлинский университет в 1909 году в качестве внештатного преподавателя, он добился блестящего успеха в качестве преподавателя академических наук. В 1919 году он получил должность профессора социологии во вновь созданном университете во Франкфурте-на-Майне, где он читал лекции до 1929 года. С 1934 по 1935 год Оппенгеймер преподавал в Палестине. В 1936 году

он был назначен почетным членом Американской социологической ассоциации. В 1938 году, спасаясь от преследований нацистов, он эмигрировал через Токио и Шанхай в Лос-Анджелес. Там, в 1941 году, он стал одним из основателей и издателей Американского журнала экономики и социологии при Американской социологической ассоциации.

С 1933 года, с момента прихода к власти нацистов, Франц Оппенгеймер покинул Германию. Нацистская тайная полиция уничтожила все его книги, а его ученики были преследуемы и разогнаны повсюду в Европе. Но тем не менее идеи Оппенгеймера сохранились, они остались весьма современными и оказались востребованными после разгрома и поражения нацизма. **Идеи Франца Оппенгеймера о том, что свободное общество и свободный труд не должны зависеть от политических диктатур государств, а частное производство и товарообмен должны быть свободны от экономических диктатур монополий, как никогда актуальны в нашем современном, послевоенном мире, продолжающем находиться под угрозой возникновения нового тоталитарного этатизма или государственного фашизма.**

Франц Оппенгеймер умер и похоронен в Лос-Анджелесе в 1943 году. После него осталось огромное наследие, около 400 научных социально-экономических работ*. Его фундаментальная работа «Государство: его история и развитие с точки зрения Социологии» в период с 1908 по 2018 год переведена и переиздана более чем в 12 странах более 152 раз и оказала влияние на многих ученых, экономистов и политиков. Более того, в мире уже есть успешный опыт, как на уровне сельских кооперативов в Палестине, так и на уровне государства в Германии, реализации идей Ф. Оппенгеймера в практике построения экономически свободного и благополучного общества.

В 1948 году Людвиг Эрхард, лучший ученик Франца Оппенгеймера и участник кампании в заговоре про-

* Источник <http://franz-oppenheimer.de/fobib.htm>

тив Гитлера, человек, разработавший секретный план по восстановлению Германии после поражения нацизма, стал директором по экономической политике в совместной администрации трех западных зон. Вскоре после этого, 20 сентября 1949 года, он был назначен министром экономики в первом послевоенном немецком кабинете при канцлере Конраде Аденауэре, который он занимал до 1963 года. Труд и капитал были установлены как равные партнеры; консенсус и совместное определение стали принципами хозяйственного управления. В удивительно короткое время экономика Германии пришла к процветанию, Германия восстановила определенную степень доверия и признания во внешнем мире. В управлении экономикой Германии Людвиг Эрхард воплощал идеи и принципы своего друга и учителя Франца Оппенгеймера и благодаря этому достиг немецкого «экономического чуда».

(Биография составлена по статьям: «10 лет со дня смерти профессора Франца Оппенгеймера» (<http://franz-oppenheimer.de/hillel.htm>) и «100 лет со дня рождения человека «экономического чуда» (<http://franz-oppenheimer.de/presse/erhard1.htm>)).

Предисловие автора

Эта небольшая книга получила признание. С первой публикации книга была переведена на французский, венгерский и сербский языки, но помимо официальных переводов, согласованных с автором, книга была подпольно издана на японском, русском, иврите и идише. После публикации книга выдержала не одно испытание критикой и получила множество отзывов, как положительных, так и отрицательных, возродив тем самым общественную дискуссию о происхождении и сущности государства.

Некоторые влиятельные этнологи, в частности нынешний министр иностранных дел Финляндии Рудольф Холсти, выступили с серьезной критикой идей и тезисов, сформулированных в данной работе, но потерпели поражение, столкнувшись с тем, что их определение «Государство» содержит массу положений, требующих доказательств. Критики собрали множество фактов в качестве подтверждения существования различных форм «*Власти*» (даже в бесклассовых обществах) и присвоили этим формам название «Государство». В мои намерения не входит опровержение этих фактов, так как **даже в небольшой группе людей в той или иной форме существует «Власть», которая разрешает возникающие конфликты и принимает на себя руководство во время чрезвычайных ситуаций.** С моей точки зрения, наличие подобных форм «Власти» не тождественно существованию «Государства», и я определяю «Государство» с позиции доминирования *одного общественного класса над другими.*

Подобная классовая структура может возникнуть только одним образом — путем завоевания власти одной общественной группой и навязывания своей воли «пораженным» группам граждан (при необходимости справедливость такого подхода по определению доминирования какой-либо группы можно подтвердить с математической точностью), и ни один из критиков не привел каких-либо аргументов, опровергающих этот тезис. Тем не менее, не-

смотря на критику, большинство же современных социологов, среди которых можно выделить Альбиона Смолла, Альфреда Фиркандта и Вильгельма Вундта, разделяют представленные мной тезисы. Так, к примеру, Вильгельм Вундт заявляет, что «политическое общество» (термин, наиболее близкий по смыслу понятию «государство», использованному в данной книге) впервые возникло и может вообще возникнуть только в периоды миграций и завоеваний», — иными словами, политическое общество может возникнуть только в результате насилия и подчинения человека — человеку.

Некоторые из оппонентов все же склоняются к моим аргументам, как это случилось с почтенным Адольфом Вагнером, чьи слова я с гордостью привожу здесь. В своей статье «Государство», опубликованной в *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, Вагнер пишет: «Социологическая концепция государства, о которой упоминалось ранее, и ее трактовка Оппенгеймером заслуживают наиболее пристального внимания — особенно со стороны экономистов и историков. Предложенная трактовка будет полезна даже ее активным критикам, так как она дает ключ к пониманию экономического развития народов и государств».

В настоящее время «Социологическая концепция государства» Людвиг Гумпловича, несмотря на ожесточенную критику, пользуется широкой поддержкой определенных общественных групп, которые я называю не иначе как «социологическим корнем Зла». Тем не менее концепция Людвиг Гумпловича представляет собой один из базовых элементов «буржуазной социологии», рассмотрение и оценка которого будут проведены в данной работе с точки зрения экономики, истории, права и конституционного развития, и здесь я позволю несколько пояснений и комментариев по этому вопросу.

Самые ранние свидетельства признания идеи, лежащей в основе «закона первоначального накопления капитала», можно проследить до периода распада классической цивилизации, когда развитие капиталистической рабовладельческой экономики стало причиной чрезмерного роста

общественного потребления и привело к гибели городов. Эпоха современного капитализма во многом напоминает период классических цивилизаций — сейчас, так же как и в те далекие времена, наметился раскол в устоявшихся общественных отношениях, которые до определенной степени защищали простого человека. То, что Фердинанд Тённис называет «общественными связями», было утрачено. Совершенно неожиданно объединяющие ранее людей «духовные скрепы» теперь пропали, и обычный человек оказался совершенно незащищенным, вынужденным рассчитывать только на свои силы в атмосфере жесточайшей конкуренции. Общинное самосознание и жизненный опыт многих поколений больше не могли ни обеспечить безопасность человека, ни управлять его поступками, — наступило время индивидуализма и «атомизации общества». В свою очередь индивидуализм и атомизация приводят к появлению идей национализма («национального достоинства»). Идея национализма сначала имела свое обоснование как линия развития и метод во вновь возникшей науке социального управления; но, когда позже это стало тем, что Рубенштейн (в своей работе «Романтический Социализм») уже называет «тенденцией», этому не нашлось обоснования. Понятие «Община» в тот момент, под влиянием идей Фердинанда Тённиса, преобразуется в «Общество».

При этом единственной «скрепой», поддерживающей общественные отношения, становится «общественный договор» — своего рода социальный «контракт», основанный на рациональном подходе Жан-Жака Руссо и его труде «Об общественном договоре». Таким образом, «общество» новой формации становится добровольным объединением индивидов, которые за счет объединения усилий рассчитывают удовлетворить свои потребности. В свое время Аристотель высказывал идею о том, что государство развивается из семьи, а стоики и эпикурейцы считали, что государство формируется за счет воли отдельных индивидов. Необходимо, правда, отметить, что стоики считали, что индивид объединяется с «обществом» в силу своей человеческой приро-

ды, а эпикурейцы придерживались той точки зрения, что индивид объединяется с «обществом» в силу своей антисоциальной предрасположенности. Следовательно, под «человеческой природой» стоики понимали мирное сосуществование, тогда как эпикурейцы под определением «человеческая природа» воспринимали войну «всех против всех» и, отталкиваясь от такого определения, выводили необходимость наличия «общества» для предотвращения войны до полного истребления и достойного образа жизни (*modus vivendi*). Стало быть, в одном случае появление «общества» обусловлено его внутренней «природой» (*physei*), а в другом случае — неким внешним указом, «законом» (*nomo*).

Несмотря на фундаментальные различия между двумя этими школами, они исходили из одного тезиса, что первоначально *люди обладали личной свободой и были равны в экономическом и политическом отношениях* и что именно из такого социального порядка сформировалось «Государство» с его развитой иерархией классов. Именно такой подход лежал в основе «закона о первоначальном накоплении капитала»*.

Нам суждено ошибиться, если мы станем полагать, что данный тезис («естественное развитие») обусловлен историческим развитием, — такой рационализм, по сути, не просто неисторичен, он антиисторичен. Напротив, этот тезис был изначально предложен как «фикция», только в качестве некоего теоретического «допущения», не имеющего никакого исторического подтверждения и не подкрепленного никакими историческими фактами, но со временем этот тезис претерпевает изменения и становится широко известен под названием «естественное право». Именно в этом качестве тезис стал частью современной философии и прослеживается в работах «стоиков» Гуго Гроция**

* Иначе как «закон естественного поступательного развития». — *Прим. перев.*

** Гуго Гроций — в начале XVII столетия ввел современную идею естественного права человека. Гроций утверждал, что каждый человек имеет естественные права, включая самосохранение, и использовал эту идею как основу для морального консенсуса

и Самуэля фон Пуфендорфа, а также «эпикурейца» Томаса Гоббса*. Иными словами, данный тезис стал философским оружием мысли третьего сословия, «оружием буржуазии» и набирающего силу капитализма.

Поначалу капиталисты использовали свое оружие против феодального государства с его системой привилегированных классов, а затем — против рабочего класса, вооруженного социалистическими теориями о классовой борьбе. В противостоянии с феодальной системой теории

против религии. Он стремился найти простое основание морального начала общества, своего рода «естественное право», которое все могли бы потенциально принять. Он зашел настолько далеко, что говорил, что если даже признать, что никакого Бога нет, то эти законы оставались бы в силе. Идею считали разжигательной, так как она предполагала, что власть в итоге может вернуться к народам, пытающимся уберечь себя, если созданное ими политическое государство утратит свою цель, для которой оно изначально создавалось. Кроме того, Гроций вывел социальную аксиому: человек по своей природе — свободное существо, предназначенное для свободной жизни в социальном сообществе. Эта аксиома настолько сильно противоречила тому, что сложилось на практике, что в ней содержался глубокий революционный смысл. — *Прим. перев.*

* *Томас Гоббс* — один из основателей «договорной теории» происхождения государства. Основой порядка считал «естественный закон» — стремление человека к самосохранению благополучия и удовлетворению потребностей. Принцип поведения человека объясняется им как стремление приобрести больше благосостояний и избежать больших страданий. Государство Гоббс рассматривает как результат договора между людьми, положившего конец естественному догосударственному состоянию «войны всех против всех». Понятие «Общественного Договора» Томаса Гоббса подразумевает, что люди отказываются от своих собственных «естественных прав» и «собственного суверенитета» в пользу государства и его «государственного суверенитета», чтобы обеспечивать, таким образом, свои «естественные права» и собственные интересы при помощи государственного посредничества и посредством государственного покровительства, что, в современном философском представлении, обосновывается как государственный патернализм. — *Прим. перев.*

капитализма настаивали на том, что «естественное право» не признает привилегий, а после революций в Англии (1648) и Франции (1789) «естественное право» использовалось в качестве аргумента о социально-экономическом превосходстве капитализма и для снижения влияния рабочего класса. В борьбе против рабочего класса теоретики капитализма исходили из того, что, согласно теории Адама Смита, формирование общественных классов является результатом «естественного развития» общества, когда лучшее общественное положение занимают наиболее предприимчивые, экономные и удачливые граждане. Ну а поскольку перечисленные добродетели, конечно, в первую очередь относятся к буржуазному обществу, функционирующему на основе капиталистического права (при этом капиталистическое право исходит из «естественного права»), они должны восприниматься как данность. Следствием подобных умозаключений теоретиков капитализма стало полное отвержение социалистических идей.

Таким образом, тезис, представленный изначально только в качестве «допущения», постепенно трансформировался в гипотезу и со временем оформился в качестве аксиомы буржуазного общества, которая не требует доказательств. Приверженцы тезиса «естественного развития» придерживались мнения о том, что доминирование одного класса стало результатом органического развития общества, когда на фоне личной свободы и всеобщего равенства один из общественных классов перехватывает инициативу в общественных отношениях. **При этом приверженцы тезиса «естественного развития» даже не рассматривали возможность закрепления доминирования одного класса над другим посредством насильного внеэкономического принуждения.** Роберт Мальтус, к примеру, утверждал, что в силу закона «естественного развития» любые виды социализма представляют собой не более чем Утопию, а знаменитый закон Мальтуса о народонаселении является собой не что иное, как закон первоначального накопления капитала, спроецированный в будущее. При этом Мальтус утверждал, что в силу

действия закона «естественного развития» любые попытки восстановления «экономического равенства» заранее обречены на провал, — неудивительно, что все ортодоксальные социологи выступали резко против подобной трактовки теории формирования общественных классов. Но, несмотря на все усилия социологов, пытающихся опровергнуть аксиому формирования общественных классов на основе «естественного развития», успевшую пустить крепкие корни, **в итоге выяснилось, что общественные классы сформировались в результате насилия и подчинения, а не при условиях равной и мирной экономической конкуренции.**

Принимая во внимание, что «родиной» капитализма и социализма была Англия, не вызывает никакого удивления, что первые признаки этих социальных явлений проявились именно в этой стране. В качестве примера можно взять лидера английских «истинных левеллеров» Джерарда Уинстенли, известного своими действиями против правящего класса сквайров во времена Оливера Кромвеля, являющегося собой прекрасный образчик несостоятельности антиисторических подходов. Рассматривая пример Джерарда Уинстенли, можно обнаружить конфликт между правящим классом сквайров, основную массу которого составляли потомки норманнских завоевателей, и «угнетенным» классом англосаксов. Однако, как известно, деятельность Джерарда Уинстенли не имела особого успеха, и со временем о ней просто забыли, а очередной всплеск интереса к вопросу о классовом устройстве общества пришелся на Французскую революцию. На этот раз в качестве трибуна выступил граф Анри Сен-Симон — один из основателей современной социологии и утопического социализма, обнаруживший, что доминирующий класс во Франции состоит из потомков франкских и бургундских завоевателей, который «угнетает» класс романизированных кельтов. Собственно говоря, с публикаций Сен-Симона берет начало западноевропейская социология. Идеи Сен-Симона получили дальнейшее развитие в работах Огюста Конта, Сент-Аман Базара и Бартеlemi Анфантена, оказавших

огромное влияние на социально-экономическое развитие общества, но главный вклад этих выдающихся мыслителей заключался в разработке социологической концепции права и государства.

Новые социологические концепции были хорошо восприняты в странах Западной, нежели Восточной, Европы. Причина столь разного восприятия между странами Западной и Восточной Европы кроется в том, что граница между «обществом» и «государством» в странах Восточной Европы была проведена не столь явно, как в странах Запада. Но, даже несмотря на теплый прием новых социологических концепций в Западной Европе, наибольшее распространение они получили в Великобритании, Франции, Нидерландах и Италии — странах, где «третье сословие» заняло привилегированное положение, заменив собой старое феодальное «государство». Во Франции, например, результаты действий союза роялистов и буржуазии представляют собой пример «усмирения» мятежной аристократии и укрепления королевской власти, а в оборот вводятся понятия «нация» и «народное хозяйство», вместо «политической экономии». Объясняется это тем, что представители третьего сословия считали себя субъектом государства, права и свободы которого уравнивались правами и свободами двух других привилегированных классов — аристократией и духовенством. **Третье сословие, таким образом, провозгласило наличие прав «общества», противопоставив его тем самым «государству», — с этого момента начинается противостояние «естественного права», в основе которого лежат понятия свободы и равенства, с «наследственным правом», лежащим в основе феодального государства. Впервые идея отделения «общества» от «государства» появляется в работах Джона Локка* и получает дальнейшее**

* *Джон Локк* — выдающийся философ эпохи Просвещения, представитель школы «стойков». Локк различал у человека естественное состояние, гражданское состояние и состояние деспотизма. Естественное состояние — состояние полной

развитие в работах различных экономистов, и в особенности в трудах физиократов.

В противостоянии идей и классов страны Центральной и Восточной Европы практически не принимали участия. Так, к примеру, в Германии был сложившийся класс крупных капиталистов, особенно во времена домов Фуггеров и Вельзеров, но религиозные войны и вторжения французов в шестнадцатом и семнадцатом веках превратили Германию в выжженную пустыню. Германия, таким образом, была не более чем рядом свободных городов и удельных княжеств, которыми безраздельно правила наследственная аристократия. Ремесленники свободных городов объединялись в специальные лиги, представлявшие их интересы, тогда как оставшаяся часть населения городов была представлена студентами университетов и университетской администрацией. В значительной степени ремесленники, студенты и университетская администрация зависели от государства — ремесленники находились на привилегированном положении в обществе, что их полностью устраивало, представители университетской администрации вообще считались государственными служащими, а студенты причислялись к элите общества. По причине подобного положения вещей в Германии не было экономической или социальной подоплеки для появления третьего сословия,

свободы и равенства при распоряжении своей жизнью и имуществом. Право на собственность является естественным правом; при этом под собственностью Локк понимал жизнь, свободу и имущество. Свобода, утверждал Локк, существует там, где каждый признаётся «владельцем собственной личности». Государство, считал Локк, — результат совместного «общественного договора», основанного на согласии всех граждан. Власть, однако, дается государству исключительно для сохранения достоинства граждан, для сохранения общей свободы и благосостояния. Состояние деспотизма хуже, чем естественное состояние, потому что в последнем каждый может защищать свое право, а при деспотизме он не имеет этой свободы. Локк считал правомерным и необходимым восстание народа против тиранической власти. — *Прим. перев.*

а ветры борьбы классов и идей заносились в Германию через набиравшее силу литературное движение — именно этим объясняется тот факт, что в сознании немецкого народа не было четкого разделения между понятиями «государство» и «общество». Более того, эти два термина вообще использовались в качестве синонимов, что отражало истинное положение дел в немецком обществе.

Помимо исторического наследия была еще одна причина в разнице восприятия понятий «общество» и «государство» между странами Западной, Центральной и Восточной Европы: в Англии и Франции еще со времен Декарта установилась практика, когда вопросами философии и социологии активно занимались математики и естествоиспытатели, а в Германии этими вопросами занимались исключительно представители духовенства, и в особенности протестантские богословы. В итоге это привело к тому, что под влиянием духовенства в Германии сформировалось представление о «божественной сущности государства», из которой прямо следовала необходимость слепого повиновения государству.

Вершиной немецкой классической философии стала система Гегеля, развившего идеи Канта, Фихте и Шеллинга. Таким образом, на протяжении долгого времени в Европе существовали две параллельные системы мысли — западноевропейская социология и немецкая философия, которые иногда пересекались. Идеи Иоганна Альтузия и Самуэля Пуфендорфа, например, нашли применение в развитии концепции «естественного права» в Англии, Франции и Голландии, а Гегель в своих работах использовал идеи Руссо. Однако не всегда дело ограничивалось только эпизодическим заимствованием идей у своих «смежников», в истории были и более удачные примеры взаимного обмена идеями. Так, в 1840 году один из самых одаренных учеников Гегеля — Лоренц Штейн, ставший впоследствии одним из ведущих немецких мыслителей в области административного права, приехал в Париж для ознакомления с идеями социалистов, где лично по-

знакомился с Бартеlemi Анфантенom, Сент-Аман Базаром, Луи Бланом, Мари Рейбо и Прудоном.

В Париже Лоренц Штейн с энтузиазмом воспринял идеи французских деятелей, которые затем переработал сообразно своим представлениям, разбавив их немецкой метафизикой. Синтез идей, полученный в результате «скрещивания» идеалов французских социалистов с немецкой метафизикой, Штейн назвал «Наукой об обществе» (*Gesellschaftswissenschaft*). Необходимо особо отметить, что работы Штейна оказали влияние практически на всех немецких и австрийских мыслителей социалистической направленности — Карла Маркса, Альберта Шеффле, Отмара Шпанна и Людвиг Гумпловича.

В своей работе я уделяю наибольшее внимание исследованию вопроса социологической основы государства, а не стремлюсь проводить анализ исторических событий, и одной из первых проблем, с которой я столкнулся во время работы над книгой, стала путаница в терминологии. Дело в том, что западноевропейские мыслители уже давно не утруждают себя унификацией использованных терминов, и, например, как было показано выше, поначалу третье сословие во Франции считало себя «обществом», противостоящим «феодальному государству», но с появлением класса пролетариата ситуация принципиально изменилась, — теперь уже пролетариат стал считать себя «обществом», которое противостоит «буржуазному государству». **Таким образом, в какой-то момент появились две абсолютно разные концепции «Государства», у которых, однако, была одна общая идея, которую разделяли и буржуазные, и социалистические теоретики, — «Государство» в понимании буржуазных и социалистических теоретиков представляет собой не более чем совокупность привилегий, появление и распределение которых *полностью противоречат* «естественному праву», тогда как «Общество» считается формой союза граждан, созданного в *полном соответствии* с «естественным правом». Существенная разница в концепциях «Государства» буржуазных и социалистических теоретиков заключалась в том, что,**

по утверждениям буржуазных теоретиков, «капиталистическое общество» уже стало результатом эволюционного развития «естественного права», тогда как социалисты заявляли, что реальным результатом эволюционного развития «естественного права» еще станет «общество будущего», в котором будет полностью уничтожена добавочная стоимость. **Несмотря на различия в концепциях буржуазных и социалистических теоретиков, и те и другие исходили из того, что «Государство» представляет собой безусловное «Зло», которому противостоит «Добро» гражданского общества***.

Со временем существующие концепции буржуазных и социалистических теоретиков подверг переосмыслению Лоренц Штейн**, который, будучи учеником Гегеля и государственным деятелем, выдвинул теорию социального государства в качестве «высшей» (божественной и справедливой)

* Дословно: «Несмотря на то что обе стороны были в конфликте по основным позициям, они сошлись на том, что согласились рассматривать Государство как “civitas diaboli” и Общество как “civitas dei”». — *Прим. перев.*

** *Лоренц Штейн* — нивелировал задачи обеих спорных позиций как буржуазии, так и социалистов. Как гегельянец и самоотверженный продолжатель гегельянства, в то же время как выдающийся идолопоклонник государства и сторонник государственности, он задумал «Государство» как «civitas coelestis», или «поднебесный город» — богоподобное, наивысшее и наилучшее достижение из всех известных достижений человечества. В дальнейшем оно легло в основу его концепции «Государственного Социализма» и «социального государства всеобщего благосостояния». Общество же, под которым Штейн подразумевал господствующее тогда буржуазное общество, он стал рассматривать как недостойное, с точки зрения своих социалистических наставников и товарищей, и определил место общества как «civitas terrena», или «приземленный город» — незаслуженное, низшее и порочное состояние человека. При внимательном рассмотрении этикетической философии Штейна в отношении государства и общества, представленного враждующими классами буржуазии и социалистов, можно заметить обоснование и потенциальное выделение им отдельного привилегированного класса государственных деятелей — «класса чиновников». — *Прим. перев.*

формы государственного устройства. Касаемо формы государственного устройства, в которой главенствующую роль занимает класс буржуазии, Штейн, с подачи своих социалистических наставников, считал «низшей» (несправедливой) и приземленной.

В понимании Штейна все то, что Платон считал «идеей», ранние физиократы — «естественным порядком», а англичане и французы — «Обществом», относилось к «Государству». С другой стороны, немцы считали «Обществом» все то, что физиократы, англичане и французы по причине «грубого материализма» относили к «Государству». По большому счету в этой терминологической путанице нет особого смысла, ввиду того что Штейн внезапно осознал, что теория Гегеля о государственном устройстве, основанная на правах и свободах, представляет собой лишь «идею», которой никогда не суждено сбыться в реальной жизни. Выводы Штейна в части общественных отношений, таким образом, сводились к тому, что эффективное развитие «Общества» ограничивается интересами узкой группы лиц.

Рассуждения Штейна посеяли сомнения в Германии, и скоро практически все немецкие социологи, за исключением Карла Дитцеля, пришли к пониманию того, что теория Гегеля о государственном устройстве умозрительна и импотентна и не могла применяться на практике. Она ни в коей мере не затрагивала ни реального исторического роста и ни в каком смысле не могла служить обоснованием для того, что подразумевалось под государством. Иными словами, сложилась такая ситуация, при которой произошел пересмотр понятия «Государство», а спустя какое-то время основоположники научного коллективизма и социального анархизма Карл Маркс и Михаил Бакунин соответственно, и в особенности Людвиг Гумплович, в своих работах полностью отказались от всей терминологии и понятийного аппарата Гегеля и стали использовать терминологию, общепринятую в Западной Европе.

В своей книге я также придерживаюсь общепринятой западноевропейской терминологии и под термином «Государст-

во» подразумеваю не скопление и не сообщество людей, в которое люди могут объединиться и которое может спонтанно возникнуть, как это принято считать*, а некую совокупность привилегий и доминирующих положений, являющихся результатом действий насильственной внеэкономической власти. В противоположность этому под термином «Общество» я понимаю совокупность понятий, входящих в число всех сугубо естественных человеческих отношений и общественных институтов между человеком и человеком, которые не смогут быть полностью реализованы до тех пор, пока последние остатки последствий той варварской «эпохи вторжений и завоеваний» не будут полностью исключены из общественной жизни человека. Что касается других исследователей, то они вправе называть любую форму руководства или правительства или какую-либо иную организацию — «Государство». Это вопрос личного выбора. Бесполезно спорить о различных определениях. Но еще лучше, если эти другие мыслители поймут, что они не опровергнут «социологическую идею государства» в том случае, если их понятие «государство», которое они развили, опирается на иное основание и не согласуется с данным в книге. Более того, они должны быть особенно осторожными и остерегаться опасности применения любого другого определения «государства», отличного от того, которое используется в данной книге, к тем фактическим историческим продуктам, которые до этой поры были названы как «государства», сущность, развитие, курс и будущее которых придется сперва обосновать любым достоверным учением о государстве или философией государства.

Доктор *Франц Оппенгеймер*,
 профессор социологии и теоретической экономики,
 Франкфурт-на-Майне, апрель 1922 г.

* В Восточной Европе, и в том числе в Германии. — *Прим. перев.*

Комментарии переводчика к предисловию автора

а) Автор не отвергает существования «Общественного Договора», но уточняет, что данный договор всегда формируется правящим классом (формально или неформально, добровольно или насильственно — это уже другой вопрос). Например, если у нас Феодальное Государство, в котором правящим классом является военная (земельная) аристократия, то и «Общественный Договор» будет сформирован этой самой военной (земельной) аристократией, со всей ей полагающейся атрибутикой — иерархией сословий и правом наделения (землей).

б) «Общественный Договор» может быть изменен только в ходе «Классовой Борьбы» (если проще, то «Правящий Класс» никогда не отдаст свои собственные права «просто так», без борьбы, без боя), что, собственно, и происходило в Англии, Франции и Голландии, когда новый, только сформировавшийся «класс буржуазии» изменил существующий «Общественный Договор» в свою пользу и отстоял свои буржуазные, капиталистические права в борьбе против сословной аристократии и земельного «огораживания» (до буржуазных революций свободное распоряжение землей было невозможно).

в) Идея может быть побеждена только идеей, и если есть концепция существования «Феодального Государства», то ее можно победить только за счет другой идеи. Такой «новой идеей» в борьбе буржуазии против аристократии и духовенства (как пишет Ф. Оппенгеймер, — «оружием буржуазии») и стала эта концепция «Естественного Права», которая отрицала наличие любой иерархии сословий и сословной аристократии. При этом и, что очень важно, правильность и точность такой «новой идеи» — дело десятое, главное, чтобы ее в своем большинстве начали разделять все массы — население. Что, собственно говоря, именно и произошло с концепцией «естественного права», которая

ушла в народ и была там горячо поддержана всеми слоями населения. Поэтому автор и пишет о «вбросе» и «фикции» — будучи однажды запущенными в оборот, «вброс» и «фикция» могут начать жить в обществе, в народе своей собственной жизнью. То есть любая серьезная борьба начинается с борьбы идей в обществе и уже только потом завершается борьбой классов.

г) **«Классовая борьба» никогда не заканчивается**, как только (когда буржуазия победила) подписывается новый «Общественный Договор» (подписывается не мирно, а под давлением превосходства, власти, силы), — победившие «новички» стараются всеми силами удержать достигнутый в борьбе «статус-кво» и, с одной стороны, не отдать ранее завоеванные себе права аристократии и духовенству, а с другой — не допустить переуступки своих прав в пользу нарождающегося нового «рабочего класса» — «пролетариата», который со временем начинает наступать победителям «на пятки».

д) Таким образом, автор увязывает в единую систему «Естественное Право», «Общественный Договор» и «Классовую Борьбу», но обращает внимание на то, что именно она, «Классовая Борьба», является самым первичным и основным движущим фактором в системе, а не просто наличие некоего «Общественного Договора», как это было у Томаса Гоббса. Он (Т. Гоббс) писал, что все граждане как бы «добровольно» отказываются от своих прав и передают свои права Государству (заключая таким путем «Общественный Договор»), чтобы получить некое покровительство их интересам и исключить, предотвратить «анархию» в обществе (состояние «войны всех против всех»). Здесь Оппенгеймер уточняет, что эта самая «передача» прав, их делегирование от Общества к Государству, происходит совсем не сразу, и вовсе не мирным путем, а посредством борьбы и насилия.

Александр Стихин,
переводчик

Перед вами — уникальный, новаторский исторический и социологический анализ Государства, в котором рассматриваются перемены, происходящие как во властных структурах, так и в социальных группах, обладающих властью. Ключевая идея данного анализа — исследование категорий и изучение различий между мирными «экономическими методами» и насильственными «политическими методами» приобретения благосостояния и распределения богатства.

**ГОСУДАРСТВО:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ**

ГЛАВА 1

ВВЕДЕНИЕ В ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Часть А. Различные теории о природе Государства

В этом трактате «Государство» рассматривается только с социологической точки зрения, а не с юридической, при этом социология, в моем понимании, объединяет философию истории и экономическую теорию. Целью данной работы является как исследование социально-психологических истоков «Государства», начиная от самых ранних форм и заканчивая современными, так и прогнозирование дальнейшего процесса развития «Государства». В ходе нашего исследования мы будем рассматривать только внутренние составляющие «Государства» и пренебрежем его внешними атрибутами, такими как международные отношения и национальная политика. Другими словами, данная работа представляет собой вклад в исследование вопроса о происхождении и развитии «Государства», основной упор в которой делается на анализе проблем, общих для всех «Государств» прошлого и современности.

Учитывая поставленную задачу исследования, мы можем смело пренебречь существующими теориями появления «Государства», так как достаточно даже беглого взгляда, чтобы понять всю их несостоятельность в части объяснения возникновения, существования и целей «Государства». При внимательном изучении существующих теорий возникновения «Государства» можно заметить, что они представляют собой набор крайностей, тогда как Руссо выводит появление «Государства» из «общественного договора», Кэри прослеживал следы возникновения «Государства» в деятельности банд грабителей. Но это еще не всё: Платон и последователи Карла Маркса наделяют «Государство» такой полнотой власти над гражданами,

которая возводит его в ранг «Властелина» в вопросах политики и экономики (более того, Платон зашел так далеко, что даже наделил «Государство» правом регулирования сексуальных отношений граждан). В противоположность этому сторонники Манчестерской школы представляют (нельзя считать тем, чего нет) «Государство» исполняющим исключительно полицейские функции, которое, по идее, должно отмереть со временем, как на это рассчитывали анархисты. Как видим, на основе таких разных подходов к вопросам возникновения и целей «Государства» невозможно определить единый принцип либо сформировать реальную сущность «Государства».

Этот непримиримый конфликт теорий объясняется тем, что ни одна из существующих теорий не рассматривает «Государство» с социологической точки зрения. «Государство» тем не менее представляет собой определенного рода историческое явление, суть которого может быть выявлена только путем проведения тщательного анализа всемирной истории. Проблема, однако, заключается в том, что все теории «Государства» представляют собой различные варианты классовой борьбы, но никто до сих пор не рассматривал «Государство» с точки зрения социологии. Иными словами, раз «Государство» представляет собой набор различных социальных классов, то это привело к тому, что все теории об устройстве и сути «Государства» исходили из классовой борьбы.

Что касается теории классовой борьбы, то она, вне всякого сомнения, представляет собой результат различного рода предположений и допущений, нежели результат непредвзятого исследования. При этом необходимо особо отметить, что теория классовой борьбы всегда выполняла роль своего рода «тарана» в борьбе за материальные интересы определенных социальных групп и никогда не использовалась для определения истинной природы «Государства». Проще говоря, теория классовой борьбы является «обманкой», маскирующей истинное положение дел с устройством и функционированием «Государства»,

и не представляет собой результат серьезного научного исследования. Таким образом, только осознав истинную суть и природу «Государства», можно говорить о справедливости теорий, объясняющих его устройство. Обратный подход, при котором суть «Государства» объясняется посредством предположений и допущений, в корне неверен и не дает четких ответов о сущности «Государства».

Ниже мы рассмотрим наиболее распространенные концепции о происхождении и сущности «Государства», которые, несмотря на активную критику, до сих пор имеют хождение в университетских кругах.

Двумя наиболее распространенными концепциями возникновения «Государства» являются «стоическая» и «эпикурейская» теории. «Стоическая» теория исходит из предпосылок о том, что «Государство» возникает по причине врожденной тяги человека к «общинной жизни», в то время как «эпикурейцы» придерживаются того мнения, что причиной возникновения «Государства» являются насущная необходимость прекращения «войны всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*) и подавление любого асоциального поведения.

При обсуждении «стоической» и «эпикурейской» теории о происхождении «Государства» активно использовались теологические выкладки. С их помощью эти два явно непримиримых понятия (стоическое и эпикурейское) были слиты воедино при посредничестве средневековой религиозной философии. Человек, согласно наработкам средневековых теологов, по своей природе являлся социальным творением, но в силу первородного греха, братоубийства Каина и допущенного беззакония при возведении Вавилонской башни стал разделенным на бесчисленное множество враждующих и воюющих между собой племен, которые со временем должны были забыть прежние обиды и мирно объединиться в единое «Государство».

Такой подход, на мой взгляд, в корне неверен, поскольку в результате его применения происходит размытие понятия «социальный класс». В свою очередь, это влияет

и на понимание природы «Государства», которое, и это нужно особо отметить, представляет собой одну из форм организованного политического объединения, следует также помнить, что это форма, обладающая определенными характеристиками. **Каждое государство в истории было или является классовым государством, государством с иерархией друг над другом верховных и подчиненных социальных групп, основанных с различными и неравными правами и с различными и неравными владениями. Этот феномен должен быть назван «Государство». И только «Государством» заполняется история.**

При изучении феномена «Государства» нужно исходить из того, что при описании любых форм политического устройства, независимо от наличия или отсутствия социальных классов, необходимо применять одинаковую терминологию. Таким образом, в силу закона неизбежного развития можно проследить процесс формирования межклассовых отношений для любой формы политического устройства — от раннего этапа зарождения социальных классов и до реальных исторических примеров сосуществования высших и низших слоев общества. Если при изучении общественных отношений придерживаться такого подхода, то в результате можно прийти к пониманию того факта, что мы имеем дело с разными стадиями формирования одного политического устройства, на самом раннем этапе формирования которого разница между классами не особо заметна, но по мере развития которого начинает усиливаться межклассовый антагонизм.

При анализе природы «Государства» вопрос использования унифицированной терминологии, как правило, отходил на второй план и зачастую исследователи подгоняли имеющиеся факты для обоснования мысли о том, что в силу действия закона непрерывного развития любое «Государство» со временем становится классовым обществом. Подобный подход по изучению природы «Государства» поначалу применяли исследователи «классического права», но со временем его переняли и представители

школы «естественного права». Более того, в результате активной деятельности Руссо искаженный подход к анализу природы «Государства» переключался в экономическую науку и по сей день мешает исследователям трезво взглянуть на вещи.

При таком подходе к изучению природы «Государства» исследователи, как правило, исходят из концепции «первоначального накопления капитала», которая в их представлении заключается в создании богатств в виде капитала, земли и движимого имущества в силу действия экономических сил. Карл Маркс совершенно справедливо указывал на несостоятельность таких взглядов, которые в изложении теоретиков подобного толка выглядели следующим образом.

Граждане одной далекой, богатой и свободной страны, имеющие равное социальное и экономическое положение в обществе, создают специальный союз в целях взаимной поддержки и защиты своих прав. С течением времени созданный союз претерпевает значительные изменения, которые выражаются в виде разделения на различные классы собственников, — более сильные, прозорливые, экономные и предприимчивые постепенно приобретают начальный капитал, выраженный в движимом и недвижимом имуществе, тогда как менее способные члены общества в силу своей ограниченности и расточительности остаются без «первоначального капитала». После первого этапа имущественного, социального и «классового» расслоения наступает момент, когда более оборотистые индивиды начинают «продавать» начальный капитал, накопленный на предыдущем этапе, своим менее удачливым согражданам. Таким образом, сформировавшееся однажды неравенство приобретает более жесткие формы: владельцы первоначального капитала со временем становятся все богаче и богаче, а граждане, попавшие в зависимость к владельцам первоначального капитала, становятся со временем только беднее. В результате де-факто сформировавшегося имущественного и социального разделения богатые собственники приобретают значительный вес в обществе и начинают

оказывать влияние на государственные и общественные институты с целью получения личной выгоды. Как видим, речь фактически идет о двух непропорциональных социальных классах — классе собственников, располагающем значительными капиталами, и классе наемных рабочих-пролетариев, лишенных сколь-либо значимых средств. Соответственно в силу закона неизбежного развития изначально «примитивное» общество с «равными для всех правами» трансформируется со временем в классовое общество, так как в любом обществе всегда присутствуют разные типы граждан — более и менее оборотистые, умные и глупые, экономные и расточительные.

Изложенная выше концепция, в общем-то, представляется вполне правдоподобной, и в нашей жизни есть много примеров, которые могут трактоваться в ее пользу. Например, нет ничего необычного в том, что при определенных обстоятельствах одаренный представитель низшего сословия достигает более высокого социального положения. Есть и противоположные примеры того, как слишком расточительные и неудачливые представители высшего сословия теряют свое социальное положение и скатываются до состояния обычного пролетария.

Тем не менее приведенная выше теория ошибочна по сути и используется только для оправдания существующих привилегий высших классов. В истории человечества классовое общество никогда не формировалось подобным образом и в принципе не могло возникнуть так, как это описывают приверженцы описанной выше концепции. Невозможность создания классового общества подобным образом можно доказать математически, а предположение о первоначальном накоплении капитала абсолютно ошибочно и не имеет ничего общего с формированием классового неравенства.

В качестве доказательства можно привести следующие соображения: все приверженцы концепции естественного права единодушно разделяют мнение о том, что разрыв между имущими и неимущими классами возникает только тогда, когда все плодородные земли уже заняты. **С точки**

зрения Жака Тюрго, одного из приверженцев концепции естественного права, до тех пор пока у гражданина есть возможность за столбить за собой свободный клочок земли, он никогда не пойдет в «услужение другому», по крайней мере до того момента, пока заработная плата от «работы на дядю» будет существенно ниже дохода, получаемого от управления довольно большим имуществом, свободного от притязаний третьих сторон (другими словами — не являющегося предметом залога). До тех пор пока гражданин имеет возможность занять свободную землю, она не может выступать предметом залога, так как никто не будет брать в залог вещи, которыми можно пользоваться даром.

Исходя из этих предпосылок приверженцы концепции естественного права сделали вывод о том, что в результате роста населения потребуется совсем немного времени для заселения всех свободных земель. Теоретики естественного права, находясь под впечатлением от численности народонаселения в восемнадцатом веке, для формирования которого потребовалось значительное время, наивно приняли существующую структуру социальных классов в качестве предположительного результата развития общества. При этом никому даже в голову не пришла мысль о том, чтобы проверить правильность своих выводов, и, за редкими исключениями, допущенные логические ошибки попали и в работы социологов, историков и экономистов. Только недавно были опубликованы мои собственные данные, и разве они не заставляют задуматься?*

Мы можем примерно определить территорию земель средней плодородности в определенной климатической зоне и прикинуть, какого количества такой земли достаточно для поддержания приемлемого уровня жизни семьи сельского жителя. Так же можно рассчитать примерную интенсивность работы сельского жителя и его семьи (без привлечения любой сторонней помощи или привлечения

* Franz Oppenheimer, *Theorie der Reinen und Politischen Oekonomie*. Berlin, 1912. — Прим. амер. перев.

постоянных работников), требуемой для обеспечения приемлемого уровня жизни. Например, во времена миграции варваров (350—750 г. н.э.) на каждого работоспособного человека приходилось порядка тридцати моргенов (двадцать акров) земли средней плодородности либо от десяти до пятнадцати моргенов (семь — десять акров) земли повышенной плодородности, и каждый год от трети до половины земли не возделывалось. Оставшихся пятнадцати — двадцати моргенов вполне хватало на поддержание приемлемого уровня немецких семей, несмотря на применение самой примитивной техники ведения сельского хозяйства, приводившей к потере чуть ли не половины урожая. Исходя из этого можно предположить, что в настоящее время для поддержания приемлемого уровня жизни сельского жителя и его семьи вполне хватит тридцати моргенов (двадцати акров). Современная Германия располагает землями сельхозназначения, размер которых оценивается в тридцать четыре миллиона гектаров, что соответствует восьмидесяти четырем миллионам пятнадцати тысячам четыремстам восьмидесяти акрам. При этом количество сельских жителей, включая наемных работников и членов их семей, оценивается в семнадцать миллионов человек. Предположим, что каждая семья состоит из пяти человек и владеет равным земельным наделом; таким образом, в пользовании каждой семьи будет находиться земля, равная десяти гектарам, или двадцати пяти акрам. Другими словами, даже в современной Германии не достигаются условия, которые согласно теоретикам концепции естественного права необходимы для социальной дифференциации.

В том случае, если применить подобный метод расчетов к менее населенным странам — таким как, например, государства Дунайского бассейна, Турция, Венгрия или Россия, то полученные результаты будут еще более ошеломляющими. Напомним, что поверхность Земли составляет 73 200 000 000 гектаров (1 080 880 200 000 акров), и если ее поделить на первоначальный уровень народонаселения

(от восьмисот миллионов до миллиарда), то получится, что на семью из пяти человек должно было прийти порядка тридцати моргенов земли (120 гектаров), *и при этом порядка двух третей планеты все равно останутся незанятыми.*

Таким образом, если принимать в расчет только подлинно экономические причины социального расслоения общества, тогда необходимо признать, что время для подобного расслоения еще не наступило, а критический уровень владения землей, при достижении которого запускается процесс общественных изменений, еще не достигнут.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что на протяжении веков во всех частях мира существовало классовое общество, на верхних ступенях которого располагались правящие классы, а в основании лежали неимущие классы. При этом подобное разделение наблюдалось даже тогда, когда уровень народонаселения был значительно ниже, чем в нынешние времена. Сейчас нас пытаются убедить в том, что классовое общество возникает только в результате *полного* занятия плодородных земель, но, как я показал ранее, с экономической точки зрения даже в современных условиях значительный объем земель остается незанятым, что фактически означает — занятие земель происходило при помощи политических, а не экономических методов. Принимая во внимание тот факт, что дефицита земли не наблюдалось, должен был существовать некий инструмент, позволяющий на «законных» основаниях создать подобный дефицит. Таким образом, правила владения землей устанавливались правящим классом, что препятствовало ее заселению представителями неимущих классов, и это означает, что классовое «Государство» может возникнуть только в результате процессов завоевания и подчинения.

Подобный подход, назовем его «социологическая идея государства», как будет показано далее, многократно подтверждается хорошо известными историческими фактами, но, несмотря на это, большинство современных историков отрицают такой подход, утверждая при этом, что «Государство» сформировалось в результате межклассовой

войны, при которой каждый из классов имел свои собственные «Государства», из которых затем в результате объединения образовалось одно «Государство» с классовой структурой. Поскольку не существует способа получения исторических доказательств обратного, поскольку начало человеческой истории неизвестно, мы должны прийти к заключению «не доказано», если бы дедуктивно не существовало абсолютной уверенности в том, что «Государство», как показывает история, «Классовое Государство» не могло бы возникнуть иначе, как путем завоевания и воинственного порабощения. Масса фактических данных показывает, что наши простые расчеты исключают любой другой результат.

Часть Б. Социологическая идея Государства

К изначальной, социологической, идее государства я добавил экономическую составляющую, которую сформулировал следующим образом:

Чем же является Государство с точки зрения социологической концепции? Государство, полностью по своему происхождению, значительно и почти полностью на начальных этапах своего существования, является социальным институтом, насильно навязанным победившей группой людей над побежденной группой с единственной целью — для утверждения Господства победившей группы над побежденными и для защиты от восстаний изнутри и нападений извне. Телеологически такое Господство не имеет никакой иной цели, кроме как экономической эксплуатации побежденных победителями.

Все примитивные государства, известные истории, возникали подобным образом¹. Но даже в тех случаях, когда исторические факты говорят об обратном, речь идет, как правило, об объединении двух развитых примитивных государств в единую структуру. Другим вариантом такого объединения является формирование единого «блока» для противостояния внешней угрозе, — как в той басне, когда

стадо овец избрало медведя своим «королем» для защиты от волка. Но даже в этом случае форма и содержание Государства были точно такими же, как и в тех государствах, которые никто не завоевывал и которые сразу стали «волчьими государствами».

Для доказательства доктрины возникновения Государства вполне достаточно небольшого исторического экскурса. В истории есть множество примеров того, как воинственные племена завоевывали новые территории, что в итоге приводило к формированию нобилитета из представителей завоевателей и созданию нового Государства. В Месопотамии волна завоевателей следует одна за одной, что приводит к частой смене государственного устройства — вавилоняне, амориты, ассирийцы, арабы, мидяне, персы, македоняне, парфяне, монголы, сельджуки, татары и турки; в пределах Нила — гиксосы, нубийцы, персы, греки, римляне, арабы, турки; в Греции — дорические государства; в Италии — римляне, остготы, ломбардцы, франки, германцы; в Испании — карфагеняне, вестготы, арабы; в Галлии — римляне, франки, бургундцы, норманны; в Британии — саксы и норманны. В Индии наблюдается подобная же картина — страну наводняют множество воинственных кланов, которые делят между собой не только материк, но и острова в Индийском океане. Аналогичная ситуация складывается и в Китае, ставшем ареной ожесточенной борьбы. В европейских колониях в Южной Америке и Мексике, имевших до завоевания государственные структуры, просматривается схожая картина: завоеватели устанавливают свои собственные порядки и подчиняют себе коренных жителей. На тех территориях, где отсутствует оседлое население со своими государственными структурами, а имеют место быть только кочевые охотники, которых невозможно поработить, — последних либо истребляют, либо вывозят завоеватели в целях эксплуатации и принудительного труда — так возникает работорговля.

Единственное исключение встречается только в тех европейских колониях, в которых прямо запрещалось вос-

полнять отсутствие коренного населения путем ввоза рабов. Одной из подобных колоний были Соединенные Штаты — одно из наиболее могущественных государств в человеческой истории, а исключительность Соединенных Штатов в части запрета восполнения коренного населения за счет рабов объяснялась тем, что *в страну постоянно и добровольно прибывали массы людей*, которые незамедлительно вовлекались в экономические отношения. Основным источником новоиспеченных эмигрантов были либо примитивные государства, либо те государства, где уровень эксплуатации людей достигал невыносимого уровня, которые решились на переезд в Новый Свет, как только средства передвижения достигли приемлемого уровня, — в этом случае можно говорить об инфицировании страны-реципиента чуждой «государственностью». В тех колониях, где иммиграция в силу ряда причин была ограничена (дальние расстояния, высокие затраты на переезд, правила и политика в отношении привлечения иммигрантов), наблюдается такая стадия развития Государства, которую в настоящий момент мы признаем в качестве ожидаемой и окончательной, но для описания которой еще даже не подобрана соответствующая терминология, — ведь согласно законам диалектики на смену количественным изменениям следуют изменения качественные, а старая форма наполняется новым содержанием. Несмотря на сильное влияние внешних сил, мы по-прежнему имеем дело с «Государством», поскольку именно оно осуществляет регулирование и обеспечивает условия для совместного проживания больших групп людей. Однако это больше не «Государство» в его устаревшем понимании, — оно больше не является инструментом политического господства и экономической эксплуатации, осуществляемой в интересах одной социальной группы. Более того, это уже и не «классовое Государство», так как оно больше напоминает результат действия «общественного договора». К примеру, австралийские колонии, за исключением Квинсленда, где до сих пор эксплуатации подвергается добрая половина

порабощенных канаков, практически достигли описанного выше уровня развития «Государства». То же самое можно сказать и о Новой Зеландии.

До тех пор пока не будет достигнуто общего понимания и согласия в отношении исторического происхождения и сути «Государства» (или значения слова «Государства» с социологической точки зрения), было бы неправильно использовать новый термин или название для обозначения наиболее развитых государств. Таким образом, несмотря на все возражения, многоплановый термин «Государство» будет использоваться исследователями и впредь, так как его использование позволяет делать слишком обобщенные трактовки. Однако для целей данного исследования мы предлагаем использовать совершенно новую концепцию и будем говорить о результате нового процесса как о «свободном гражданстве свободных людей»*.

В рамках данного исследования по возможности будут рассмотрены факты об истории и развитии рас, а также ряд государств, о которых обычно умалчивает так называемая «Всеобщая история». Здесь необходимо отметить, что предложенный нами подход по изучению природы «Государства» действует без каких-либо исключений. Вне зависимости от того, идет ли речь об островах Малайского архипелага или «величайшей социологической лаборатории» — Африке, абсолютно везде, где племена достигали определенного уровня развития, рано или поздно в результате захвата власти одной социальной группой возникало

* Здесь и далее авторское словосочетание «Freemen's Citizenship» переводчик переводит не как «государство свободных граждан», а как «свободное гражданство свободных людей», ввиду того что термин «государство» имеет смысл принуждения и подразумевает «господство» и что, как будет показано автором далее, свободная эмиграция по свободной территории имеет прямое и непосредственное отношение к освобождению человека от контроля и крепостной зависимости от эксплуатирующих народы, господствующих государств. — *Прим. перев.*

«Государство», основным смыслом которого была и остается экономическая эксплуатация покоренных социальных групп.

Проведенный нами краткий обзор не только доказательство тех фундаментальных положений, исследованию которых мы в первую очередь обязаны юристу и социологу из австрийского города Грац — Людвигу Гумпловичу, но и дает общее представление о путях развития «Государства» — от первобытного состояния времен завоевательных походов до «свободного гражданства свободных людей»*.

* Термин «государство» противопоставляется здесь термину «Freemen's Citizenship», ввиду того что сам Франц Оппенгеймер подразумевает под этими терминами не только разные значения, но и абсолютно разные основания, по теории Франца Оппенгеймера. «Государство» — это полностью развитые политические средства, «Общество» — это полностью развитые экономические средства. До этих пор государство и общество были неразрывно связаны: в «свободном гражданстве свободных людей» не будет никакого «государства», а будет только «свободное общество». — *Прим. перев.*

ГЛАВА 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Источником жизни на Земле служит сила, посредством которой одинокая клетка, пребывающая в теплом океане доисторических времен, трансформировалась сначала в позвоночных, а затем — в человека. По словам Юлиуса Липперта, под этой силой подразумевается стремление к жизни, которая представляет собой не что иное, как «любовь и голод». С развитием человечества составной частью этой силы становится философия, которая наряду с «любовью и голодом» формирует отношение людей к миру. При этом нужно отметить, что и философия, и «идеи» Шопенгауэра описывают борьбу за жизнь, которая в интерпретации Шопенгауэра называется «волей» — этим универсальным инструментом в борьбе за существование. Однако в качестве самостоятельно действующей силы помимо «воли» нам необходимо учитывать наличие причинно-следственных связей и взаимодействие различных социальных элементов, являющихся важными факторами общественного развития. Стремление к жизни на начальных этапах развития общества обычно проявляется в различного рода «суевериях», которые основаны на обрывочных наблюдениях за воздухом и водой, землей и огнем, животными и растениями, населенными, по мнению «наблюдателей», целыми полчищами добрых и злых духов. Со всей уверенностью можно сказать, что на текущий момент только немногие народы достигли такой стадии общественного развития, когда всевозрастающую роль в борьбе с народными суевериями начинает играть наука, которая оперирует широким массивом наблюдений и фактов и стремится в каждом явлении обнаружить причину и взаимосвязь.

Изучение различного рода «суеверий» приводит нас к выводу о том, что этот феномен обладает серьезной

силой и в моменты социальных напряжений способен оказать влияние на развитие исторических событий и общественные отношения². Несмотря, однако, на силу «суеверий», действие которых проявляется даже в спокойные времена, необходимо признать наличие базовых потребностей человека, удовлетворение которых вынуждает его заботиться о пропитании, одежде и жилище для себя и своей семьи. Наличие «базовых потребностей», требующих удовлетворения, автоматически заставляет задуматься нас о том, что общество развивается не только за счет «суеверий», но и за счет экономической составляющей. Таким образом, социологическое — что означает социально-психологическое — исследование исторического развития общества необходимо проводить в разрезе удовлетворения экономических потребностей, принимая во внимание мотивы поведения экономических субъектов.

Часть А. Политические и экономические методы

Существуют два принципиально противоположных метода, посредством которых человек удовлетворяет свои потребности, — работа и разбой. Другими словами, собственный труд и насильственное присвоение труда других людей. Разбой! Принудительное изъятие! С учетом того что современная цивилизация строится на принципе неприкосновенности частной собственности, от этих слов веет насилием и тюрьмой. Негативное отношение к разбою сохраняется вне зависимости от того, где он происходит — на суше или на море, хотя, к примеру, наемничество, которое, по сути, является организованной формой разбоя, считалось одним из наиболее почитаемых занятий. Принимая во внимание многозначность понятий и определений, возникает насущная необходимость использования правильной терминологии в нашем дальнейшем исследовании. С этой целью при описании собственного труда и процесса равноправного обмена результатов своего труда на результаты труда других людей

я предлагаю использовать определение «экономические методы», в то время как для описания принудительного и неравноправного изъятия результатов чужого труда я предлагаю использовать определение «политические методы».

Предложения, описанные выше, далеко не новые, и на протяжении длительного времени историки сталкивались с подобным противоречием, пытаясь каким-то образом его описать и формализовать. Правда, никому из исследователей не удалось полностью сформулировать суть выявленного противоречия, и до сих пор не было четко и ясно показано, что основное противоречие проявляется в методах достижения схожих целей — приобретении экономических ресурсов, которые затем можно использовать для потребления. Это очень важный момент, значимость которого не стоит недооценивать, и в свое время даже Карл Маркс не избежал ловушки с формализацией противоречия между экономическими целями и методами их достижения. Неспособность Карла Маркса провести четкое разделение между разными по сути понятиями привело в итоге к тому, что он причислил «рабство» к «экономической категории», тогда как «власть» классифицировал в качестве «экономической силы». В подобных случаях полуправда таит в себе бóльшую опасность, нежели абсолютная ложь, в связи с тем что на ее основе достаточно легко прийти к неверным выводам и ее труднее выявить.

Другими словами, четкое разделение методов достижения целей позволит нам избежать путаницы при проведении нашего исследования и станет ключом к пониманию этапов развития, сущности и целей «Государства». Более того, поскольку до сих пор история человечества представляла собой историю «Государства», то наше исследование позволит нам лучше понять исторические события. **Здесь хотелось бы отметить, что вся мировая история, от первобытных времен до наших дней, представляет собой не что иное, как непрерывную борьбу между «экономическими» и «политическими» методами, которая будет продолжаться до тех пор, пока мы не достигнем такого уровня развития,**

при котором станет возможным появление «свободного гражданства свободных людей».

Часть Б. Народы без Государства: охотники и собиратели

«Государство», как известно, представляет собой организованную форму использования «политических» методов. Таким образом, «Государство» не может возникнуть, пока при помощи «экономических» методов не будет создано достаточное количество ресурсов, которые можно перераспределить при помощи силовых методов или грабежа. Собственно, именно по этой причине первобытные охотники обходились без «Государства», которое начало формироваться только на более поздних этапах, когда первобытные охотники входят в столкновения со своими соседями, которых можно подчинить. Поэтому важно еще раз отметить факт того, что первобытные охотники жили в состоянии анархии.

По вопросу общественного устройства первобытных охотников Эрнст Гросс писал:

«Принимая во внимание факт того, что у первобытных охотников не наблюдалось сильного имущественного неравенства, не было и предпосылок для формирования “государственных структур”. Несмотря на то что зрелые члены племени в силу своего жизненного опыта обладали определенным авторитетом, взрослые мужчины племени, как правило, обладали равными правами и не всегда считали себя обязанными подчиняться авторитету старших. В тех же племенах, где присутствовал вождь (ботокуды, индейцы Центральной Калифорнии, ведды и аборигены Андаманских островов), его власть была сильно ограничена, и он не имел возможности продвигать свои личные интересы и идти против мнения большинства. Нужно отметить, что большинство племен первобытных охотников вообще не имели вождей, а взрослые мужчины племени представляют собой не более чем однородную массу, из кото-

рой выделялись только те индивиды, которые, согласно «общественному мнению», обладали «магической силой»³.

Фактически речь идет о том, что в среде первобытных охотников не было даже намека на «государственность» в терминах политической теории, не говоря уж о наличии «социологической идеи государства».

Социальная структура первобытных земледельцев не отличалась от общественной структуры первобытных охотников и не содержала признаков какой-либо «государственности». Несмотря на то что первобытные земледельцы производили обработку земли при помощи инструментов, что является одним из признаков более высокого экономического уровня, встречающимся только в государстве с относительно развитой экономикой и использованием принудительного труда, они жили свободными людьми, не стесненными рамками «государственного аппарата»⁴. Как правило, первобытные земледельцы из-за постоянных пограничных споров жили изолированными группами и в лучшем случае объединялись со своими соседями для почитания предков и племенных божеств. Объединения первобытных земледельцев не имели единой системы власти — в разных деревнях и поселениях были свои влиятельные персоны, «власть» которых была довольно ограниченной. Необходимо при этом отметить, что степень влияния персон определялась их личными качествами и, что более важно, приписываемыми им магическими силами. Генрих Кунов характеризовал перуанских крестьян до вторжения инков следующим образом: «Проживание большого количества независимых, хаотично перемешанных и взаимно воюющих племен, разделенных на автономные территориальные союзы, объединенных родственными узами»⁵. Подобное утверждение верно для всех первобытных крестьян Старого и Нового Света.

В таком состоянии общества вряд ли можно представить, что может возникнуть военная организация, основной целью которой было бы нападение на соседей. Так же трудно себе представить, что можно без серьезных

затруднений мобилизовать на взаимную оборону клан или, скажем, племя. Подобное поведение можно объяснить следующим образом: в связи с привязанностью крестьянина к земле он всегда тяжел на подъем, что сильно ограничивает его способность к передвижению. Таким образом, можно задаться вопросом: чем могут поживиться соседние жители в результате набегов по территории, заселенной крестьянами? Ведь один крестьянин не может поживиться у другого крестьянина чем-то новеньким, так как их быт в основном совпадает. В условиях общества, богатого сельскохозяйственными угодьями, каждый человек вносит свой вклад в обработку земли, занимая при этом столько территории, сколько ему необходимо для обеспечения жизни. В том случае, если крестьянин займет больше земли, чем ему необходимо, это приведет его к необходимости обеспечения сохранности избыточного продукта труда, которую в примитивных условиях довольно трудно обеспечить в силу скоропортящегося характера сельскохозяйственной продукции. Крестьянину из Центральной Африки, по словам Фридриха Ратцеля, для того чтобы не лишиться избыточного продукта своего труда, жизненно необходимо как можно быстрее перегнать его в пиво!

С учетом вышесказанного становится понятно, что война не может улучшить положение примитивных крестьян, и по этой причине им не хватает того воинственного настроя, которым обладают охотники и скотоводы, совершенно необходимого при проведении набегов. Помимо всего прочего серьезное влияние на характер примитивного крестьянина оказывает род его занятий — сама по себе обработка земли не способствует развитию военных способностей. Несмотря на то что обработка земли — это тяжелый труд и крестьянин обладает развитой мускульной силой, он тем не менее делает свою работу размеренно, что в итоге оказывает влияние и на модус жизни крестьянина. Охотники и кочевники, с другой стороны, живут совершенно в ином ритме, преобладающее значение в котором имеют повышенная скорость принятия решений и актив-

ные действия. Именно по этой причине примитивный крестьянин обычно обладает более мягким характером, нежели охотники и кочевники*.

В качестве итога можно сказать, что экономические и социальные условия жизни примитивных крестьян не оказывают определяющего влияния на появление развитых форм общественной интеграции, так как у крестьян отсутствует побудительный импульс к покорению соседей. Социальный и экономический уклад примитивных крестьян приводит к тому, что база для формирования «Государства» полностью отсутствует и, по сути, «Государство» никогда и не возникало при подобных условиях. Таким образом, примитивный крестьянин никогда бы не создал «Государства» без наличия внешнего влияния, которое осуществлялось народами с иным модусом жизни.

Часть В. Народы с Пред-Государством: скотоводы и викинги

Скотоводы, в отличие от крестьян, несмотря на свою разобщенность, разработали целый ряд элементов

* Как замечает Гросс в своей работе «Форма семьи» (с. 137), такое психологическое противоречие, несмотря на его очевидность, все же не является «истиной в последней инстанции»: «Некоторые историки любят противопоставлять крестьян воинственным кочевникам, утверждая при этом, что крестьяне довольно миролюбивы. На самом же деле нельзя со всей уверенностью утверждать, что экономическая деятельность толкает земледельцев к войне, как это происходит в случае кочевых племен скотоводов, но при этом в крестьянской среде можно найти массу примеров воинственного и жестокого поведения. Дикие людоеды с архипелага Бисмарка, кровожадные жители Фиджи, кровавые “мясники” Дагомеи и Ашанти — все они, в той или иной степени, занимаются “мирным” сельским хозяйством. Таким образом, если даже остальные земледельцы не так плохи, как приведенные выше примеры, то всё же “миролюбивость” основной массы крестьянства вызывает большие сомнения». — *Прим. амер. изд.*

государственности. В наиболее развитых племенах скотоводов государственное устройство обладало практически всеми признаками «Государства» в его современном понимании, за исключением разве что одного важного фактора — полного занятия определенной территории.

В племенах скотоводов экономический элемент был одним из определяющих, ведь даже без вмешательства внеэкономических сил имелись все предпосылки к возникновению имущественного неравенства. Если исходить из того, что на момент образования племени все его члены имели равное количество крупного рогатого скота, но с течением времени происходил процесс дифференциации, при котором одни члены племени становились беднее, а другие — богаче. Процесс дифференциации зависит от многих факторов: рачительный хозяин пристально приглядывает за своим стадом и защищает его от нападок диких зверей. Большое значение в процессе дифференциации имеет элемент удачи — кому-то из членов племени удастся найти хорошие пастбища для своего стада и водоемы для полива посевов, а кто-то в результате эпидемий и плохих погодных условий теряет скот и урожай.

Имущественное неравенство довольно быстро трансформируется в классовое — скотовод, потерявший все свое имущество, вынужден наниматься в услужение к богатому гражданину и, таким образом, попадает в зависимость от него. При этом, вне зависимости от географического положения скотоводов, наблюдается одна и та же картина, когда менее удачливый и бедный попадает в зависимость к более удачливому и богатому. Август Мейтцен пишет о саамах, кочевой народности в Норвегии: «Для обеспечения жизни одной семьи необходимо было владеть стадом в триста оленей, поэтому те, кто владел стадом в сто голов, были вынуждены идти в услужение к тем, кто владел стадом в тысячу голов»⁶.

У того же автора находим упоминание о среднеазиатских кочевниках: «Для обеспечения сносных условий жизни одной семьи требовалось стадо в триста голов. Стадо

в сто голов означало бедность и неизбежный рост долговой нагрузки. Участь бедняков predetermined — он должен горбатиться на богатого»⁷.

Информацию о практике «*commendatio*» африканского племени готтентотов можно почерпнуть у Фридриха Ратцеля: «Бедный человек идет в найм к богатому с единственной целью — разжиться скотом»⁸. Эмиль Лавелэ сообщает о схожих процессах в Ирландии и прослеживает возникновение феодальной системы (*système féodal*), в основе которой лежит «кредитование» скотом бедных членов племени со стороны более богатых. Следовательно, причитающийся к возврату «гонорар» за пользование «ссудой» (*fee-od*, владение скотом) представлял собой способ «закабаления» бедняков и позволял богатому рассматривать бедняка как «своего человека».

Мы можем только догадываться о тех методах, с помощью которых даже в миролюбивых сообществах кочевников экономическая и вытекающая из нее социальная дифференциация могли быть усилены за счет объединения усилий патриархов и служителей культа, если бы старейшины мастерски использовали суеверия своих соплеменников. Однако без применения политических методов подобная дифференциация имеет весьма ограниченные пределы. Более того, мастерство и эффективность не передаются по наследству, а в случае наличия большого количества детей в семье не спасет даже значительное поголовье скота, которое со временем придется разделить между наследниками, не каждому из которых будет сопутствовать удача. Для нашего времени в качестве примера можно привести историю самого богатого шведского саама, который за довольно короткий срок умудрился впасть в такую нищету, что пришлось вмешаться правительству Швеции и поддержать бывшего богача. Таким образом, мы можем утверждать, что рано или поздно, но под воздействием различных факторов в обществе восстанавливаются изначальные условия социального и экономического равенства. Справедливо и другое утверждение: «Чем более миролюбив и самобытен

кочевник, тем менее выражены видимые имущественные различия. Например, можно вспомнить, с каким чувством престарелый князь цайдамских монголов принимает свою дань или подарок, состоящий подчас из горстки табака, кусочка сахара и двадцати пяти копеек»⁹.

Однако при помощи политических средств равенство подвергается устойчивому разрушению. «Во время войн и погоней за добычей возникает неравенство, которое выражается в захвате и владении рабами, женщинами, оружием и племенными скакунами»¹⁰.

Владение рабами! Кочевник изобретает рабство, и, как первая форма эксплуатации человека человеком, оно станет фундаментом, на котором впоследствии возникнет государство.

Охотник живет войной и захватывает пленных, но не делает их рабами, — он либо убивает их, либо принимает их к себе в племя. Подобный подход по отношению к пленникам вызван тем, что рабы не представляют ценности для охотника — он не может их использовать. Таким образом, можно сказать, что добыча охотника может использоваться в значительно меньшей степени, чем это происходит с продуктами, производимыми земледельцами. Поэтому идея использования человека в качестве рабочего ресурса появляется только на таком этапе экономического развития, когда начинают формироваться основы «капитала», объем которого может быть увеличен только за счет использования зависимых трудовых ресурсов.

Стадии формирования «капитала» первыми достигают скотоводы — сил одной семьи, лишенной внешней поддержки и помощи, хватает лишь на то, чтобы содержать и обеспечивать защиту небольшого стада. До тех пор пока в игру не вступают политические методы, наблюдается скудность зависимых трудовых ресурсов, — к таковым обычно относятся бедные члены клана либо прибившиеся со стороны чужаки. Бывало и так, что целый клан бедных скотоводов поступал в услужение к более богатому клану или племени¹¹. В некоторых случаях наблюдалась

ситуация, при которой уровень благосостояния целого народа определял его социальные позиции. Так, например, тунгусы, уровень благосостояния которых очень низок, стараются жить поблизости от поселений чукчей, для которых выполняют роль пастухов оленьих стад, получая при этом в качестве оплаты за свою работу определенное поголовье оленей. Подобное развитие событий наблюдалось и во времена покорения племен самоедов зырянами путем постепенного занятия пастбищ¹².

За исключением разве что последнего примера, который уже более походит на «Государство», имеющейся в наличии у клана или племени рабочей силы, не подкрепленной «Капиталом», совершенно недостаточно для содержания значительного количества скота. В связи с тем что для рационального использования пастбищ нагрузку на них необходимо контролировать, это приводит к необходимости разделения стада и распределения его на несколько мест выпаса. Разделение стада помимо регулирования нагрузки на пастбища защищает скот от различных эпидемий и происшествий и затрудняет захват целого стада врагами. По этой причине богатые представители африканского племени гереро вынуждены помимо основного стада содержать несколько вспомогательных, в этом случае для присмотра за вспомогательными стадами привлекаются родственники и слуги¹³.

В связи с тем что захваченный пленник мог быть использован в качестве раба на пастбищах, кочевники начинают сохранять им жизнь. В качестве примера перехода от убийства к порабощению можно привести обычаи и обряды скифов, которые приносили в жертву лишь каждого сотого из захваченных ими пленных. В скифских обрядах Липперт видит «начало ограничений, причина которых, по всей видимости, кроется в той ценности, которую представляют собой пленники, которых можно использовать в качестве работников»¹⁴.

С началом использования рабов в племенных хозяйствах скотоводов мы видим все основные признаки

«Государства», за исключением разве что только территориальных границ. «Государство», таким образом, имеет форму господства, экономической основой которого является эксплуатация человеческого труда. Из всего этого следует, что быстрыми темпами увеличивается экономическое неравенство и начинают формироваться социальные классы. Поголовье скота богатых граждан, в целях безопасности разделенное на несколько хорошо охраняемых гуртов, как правило, не только сохраняется лучше, но и прирастает более высокими темпами, чем поголовье скота обычных граждан. Причиной быстрого увеличения поголовья скота богатых граждан является то, что в случае ведения боевых действий они могут выставить значительное количество бойцов или рабов, что автоматически приводит к получению ими увеличенной доли добычи.

При этом не нужно забывать и о служителях культа, деятельность которых со временем вносит раскол в доселе равноправные племена, — богатые граждане (и их наследники) постепенно начинают противопоставляться обычным гражданам. Липперт* пишет: «Краснокожие (*Redskin* — так европейцы называли индейцев, особенно в США), находясь еще в процессе организации, не развили у себя ни дворянства, ни рабства**, и в этом их организация существенным образом отличается от организаций Старого Света. Потому что как дворянство, так и рабство являются следствием развития патриархального общества у скотоводческих народов»¹⁵.

Вследствие этого во всех развитых племенах скотоводов существует социальное разделение на три класса: дворянство (по библейскому выражению — «глава семейства»), вольные граждане и рабы. По словам Теодора Моммзена,

* Julius Lippert (1839—1909) — австрийский историк и этнограф. — *Прим. перев.*

** Данное утверждение Липперта не совсем верно. Высокоразвитые домохозяйства охотников и рыболовов из районов Северо-Западной Америки имеют в своем сообществе как знать, так и рабов. — *Прим. авт.*

«у всех индогерманских племен рабство было сформировавшимся правовым институтом»¹⁶. Это относится как к арийцам и семитам Азии и Африки, так и к хамитам. Мы видим, что в Сахаре общество разделено на князей, вождей, простолюдинов и рабов¹⁷. Иными словами, везде, где в системе права присутствует сформировавшийся институт рабства — от племени хова с Мадагаскара¹⁸ до их полинезийских сородичей, мы наблюдаем одни и те же факты, так как при схожих обстоятельствах человеческая природа приводит к схожим результатам, вне зависимости от цвета кожи и расы.

Таким образом, скотовод постепенно привыкает зарабатывать себе на жизнь при помощи войны, эксплуатируя при этом людей в качестве зависимой рабочей силы. При этом необходимо признать, что весь его образ жизни побуждает его все активнее использовать «политические средства».

Скотовод силен, ловок и целеустремлен, как и примитивный охотник, запасы пищи которого слишком нерегулярны и скудны, и за счет регулярного употребления молока и мяса скотовод достигает пика своего физического развития. Подобное положение вещей можно наблюдать как у арийского кочевника, так и у скотоводов Азии и Африки (например, зулу). Помимо прочего, численность скотоводов увеличивается быстрее, чем численность охотников. Быстрый рост численности скотоводов происходит не только за счет лучшего питания взрослых членов племени, но и за счет того, что постоянный доступ к молоку сокращает период выкармливания младенцев и приводит к увеличению количества детей в племени. Как следствие пастбища и степи стали теми неисчерпаемыми фонтанами, которые периодически выходили из своих границ и выпускали во внешний мир своих представителей. За это они были прозваны «лоном народов» (*vagina gentium*).

Примечателен и тот факт, что скотоводы располагают значительно большим числом бойцов, нежели охотники. При этом, как и охотник, боец-скотовод силен и мобилен

и помимо прочего имеет в составе своего войска еще и вооруженных всадников, что придает скотоводам еще бóльшую мобильность. Большие массы скотоводов удерживаются вместе организацией, возможной только под руководством рабовладельческого патриархата. Эта организация появилась и развилась в условиях повседневного существования скотоводов, и она на голову превосходит организационные возможности охотников.

Охотники, как известно, лучше всего охотятся либо в одиночку, либо небольшими группами. Скотоводы же, как правило, предпочитают передвигаться большими караванами, обеспечивающими лучшую индивидуальную защиту, и, по сути, речь идет о передвижной боевой экспедиции, каждый привал которой превращается в военный лагерь. За счет использования техники перемещений вооруженных бойцов скотоводы развивают военную науку маневрирования, субординации и дисциплины. Как замечает Фридрих Ратцель: «Принимая во внимание дисциплину и порядок расстановки палаток, существовавший с древнейших времен, каждый член племени скотоводов находился на своем месте. Именно отсюда берут свое начало оперативность и точность при развертывании и перемещении лагеря, — неслыханное дело, если кто-то без приказа или наличия уважительной причины изменил место установки своей палатки. Таким образом, благодаря строгой дисциплине весь лагерь может сняться с места в течение часа»¹⁹.

Ритм жизни скотоводов, унаследованный с доисторических времен, оказывает влияние на его повседневное поведение, вне зависимости от того, находится ли он на охоте, воюет или просто мирно кочует с места на место. Сама жизнь превращает скотовода в закаленного бойца, противостоять которому было невозможно, до тех пор пока государство не создало более совершенные и мощные организации. Фактически речь идет о том, что понятия «скотовод» и «воин» со временем приобретают одинаковое значение. Следующий комментарий Фридриха Ратцеля в отношении кочевников Средней Азии можно смело

применить ко всем кочевым народам: «Кочевник одновременно сочетает в себе две разные концепции — в экономическом плане он представляет собой скотовода, но в политическом плане он представляет собой профессионального бойца. Скотовод легко переходит от мирной к военной деятельности, и для него все в этой жизни имеет две стороны — мирная деятельность или война с ее непрерывным разбоем, а наиболее предпочтительный вариант «деятельности» зависит от внешних обстоятельств. В качестве примера можно привести племена восточно-каспийских туркоманов*, превративших мирное рыболовство и судоходство в пиратство. Для скотовода всё имеет двойственность, даже мирный пастуший посох моментально превращается в оружие. Осенью, когда лошади возвращаются с пастбищ и окончена стрижка овец, кочевник обращает свои мысли к войне и грабежу (на языке тюркских кочевых народов — баранта). Понятие «баранта» берет свое начало в спорах и междоусобиях, затрагивающих вопросы чести, которые решаются путем осуществления возмездия и захвата добычи у врагов (как правило, стада животных). Для участия в набегах молодые люди должны сначала заслужить такое право (стать батыром, или героем) и обрести уважение и честь у соплеменников. Таким образом, как мы видим, на жажду приключений накладывается радость обладания богатствами, что в итоге приводит к формированию тройственной концепции — Мстителя, Героя и Разбойника»²⁰.

Схожие этапы развития наблюдаются и у «морских кочевников» — викингов, что вполне объяснимо, так как «морские кочевники» — это обычные сухопутные кочевники, перенесшие свои действия на морские просторы.

* Turkomans — туркоманы, так назывались ранее племена тюркских народов, живущие в Средней Азии, Ираке, Иране, Сирии, Туркменистане, Афганистане. В современном понимании туркоман — это представитель традиционно кочевого тюркского народа, населяющего Туркменистан и соседние районы, в Иране и Афганистане. — *Прим. перев.*

Выше мы привели лишь один из бесчисленных примеров, показывающий, что для осуществления своих дерзких мародерских набегов скотоводы без особых колебаний пересаживаются с лошади или «корабля пустыни» на «морских коней». Этот пример особенно хорошо прослеживается по действиям туркоманов, населяющих восточные районы Каспийского моря²¹. В качестве другого примера можно привести скифов, которые, набравшись мастерства мореплавания у своих соседей, эти странствующие пастухи, которых Гомер (Илиада, XIII, 3) называет «уважаемыми всадниками, любителями молока и бедными, самыми справедливыми из людей», превращаются в смелых навигаторов, подобно прибалтийским и скандинавским племенам. Страбон* отмечает, что «с тех пор, как Скифы осмелились выйти на море, занимаясь пиратством и убивая иностранцев, они стали хуже, а связываясь со многими народами, они переняли мелкую торговлю и склонность к растрате денег»²².

Если исходить из того, что финикийцы относились к семитским племенам, то они представляют собой отличный пример превращения сухопутных кочевников в воинственных морских разбойников. С большой долей вероятности подобное предположение справедливо и для большинства многочисленных народностей, грабивших богатые страны Средиземноморья, будь они хоть с побережья Малой Азии, Далмации или берегов Северной Африки, — подобные примеры известны с древнейших времен и прослеживаются даже в наше время (см. марокканские пираты)²³. Североафриканские «мавры», объединяющие в равной степени арабов и берберов, которые изначально были сухопутными кочевниками, являются, пожалуй, самым знаменитым примером трансформации кочевников и морских разбойников.

Справедливости ради нужно отметить, что имеются случаи, когда морские кочевники (читай — разбойники)

* Античный историк и географ Римской Греции. — *Прим. перев.*

возникают непосредственно из рыболовецких народностей, минуя стадию скотоводства. Ранее мы уже рассматривали факторы, которые дают скотоводам преимущество перед крестьянами, — относительная многочисленность кочевников в сочетании с опасной деятельностью, требующей от человека смелости и быстрого принятия решений, и жесткая дисциплина при мирных и военных передвижениях. Все эти факторы применимы и к рыбакам. Богатые рыболовные угодья не только обеспечивают значительную плотность населения, как это видно на примере племен северо-западных индейцев (тлинкиты), но и делают возможным применение рабского труда, так как за счет рыбного лова раб зарабатывает больше, чем стоит его содержание. Таким образом, даже в среде североамериканских индейцев рабство имеет форму устоявшегося общественного института, поэтому здесь также наблюдаются серьезные различия экономического характера, результатом которых является появление плутократии наподобие той, которую мы ранее отмечали у скотоводов. В обоих случаях привычка командовать рабами порождает жажду власти и тягу к «политическим средствам», а жесткая дисциплина, выработанная за время долгих изнурительных походов, только способствует этому. Как отмечает Фридрих Ратцель, «важное значение имеет дисциплина среди экипажей рыболовных судов, командиры которых избираются при помощи голосования. Приказы командиров не обсуждаются и должны исполняться беспрекословно, так как успех каждого члена экипажа зависит от действий всей команды. Неудивительно, что опыт командования кораблем сильно облегчает управление «Государством». Мы давно привыкли считать жителей Соломоновых островов полнейшими дикарями, но всё же их жизнь подчиняется навигации, объединяющей их в единое целое»²⁴. Поэтому можно сказать, что раз уж северо-западным индейцам не повезло стать знаменитыми пиратами, то это произошло лишь по причине отсутствия развитой цивилизации, расположенной где-то поблизости и способной описать историю их

жестоких набегов. Тем не менее все развитые рыбаки промышленляют пиратством.

По указанным выше причинам викинги, как и скотоводы, имеют все возможности по использованию «политических средств» в качестве основы своего существования и, как это ни странно, они, так же как и скотоводы, стали основателями огромных «государств». В дальнейшем мы будем различать основанные викингами государства в качестве «морских», а основанные скотоводами — «сухопутных». При обсуждении развитого феодального государства нам потребуется дополнительный анализ морских государств, но до тех пор, пока мы рассматриваем процессы развития государства и примитивное феодальное государство, мы ограничимся только сухопутными государствами. Такой подход вполне оправдан, поскольку процессы, протекающие в морских государствах, примерно совпадают с процессами сухопутных государств.

Часть Г. Происхождение Государства

Не вызывает сомнений тот факт, что с точки зрения численности общин и индивидуальной силы бойцов охотники уступают скотоводам, которым они проигрывают при открытых столкновениях. Неудивительно, что после проигранных сражений охотники бегут в горы, где находят укрытие от скотоводов, которые не стремятся преследовать охотников по причине труднодоступности горных переходов и отсутствия удобных пастбищ для скота. При этом нередко случаи, когда скотоводы и охотники поддерживают между собой торговые отношения, как это часто бывало в древности на Африканском континенте. В качестве примера подобных отношений можно привести вторжение гиксосов в Египет, во время которого за ними следовали «зависимые» охотники. При подобного рода контактах, как правило, охотники платят скотоводам незначительную дань за защиту или используются в разведывательных целях. Однако принимая во внимание, что охотник представ-

ляет собой «практического анархиста», который скорее согласится умереть, чем быть чьим-то рабом, неудивительно, что «Государство» не возникло в результате деловых контактов между охотниками и скотоводами.

При обсуждении противостояния охотников и скотоводов нельзя не упомянуть о земледельцах, боевая эффективность которых чрезвычайно низка в силу их недисциплинированности, и поэтому, несмотря на свою большую численность, земледельцы, как и охотники, не могут противостоять нападениям тяжеловооруженных скотоводов. Однако, в отличие от охотников, земледельцы не спасаются бегством, — в силу своего занятия они привязаны к земле и привыкли к тяжелой работе. Таким образом, сдаваясь на милость победителям, земледелец принимает навязанные ему правила, что и является причиной зарождения «Государства» в Старом Свете.

В Новом Свете, не располагавшем значительными стадами лошадей, верблюдов и крупного рогатого скота, мы видим, что вместо скотовода покорителем земледельца становится охотник, который за счет своей ловкости, дисциплины и владения оружием выходит победителем в этом противостоянии. Фридрих Ратцель справедливо замечает, что цивилизацию в Старом Свете породил конфликт скотоводов и земледельцев, а в Новом Свете цивилизация возникла в результате противостояния оседлых и кочевых племен. Например, специализирующиеся на сельском хозяйстве тольтеки вели постоянные войны с племенами северных дикарей, обладавших развитой военной организацией, и ровно ту же картину можно наблюдать в перманентном противостоянии Ирана с Тураном²⁵.

Приведенное выше наблюдение относится не только к Перу и Мексике, но и ко всей Америке. Это позволяет нам сделать вывод о том, что в основе мировых цивилизаций лежали схожие фундаментальные принципы, которые одинаково работали вне зависимости от экономических или географических условий, — там, где человек обладает властью, он предпочитает использовать политические,

а не экономические средства. Причем, судя по всему, такой подход справедлив не только для человека, — так, Морис Метерлинк в своей «Жизни пчел» приводит пример того, как однажды рой пчел вместо утомительного сбора пыльцы «позаимствовал» готовый мед в чужом улье, и с тех пор для этого пчелиного роя «экономические средства» больше не работают, а вместо привычных трудолюбивых пчел появились пчелы-разбойники.

Если не принимать во внимание государственные образования Нового Света, не оказавшие большого влияния на мировую историю, то можно сказать, что причиной возникновения всех государств послужило противостояние земледельцев и скотоводов, рабочих и грабителей, сельскохозяйственных земель и скотоводческих пастбищ. Рассматривая социологические вопросы через призму географии, Фридрих Ратцель отметил, что «кочевники не всегда уничтожают противостоящую им цивилизацию оседлого народа, и это относится не только к отдельным племенам, но и к государственным образованиям. Стоит обратить внимание, что воинственный характер кочевников является важным фактором при создании государства, как это прекрасно видно на примерах азиатских стран, контролируемых кочевыми династиями, — Персии под властью турок, Китая под властью монголов и маньчжуров, Индии под властью моголов, Судана, в границах которого еще не произошло объединение ранее враждебных друг другу народностей, но уже видны усилия по развитию взаимного сотрудничества между вчерашними врагами. Именно на границе между кочевыми и земледельческими народами предельно ясно видно, как велико влияние кочевников на развитие цивилизации и что в основе этого влияния лежат военные действия, которые на первых порах лишь вредят мирному населению. Влияние кочевников заключается еще и в том, что они удерживали разрозненные народы под своей властью, без наличия которой покоренные кочевниками народы просто бы разбежались по разным углам. Умение удерживать покоренные народы под сво-

ей властью отнюдь не исключает возможности перенятия полезного опыта и навыков у побежденных, но здесь требуется оговорка: у всех этих трудолюбивых и умных покоренных народов нет и никогда не было воли к власти, военного духа, тяги к порядку и подчинению, свойственных государству. Именно по этой причине чернокожим населением Судана правят пустынные кочевники, а Китаем — маньчжуры. Как видно из приведенных выше примеров, государственные образования возникают на границах плодородных сельскохозяйственных земель и пастбищ, как результат насильственного подчинения оседлых народов воинственному импульсу кочевых племен, обладающих тягой к завоеваниям и власти»²⁶.

В процессе происхождения «Государства», в основе которого лежит насильственное подчинение земледельцев кочевниками или морскими разбойниками, можно выделить шесть этапов, и при этом совсем не очевидно, что все эти этапы развиваются в строгой последовательности и каждый конкретный случай будет обладать своими уникальными особенностями. Следовательно, можно выделить схожие этапы, которые наиболее часто встречаются в истории, отметив при этом, что в мире существуют как государства, прошедшие все стадии, так и те, которые пропустили один или несколько этапов в своем развитии.

Первый этап включает в себя грабеж и разбой в боях на приграничных территориях, которые ведутся даже в относительно мирное время и которые характеризуются убийством мужчин, захватом женщин и детей, угонами скота и разорением жилищ. Поэтому даже в тех случаях, когда нападающие получают отпор, они возвращаются обратно с новыми силами, побуждаемые долгом кровной мести. Временами случается и так, что земледельцы успевают сформировать ополчение, чтобы дать отпор врагу, но процесс мобилизации протекает слишком медленно, а поставки припасов на отдаленные территории обходятся слишком дорого. В отличие от скотоводов, которые передвигались вместе со своим скотом, использовавшимся

в виде продовольствия, ополчение земледельцев перемещалось с пустыми руками. За примерами не нужно далеко ходить: совсем недавно Германия столкнулась с похожей ситуацией в Юго-Западной Африке, когда великолепно обученное и оснащенное по последнему слову техники немецкое войско, высланное против горстки местных скотоводов, растратило все свои запасы и было вынуждено вернуться на базу для пополнения припасов. Ситуация с противостоянием мобильным группам кочевников в случае использования ополчения земледельцев еще более осложняется ввиду того, что земледелец мыслит категориями только своего подворья и тем, что за время боевых действий некому обрабатывать землю. Следовательно, компактное и высокомобильное войско почти всегда получает преимущество в бою перед большой фрагментированной массой необученных бойцов, как пантера над стадом буйволов.

Это первый этап становления государств. Государство может находиться на нем неограниченно продолжительное время и оставаться неизменным как сотню, так и тысячу лет. В качестве характерного примера можно привести племена кочевников-туркоманов, осуществлявших набеги со своих пастбищ на ближайшие приграничные районы, которые можно назвать «разбойничьи районы», в целях грабежа и наживы. Из-за постоянных набегов территории на севере и востоке от Хорсана, номинально находившиеся под властью персов, десятилетиями испытывали огромное влияние племен туркоманов, йомудов, гокленов, фактически находясь под их властью, а кочевые племена текинцев* осуществляли постоянные набеги и разграбление на всем протяжении участка от Хивы до Бухары — и так продолжалось до тех пор, пока часть кочевых туркоманских племен силой и подкупом не удалось привлечь в качестве защитного буфера от грабительских набегов. Помимо этого,

* *Текинцы* — одна из крупнейших племенных групп в составе туркменского народа. — *Прим. перев.*

на протяжении всей территории, простирающейся между Восточной и Западной Азией, можно найти бесчисленные примеры, где с древних времен китайцы оказывали доминирующее влияние, обладая всеми важными стратегическими центрами и городами-оазисами, такими как Оазис Чами*, — кочевые племена постоянно пытались овладеть этими островами плодородной земли, которые казались им райскими кущами. При этом важно отметить, что кочевники, независимо от того, спасались ли они бегством в случае неудачи или захватывали богатую добычу, были защищены открытыми пространствами равнин. В конечном итоге, несмотря на то что упадок цивилизации монголов в Китае привел к снижению угрозы для кочевых племен, дунганское восстание ясно показало, с какой легкостью высококомобильные кочевники могут наносить удары по островкам цивилизации. Таким образом, безопасность центров цивилизации Центральной Азии может быть обеспечена только за счет полного уничтожения кочевых племен, но этого невозможно добиться в реальной жизни до тех пор, пока существует надежное убежище всех кочевников — бескрайние равнины²⁷.

Вся история Старого Света изобилует примерами массовых набегов, которые по нашей классификации можно отнести к первой стадии развития «Государства» по причине того, что основной целью подобных набегов были не завоевания, а разбой и грабеж. Западная Европа пострадала от нашествий кельтов, немцев, гуннов, аваров, арабов, мадьяр, татар, монголов и турок, вторжения которых осуществлялись по суше; сарацины и викинги при осуществлении своих вторжений использовали морские пути. Как видим, в поисках добычи орды грабителей уходили далеко от привычных мест, наводняя собой целые континенты,

* Оазис Чами расположен на пути между Западным Китаем, с одной стороны, и Восточным Туркестаном и Чунгарией — с другой, имеет большое значение для военной деятельности, а также для торговли. — *Прим. перев.*

а после их опустошительных набегов оставалась только выжженная земля. Во время набегов нередко были случаи перехода к шестому и заключительному этапу формирования «Государства», при котором грабители брали под свой постоянный контроль крестьянское население. Фридрих Ратцель описывает процесс массовой миграции следующим образом:

«Походы полчищ кочевников Средней Азии и сопредельных территорий поражают воображение, когда они, преисполненные огромной силой, шаг за шагом следуют к своей цели. Среднеазиатские кочевые племена, как и кочевников Аравийского полуострова и Северной Африки, роднит способность к самоорганизации и быстрым передвижениям, — они с легкостью объединяются для достижения поставленной перед собой цели, но за счет имеющегося патриархального единства племени у кочевых народов быстро развивается деспотизм. Так начинают формироваться механизмы управления большими массами людей, которые можно сравнить с полноводной рекой, вбирающей в себя воды всех рек и речушек и переносящей их на дальние расстояния, а история вторжения кочевников в Китай, Индию, Персию и Европу лишь подтверждает их историческое значение. При этом, несмотря на то что во время дальних походов наличие дополнительного «балласта» могло серьезно замедлить передвижение, кочевники брали с собой не только домашний скарб, но и массу зависимых людей (жен, детей, рабов), что в итоге придало кочевникам чувство масштаба, — напуганные местные жители в ужасе бежали от наступающих орд, а поработители, накатываясь, словно волны, поглощали богатства побежденных народов. Принимая во внимание, что кочевники во время походов передвигались вместе со всем своим домашним скарбом, миграция кочевых племен имела еще и этнографическое значение — мадьяры заселили Венгрию, маньчжуры обосновались в Китае, а турки поселились на землях от Персии до Адриатического моря»²⁸.

Ранее упомянутые нами данные о племенах хамитов, семитов и монголов частично справедливы и для представителей арийских племен. Схожие процессы можно наблюдать и у негритянских племен, живущих за счет выпаса своих стад, — воинственные племена кафров обладали способностью к осуществлению экспансии, которым требовалось лишь указать желанную цель, ради достижения которой они пошли бы на любое насилие и разбой. В качестве такой цели были обозначены районы Восточной Африки, климат которой по сравнению с внутренними районами Африканского континента был более благоприятен для содержания и разведения скота и где нашли приют многочисленные племена земледельцев. Кочевые племена кафров, словно разрушительные потоки, заполнили плодородные земли Замбези от озера Танганьика до самого побережья — на этих землях они столкнулись с авангардом племени тутси, пришедшего с севера. Бывшие жители этих районов были либо истреблены, либо обращены в рабов и прикреплены к земле, которой раньше владели. Наблюдались, правда, и случаи сопротивления местных жителей наступающим ордам, либо случалось и так, что поселения, лежавшие вдали от магистральных путей передвижения завоевателей, просто оставляли в покое²⁹.

Описываемые здесь события произошли прямо у нас на глазах либо продолжают до сих пор. В течение многих тысячелетий подобные события сотрясали Восточную Африку от Замбези до Средиземного моря. В результате вторжения гиксосов в Египет страна на пятьсот лет попала под власть пастушьих племен восточных и северных пустынь, дальние родственники которых до сих пор пасут скот от Нила до Красного моря, и это стало одним из первых примеров создания «Государства»³⁰. За этим «Государством» последовали многие другие, как на прилегающих к Нилу территориях, так и дальше на юг, вплоть до Королевства Лунда (о котором португальские торговцы сообщали еще в конце шестнадцатого века) и Империи Уганды, которая только в наши дни уступила военной мощи Европы.

«Равнины и цивилизация нигде и никогда не живут в мире, а история их противостояния во многом схожа»³¹.

«История противостояния во многом схожа!» — подобные слова как нельзя лучше характеризуют базовые элементы мировой истории. Схожесть событий мировой истории объясняется тем, что человеческая психика в массе своей одинакова и одинаково реагирует на одинаковые воздействия окружающей среды, вне зависимости от расы, цвета кожи и географического положения. Нужно только выбрать такой угол зрения, чтобы красочная игра деталей не скрывала от нас полной картины событий мировой истории, и тогда мы ясно увидим ту «основу», которая местами окажется для нас новой, местами знакомой, но при этом вечно меняющейся в соответствии с универсальными законами.

После достижения и закрепления первого этапа формирования «Государства» начинается второй этап, когда покоренные земледельцы прекращают попытки сопротивления и принимают свою судьбу, — приблизительно в это самое время до дикого скотовода начинает доходить, что убитые земледельцы не могут вести обработку земель, а срубленное фруктовое дерево не может больше плодоносить. Принимая во внимание вышеизложенные факты и исходя из своих интересов, скотоводы по возможности больше не убивают земледельцев и не вырубают плодоносящие деревья. Военные экспедиции скотоводов проходят, как и раньше, когда в боевой поход выступает хорошо вооруженное и подготовленное войско, но при этом скотоводы больше не стремятся вести тотальную войну на уничтожение и осуществлять массовый грабеж, — они убивают ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы навязать свою волю и сломить возможное сопротивление. Таким образом, можно говорить о том, что действия скотоводов развиваются в русле правовых обычаев, при которых скотоводы начинают изымать только излишки, производимые земледельцами. Другими словами, на втором этапе формирования «Государства» скотовод не обирает земледельца до нитки, а оставляет ему дом, инструменты

и запасы продовольствия, которых должно хватить до следующего урожая*. Проще говоря, на первом этапе скотовод представляет собой медведя, подчистую разоряющего пчелиный улей, а на втором этапе он становится пчеловодом, который заботится о своих пчелах и оставляет им мед на зимовку.

Прогресс между первым и вторым этапом просто огромен и представляет собой шаг вперед не только в экономическом, но и в политическом плане. Поначалу, как мы видели, скотоводы приобретали свои богатства только за счет силовых изъятий и, как правило, ради наслаждения моментом уничтожали источник доходов будущих периодов, абсолютно не задумываясь о возможных последствиях. При достижении второго этапа логика поведения меняется, — теперь на первый план выходит экономическая целесообразность, потому что экономика основывается на разумных методах хозяйствования или, другими словами, на ограничении сиюминутных потребностей в пользу долговременных интересов. Проще говоря, скотоводы научились «извлекать выгоду» из своих действий, что в политическом отношении является огромным шагом вперед, когда совершенно «бесполезный» человек, до недавнего времени рассматривающийся только в качестве чьей-либо добычи, вдруг обретает ценность и становится источником богатства. Несмотря на то что из этих предпосылок исходит система рабовладения, угнетения и эксплуатации, но в то же время это представляет собой процесс формирования более развитых общественных отношений,

* В своей работе Ратцель (Ratzel I. с. II, р. 393), упоминая об арабах, пишет: «Имеющиеся проблемы с обеспечением рабов питанием делают практически невозможным их содержание, а бóльшая часть населения, находясь в подчиненном положении, лишена всего, кроме самого необходимого для поддержания жизни. Арабы, таким образом, превращают оазисы в свою “кормовую базу” и осуществляют набеги на местных жителей в период сбора урожая с целью грабежа и разбоя — обычная практика для обитателей пустыни». — *Прим. авт.*

выходящий за пределы традиционных семейных отношений, в основе которых лежит кровное родство. Мы уже рассматривали процесс развития отношений между грабителями и их жертвами, которые до определенного момента были кровными врагами друг для друга. Таким образом, в результате развития отношений между скотоводами и земледельцами последние приобретают права на жизнь и необходимый набор продуктов и инструментов, так как начинает превалировать точка зрения о том, что грабить до нитки и убивать мирного человека не совсем правильно.

В процессе развития отношений между скотоводами и земледельцами начинает формироваться сеть взаимосвязей, за счет которой в отношения привносится все больше человечности, чем это бывает в обычной схеме раздела добычи. С учетом наличия существующих взаимосвязей между скотоводами и земледельцами в обычной жизни первые склонны внимательно прислушиваться к обоснованным претензиям последних и не беспокоить их попусту. До недавнего времени «категорический императив» — «относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе» — работал только в отношении «своих» по крови, но постепенно он начинает применяться и в отношении «чужих». В результате этого процесса закладываются основы наций и союзов, и со временем из него выйдет понятие «человечество». Помимо этого начинает развиваться процесс внутреннего объединения ранее разрозненных племен, и на смену ненависти к «варварам» приходит всеобъемлющая любовь к человечеству, лежащая в основе христианства и буддизма.

Таким образом, тот самый день, когда завоеватель впервые пощадил свою жертву, чтобы использовать плоды ее труда, имеет несравненное историческое значение, — в результате этого решения возникли нации и государства, права и экономика, а человечество начинает развивать не только государственное строительство, законы и экономику, но постигать любовь и искусство.

Процесс развития отношений между скотоводами и земледельцами, помимо всего прочего, приводит к углублению

психологических взаимосвязей. Если вспомнить пример сравнения скотовода с медведем, то его можно продолжить таким образом: в лесу живет не один медведь, и в нем всегда найдутся особи, которые жаждут меда. Поэтому племена скотоводов не просто изымают излишки произведенной земледельцами продукции, но и начинают защищать их от непрошенных гостей. В свою очередь, земледельцы привыкают к тому, что в случае опасности они зовут на подмогу скотоводов, которых принимают за защитников и спасителей, а не грабителей и убийц. Представьте себе радость земледельцев, когда летучий отряд мстителей возвращается в разграбленную деревню с головами или скальпами врагов, — это уже не просто «случайные связи», а полноценная «интеграция» вчерашних врагов.

Основным результатом подобной «интеграции» становится трансформация разноплеменных групп и народностей, говорящих на разных языках, в единую общность людей одним универсальным языком общения, одинаковыми обычаями и чувством национальной идентичности. Народное единство берет свое начало из совместно пережитых страданий и бед, побед и поражений, радостей и печалей. Когда хозяин и раб служат схожим интересам, то между ними рано или поздно возникает чувство взаимопонимания и сопричастности к достижению единой цели. Постепенно обе стороны постигают и признают человечность друг друга, и еще вчера раздражавшие и вызывавшие ненависть различия в языке, одежде, религии уходят на задний план, а вместо них все явственнее проступает общность между людьми. Шаг за шагом люди учатся понимать друг друга — сначала посредством общего языка, а затем и на мыслительном уровне, — сеть психоэмоциональных связей между людьми начинает крепнуть и шириться.

На втором этапе развития, по сути, закладываются реальные основы будущего «Государства», и ни один из последующих этапов не сравнится по степени важности с процессом трансформации агрессивного «медведя» в рачительного «пчеловода».

Третий этап формирования «Государства» характеризуется тем, что земледельцы по своей собственной инициативе начинают поставлять «излишки» произведенной ими продукции скотоводам в виде «дани». Таким образом, появляется механизм «регулирования» взаимоотношений между сторонами, который предоставляет очевидные преимущества участникам, — земледельцы освобождаются от набегов кочевников, которые обычно заканчивались убийством мужчин, насилием над женщинами и разорением хозяйств, а кочевники, с другой стороны, из-за снижения необходимости в осуществлении набегов на уже покоренных земледельцев перенаправляют все свои силы на «расширение зоны влияния» или, другими словами, на подчинение других земледельцев.

Истории хорошо известны случаи получения подобной дани с покоренных народов — в свое время с покоренного европейского населения ее получали гунны, мадьяры, татары и турки. При этом зачастую размер и состав уплачиваемой дани не были четко определены и в большей степени подразумевали плату за защиту от набегов или даже предоставление субсидий кочевникам. В качестве примера можно привести византийского императора, который считал предводителя гуннов Аттілу своим вассалом и уплачивал тому дань под видом «материальной помощи».

Четвертый этап добавляет один из решающих факторов развития «Государства» — совместное проживание земледельцев и кочевников на одной территории (хорошо известно, что определение «Государства» не обходится без концепции «государственной границы»)*, и с этого мо-

* Очевидно, что в случае с африканским племенем фульбе имеет место быть переходный период между первыми тремя и четвертым этапами развития «Государства», на протяжении которого доминирование осуществляется наполовину на международном уровне, а наполовину — внутри страны. По этому поводу Ратцель (I. с. II, с. 419) пишет: «Раса завоевателей, пользуясь отсутствием единства между племенами аборигенов, извлекает свою выгоду из такого положения и повсюду простирает свои

мента взаимоотношения двух групп приобретают характер внутривостановых, в отличие от межвостановых, практикуемых ранее.

При этом объединение групп кочевников и земледельцев в рамках определенной единой территории вполне может быть вызвано внешними факторами и влиянием. Например, возможны случаи, когда более сильные кочевые племена выгоняли менее сильных сородичей с насиженных мест, и те, в поисках лучшей доли, пытались удачу в набегах. Бывало и так, что со временем численность кочевых племен увеличивалась до такой степени, что имеющихся в их распоряжении пастбищ уже не хватало для обеспечения питания членов племени. Помимо этого нередки были случаи падежа скота, результатом которых был перевод уцелевшего скота с бескрайних равнин в более безопасные места, расположенные вдоль рек. Другими словами, помимо наличия внешних факторов, влияющих на формирование союза скотоводов и земледельцев, для подобного объединения вполне достаточно и внутренних причин. В процессе формирования единой группы скотоводов и земледельцев скотоводы вынуждены осуществлять защиту своих новых «соплеменников» от шатающихся поблизости

“щупальца”, словно какая-нибудь каракатица. Именно таким образом поступает племя фульбе, которое настойчиво расширяет зону своих интересов на целые регионы Нигерии, и некоторые исследователи совершенно справедливо воздерживаются от определения четких границ такого влияния. В связи с тем что племя фульбе рассеяно по довольно большой территории, несколько географических точек могут рассматриваться “центрами власти”. Город Мури, например, выступает в качестве столицы многочисленных поселений фульбе, разбросанных по центральной территории Нигерии, а для области Адамавы “столицей” выступает город Гола. На текущий момент не существует четких границ ни между государственными образованиями племени фульбе, ни между государственными образованиями фульбе и другими независимыми племенами, — более того, даже положение столиц этих “государственных образований” довольно зыбко». — *Прим. авт.*

«медведей» и постоянно держать в боевой готовности гарнизоны для отражения возможных атак. Помимо противодействия возможных набегов со стороны враждебных кочевых племен гарнизоны выполняли и еще одну важную функцию: они держали в узде земледельцев, не давая тем переметнуться на сторону вражеских войск. Подобные примеры далеко не редкость в мировой истории, и именно таким образом на Руси закрепилась династия Рюриков.

Важно отметить, что совместное проживание племен скотоводов и земледельцев в рамках одной территории еще не означает «государственного образования» в строгом смысле этого понятия, но это уже унитарная общность.

В тех случаях, когда скотоводы имеют дело с мирными народами, они ведут обычную кочевую жизнь среди окружающих их «илотов» и «периеков», перегоняя свои стада с места на место. Это хорошо видно на примерах центральноафриканского племени вахинда³², представителей которого Ричард Кандт называл «самыми красивыми людьми в мире», и племени туарегов, занявших привилегированное положение среди местного населения, которые со временем занялись морским разбоем. При этом, несмотря на то что местное население могло выставить в десять раз больше войск против своих поработителей-туарегов, оно тем не менее занимало обслуживающее положение по отношению к своим завоевателям; подобные взаимоотношения известны на примере спартанцев и илотов³³. То же самое можно сказать и о племени тубу, перебравшемся в район Борку, хотя количество кочевников было примерно равно количеству оседлых народов в этой местности (от 10 до 12 тыс. человек), они тем не менее сумели подчинить себе местное население³⁴.

Все вышесказанное относится ко всей группе кочевых народов, известных как галла и вахинда: «Принимая во внимание большое имущественное расслоение у этих народов, нужно сказать, что они владеют довольно ограниченным количеством рабов, которые занимают нишу обслуживающего класса. Рабы представлены народами

низших каст, живущих отдельно от своих господ. Таким образом, скотоводство является основой семьи и государства, задающей тон процессу развития общественных отношений, но на всей протяженности Африканского континента от региона Шоа до Занзибара, несмотря на довольно развитые социальные отношения, ощущается отсутствие твердой политической власти»³⁵.

В тех случаях, когда условия не позволяли содержать большое количество скота, как это наблюдалось в странах Западной Европы, или когда есть риск сопротивления завоевателям со стороны мирного населения, наблюдается ситуация, при которой покорители занимают стратегически важные пункты для лагерей, замков или городов. Опорные пункты позволяют завоевателям контролировать своих «подданных» и собирать с них дань, не вступая в тесные отношения с местным населением, — завоеватели позволяют местному населению самостоятельно вести свои дела, отправлять религиозные потребности и разрешать внутренние споры. Даже «официальные власти» и чиновники местных жителей особо не взаимодействуют с представителями завоевателей.

Исследования Франца Буля, если они, конечно, корректны, подтверждают, что с подобных действий завоевателей начиналось израильское правление в Ханаане³⁶. То же самое касается и Абиссинии, которая на первый взгляд кажется нам полностью развитым государством, а на деле не ушла в своем развитии дальше четвертого этапа. По крайней мере Фридрих Ратцель замечал, что основной заботой абиссинцев был сбор дани, и они, подобно восточным монархиям древности, не особо заботились внутренними и правовыми делами подчиненных народов³⁷.

Одним из лучших примеров четвертого этапа формирования «Государства» служит история древней Мексики до испанского завоевания. Конфедерация под руководством мексиканцев вела постоянные войны с независимыми племенами, из которых были уничтожены только те, которые оказали наиболее яростное сопротивление.

В других случаях побежденные племена подвергались разграблению и принимали на себя обязательства по уплате дани победителям. При этом побежденное племя сохраняло самоуправление, которое осуществлялось своими же чиновниками, и, как и в Перу, в ходе набегов на независимые племена не поднимался вопрос о создании единой империи, — военные действия проводились только с целью запугивания и эксплуатации. Собственно, к моменту испанского завоевания Мексики она представляла собой группу запуганных племен, объединению которых перед лицом внешней угрозы мешал постоянный страх перед набегами; в этом случае, как будет показано далее, невозможно говорить о каком-либо «Государстве»³⁸. Фридрих Ратцель по этому поводу замечал, что укрепленные районы, контролируемые войсками Монтесумы, располагались далеко друг от друга, и это напоминало логику действий племени хова на Мадагаскаре. Нельзя, конечно, сказать, что разбросанные по территории гарнизоны, или, правильнее сказать, военные колонии, являются признаками абсолютного господства, по причине того, что ими контролируется лишь относительно небольшой кусок местности³⁹.

Логика развития событий быстро приводит к переходу с четвертого на пятый этап формирования «Государства», когда оно предстает практически в законченном виде. На этом этапе споры между деревнями и поселениями местных жителей больше не приводят к кровавой междоусобице, поскольку в результате подобных конфликтов серьезно страдает боеспособность земледельцев, завоеватели начинают с ними нещадно бороться. Постепенно завоеватели берут на себя ответственность по принятию решений в тех или иных спорах и, в случае необходимости, приводят в исполнение принятые ими решения. В конце концов это заканчивается тем, что в каждом «суде» местного князька или вождя племени появляется представитель лорда-завоевателя, который, собственно, и творит правосудие, оставляя вождям племени лишь видимость власти, — государст-

во инков представляет собой отличный пример подобных действий со стороны завоевателей.

Известно, что столицей империи инков был город Куско, где располагались их родовые земли и поместья⁴⁰, а в подчиненных племенах империя была представлена посредством своего представителя — тукричука. Представитель империи инков контролировал все дела своего района — собирал войска, руководил сбором и доставкой дани, распоряжался принудительными работами по строительству дорог и мостов, отвечал за отправление правосудия⁴¹.

Социальные институты, сформированные американскими охотниками и семитскими пастухами, встречаются и у африканских скотоводов. Так, например, у африканского племени ашанти существовала система, схожая с системой представителей тукричук в империи инков⁴², а племя дуала для управления подчиненными племенами создало систему, представляющую собой нечто среднее между феодализмом и рабовладельческим строем⁴³. Фридрих Ратцель считал, что общественный строй африканского племени баротсе обладает всеми признаками раннего феодализма, и сообщал буквально следующее по этому поводу: «Деревни баротсе, как правило, окружены поселениями зависимого населения, исполняющего роль обслуживающего персонала, который возделывает поля своих лордов и пасет их скот»⁴⁴. Единственный необычный момент, встречаемый нами у племени баротсе, — они живут в деревнях подчиненного местного населения, а не селятся в изолированных замках или укрепленных районах.

Всего лишь небольшой шаг отделяет инков от дорийцев Лакедомона, Месинии и Крита. Африканским племенам фульбе, дуала и баротсе также не очень далеко до жестко организованных империй Уганды, Уньоро и т.д. Феодальные империи Восточной и Западной Европы также не особо отличаются по своей сути от азиатских империй. Как видим, во всех частях света схожие результаты достигаются благодаря схожим социально-психологическим причинам. Необходимость поддержания порядка среди подчи-

ненных племен и эффективного использования зависимой рабочей силы постепенно переводит «Государство» с пятого на шестой этап, когда начинает формироваться «национальная идентичность». У покорителей все чаще возникает необходимость вмешательства в дела местного населения, смягчения острых углов или, наоборот, применения наказания и принуждения в целях развития покорности у людей. Таким образом, у покорителей вырабатываются навыки управления и умение применять их на практике. Две группы людей, изначально разделенных, а затем проживающих совместно в рамках одной территории, начинают притираться друг к другу, и это в итоге приводит к формированию «единого сплава», — у людей появляется много общих обычаев и привычек, унифицируются язык и богослужения. Дело обычно заканчивается объединением высших и низших слоев общества, так как представители знати выбирают себе в качестве наложниц самых красивых девушек из самых низов. В результате смешения кровей формируется целый класс «внебрачных» детей (бастардов), которых высший класс либо принимает, либо отвергает. Внебрачные дети, рожденные от связей высших и низших слоев общества, за счет наличия крови высших слоев постепенно становятся признанными лидерами низших, зависимых слоев населения. На этом этапе заканчивается формирование примитивного «Государства».

ГЛАВА 3

ПРИМИТИВНОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Часть А. Формы господства

Формой существования первобытно-феодального государства является господство небольшого воинственного меньшинства, связанного тесными узами со своими союзниками, над определенной территорией и проживающим на ней населением. С течением времени на основе имеющихся обычаев развивается законодательство, в соответствии с которым осуществляется господство. Появившееся законодательство регулирует не только право первенства и притязаний лордов, но и определяет подчинение и служение со стороны подданных, которые должны осуществляться не в ущерб населению. Таким образом, как видим, «забота о пчелах» со стороны «медведя» регулируется историческими обычаями: с одной стороны, крестьяне обязуются уплачивать дань, а лорды, с другой стороны, обязуются защищать зависимое население от возможных поборов со стороны соседей и набегов чужестранцев.

Несмотря на то что экономическая эксплуатация представляет собой лишь одну из составных частей концепции «Государства», помимо нее существует и куда более важная — политические методы удовлетворения потребностей. В реальности это означает, что крестьянин отчуждает часть произведенного продукта в пользу своего лорда, но не получает ничего взамен. Таким образом, можно сказать, что в основе первобытно-феодального государства лежит «земельная рента».

Существует несколько форм взимания и потребления рентных платежей за пользование землей. В некоторых случаях лорды, представляя собой закрытую общину, селились отдельно от крестьян в укрепленном районе и использовали взимаемую плату с зависимого населения по сво-

ему усмотрению. В империи инков, например, взимание рентной платы шло именно по этой схеме. В другом случае, например в Спарте, каждому дворянину-воину выделялась определенная территория, доход от которой использовался для «прокорма» не только самого дворянина, но и его братьев по оружию. Бывали и такие ситуации, при которых землевладельческое дворянство было разбросано по значительной территории, — в таких случаях дворянин, как правило, строил для себя и своих приближенных укрепленный замок, который позволял ему контролировать территорию и собирать доход с зависимого населения для последующего потребления. Таким образом, дворянин получает дань от труда зависимого населения, в дела которого он особо не лезет, — такая схема взаимодействия лорда и населения была широко распространена в Средневековье на землях германской знати. В конце концов дворянин становится владельцем и распорядителем «рыцарского гонорара» (*knight's fee*)*, в результате чего зависимое от дворянина население трансформируется в обычных работников, а взимаемая дань начинает восприниматься в качестве прибыли предпринимателя. По сути, это одна из ранних форм капиталистического предприятия, в основе которой лежала эксплуатация значительных территорий к востоку от Эльбы, которые ранее были заселены славянскими народами, а затем колонизированы немцами.

Между разными этапами развития общественных отношений лежит множество переходных периодов, но суть и основа «Государства» от этого не меняются, — вне

* *Rittergutsbesitz* (рыцарское поместье) — это конечная формула немецкой феодальной системы, загородная территория, приближающаяся к понятию рыцарского гонорара в налоговом законодательстве Анжевена; в современном германском законодательстве — владение землей, отчуждаемой только как единое целое, и, в соответствии с недавним законодательством, отчуждаемое недворянам, но способное и подлежащее к определенным исключениям в законодательстве, не присутствующим другим формам недвижимости. — *Прим. амер. перев.*

зависимости от этапа формирования «Государства» его основной целью является применение политических средств для удовлетворения потребностей: на фоне слабого развития торговой деятельности, результаты которой можно было бы присвоить, для взимания земельной ренты активно применяются политические методы. По сути, это форма реализации господствующего положения, при которой эксплуатация рассматривается в качестве «справедливой», легитимность которой поддерживается на законодательном уровне, и в случае необходимости применяются силовые методы для сохранения установленного порядка. Таким образом, абсолютное право завоевателя ложится в основу законодательства и легитимизирует процесс извлечения земельной ренты, а обязанность зависимого населения по поддержанию дворянства ограничивается его способностями по обеспечению приемлемого для себя уровня жизни. При этом право лордов на налогообложение определяется их обязанностью по поддержанию внутреннего порядка и защиты от внешних врагов.

На данном этапе уклад первобытного «Государства» полностью сформирован, и, миновав «эмбриональную стадию», оно готово к дальнейшему развитию.

По сравнению с союзом семей «Государство», вне всякого сомнения, представляет собой более сложную и развитую структуру. Причиной этого является то, что «Государство» охватывает большую массу организованных людей, способных укрощать природу и отражать набеги врагов. С появлением «Государства» заканчивается относительная вольница и наступает эра тяжелой и методичной работы, которая приносит неисчислимые страдания бесчисленным поколениям людей, включая еще даже не рожденных, — заканчивается «золотая эра» кровных связей между людьми, и на смену ей приходит эра жесткого государственного господства. Своим появлением «Государство», однако, формирует совершенно новый уровень общественных отношений, при котором возможно достижение «золотого века» для больших масс людей. Пользуясь

словами Шиллера, «Государство» уничтожает у людей радость их детства, чтобы путем страданий привести их к осознанному счастью в зрелости.

Более высокоразвитый вид! Уже Павел Федорович Ли-лиенфельд-Тоаль, один из главных сторонников представления о том, что общество представляет собой организм высшего порядка, указал на то, что в этом отношении можно провести особенно поразительную параллель между обычными организмами и этим сверхорганизмом. Все высшие организмы размножаются половым путем, а низшие при помощи деления, почкования и иногда — слияния. Как было показано ранее, простое деление точно соответствует этапу общественных отношений на основе кровного родства, существовавших до появления «Государства». Со временем «организм» растет и крепнет, пока не станет слишком большим для сохранения сплоченности, — тогда он утрачивает единство, делится, и связь между отдельными ордами резко ослабевает, если они вообще поддерживают связи. Таким образом, термин «слияние» вполне подходит для описания процесса объединения экзогамных общественных групп.

В отличие от этого *«Государство» возникает через половое размножение*, когда маленький и подвижный мужской сперматозоид находит и оплодотворяет большую и неподвижную женскую яйцеклетку. Итогом процесса оплодотворения становится быстрое развитие «плода», в основе которого лежат изумительная дифференциация и одновременная интеграция. Таким образом, в процессе создания «Государства» малоподвижные земледельцы, имеющие крепкие связи с землей, представляют собой женскую яйцеклетку, а мобильные и высокоподвижные скотоводы — мужской сперматозоид. В результате проведенного «оплодотворения» на свет появляется высший социальный организм, имеющий высокую степень дифференциации своих внутренних органов и одновременно — бóльшую степень интеграции. Легко найти еще ряд параллелей. Например, можно сравнить пограничные конфликты с тем,

как бесчисленные сперматозоиды роятся вокруг яйцеклетки, пока, наконец, один из наиболее сильных и удачливых «живчиков» ее не оплодотворит. Можно сравнить почти магическую притягательность яйцеклетки для сперматозоидов с не менее магической силой, влекущей орды кочевников из степей в набеги на возделанные равнины.

Но все вышеперечисленное не может служить доказательством «организма». Проблема тем не менее была обозначена.

Часть Б. Интеграция

Процесс формирования «Государства» мы рассматривали начиная со второго этапа, принимая во внимание политические, законодательные и экономические составляющие, но поскольку всякая социология представляет собой социальную психологию, то гораздо важнее в процессе формирования проследить социально-психологическую «дифференциацию и интеграцию». Удобнее всего начать с рассмотрения вопроса интеграции.

На втором этапе, как было сказано выше, по мере развития экономического взаимодействия налаживаются более тесные связи между победителями и побежденными. С течением времени происходит слияние языков победителей и побежденных в один универсальный язык, либо один язык уступает свое место другому и постепенно отмирает за ненужностью. Чаще всего «бесполезным» становится язык побежденных, но иногда случается и так, что отмирает язык победителей. Религиозные верования также не остаются в стороне, и происходит симбиоз культов победителей и побежденных. При этом прослеживается определенная закономерность, когда главное место в пантеоне занимает божество победителей, а боги побежденных занимают подчиненную роль и становятся его слугами либо, в некоторых случаях, даже его врагами — демонами и прочей нечистью. Под влиянием климата и схожего образа жизни происходит формирование физических пропорций

человеческого тела, или, другими словами, — «национальных черт». В тех случаях, когда между победителями и побежденными наблюдалась серьезная дифференциация, то ее до определенной степени заполняли незаконнорожденные дети (бастарды)⁴⁵, и со временем, несмотря на имеющийся этнический контраст, победители и побежденные начинают ощущать свое отличие от внешних (иностранных) врагов. Знать и подданные начинают воспринимать друг друга как «мы», по крайней мере при сравнении с внешними врагами, и постепенно воспоминания о различном происхождении уходят в небытие. Со временем победители становятся сыновьями старых богов, что во многих случаях соответствует действительности, так как боги победителей — это не что иное, как души их предков, обожествленных их потомками.

Принимая во внимание, что новоиспеченные «Государства» являются более агрессивными формированиями, чем племенные союзы, скрепленные узами крови, даже среди мирного населения начинает все больше распространяться чувство противопоставления иностранцам, которое растет и укрепляется по мере ведения бесконечных войн и междоусобиц. В то же время среди населения растет и чувство единения со своими соотечественниками, и с течением времени дух братства и справедливости, прежде существовавший только в племенных союзах и который всегда был присущ людям благородного происхождения, укореняется повсюду и находит применение в отношениях знати и зависимого населения.

Поначалу подобное поведение проявляется только в редких случаях — «справедливость» и «братство» допускаются к использованию в такой форме, которая не нарушает право на использование политических методов. Но, согласимся, такой подход дорого стоит! Таким образом, тесная психологическая связь между знатью и подданными укрепляется не столько за счет успешных отражений набегов внешних врагов, сколько за счет правовой защиты зависимого населения от произвола могущественной знати.

«*Justitia fundamentum regnorum*» («Правосудие — основа государства»), и когда аристократы как социальная группа в соответствии со своими идеалами справедливости совершают правосудие над представителем своего класса за различного рода преступления (убийство, грабеж, лихоимство), население встречает подобные действия с таким воодушевлением и благодарностью, которые не идут ни в какое сравнение с радостью от побед над внешними врагами.

Таковы основные направления развития психологической интеграции между победителями и побежденными, когда общие интересы в поддержании закона и порядка порождают сильное чувство солидарности, которое можно назвать «государственным сознанием».

Часть В. Дифференциация: теории групп и групповая психология

По мере укрепления «Государства» начинает формироваться психологическая дифференциация, а общие интересы социальной группы порождают «групповую психологию», при которой каждый из высших и низших классов развивает «классовое сознание», соответствующее специфическим интересам социальной группы.

Одним из главных интересов правящего класса является поддержание существующего законодательства, легитимизирующего политические методы воздействия. Иными словами, в основе процесса по сохранению существующего статус-кво лежит «консерватизм», тогда как **основным интересом подчиненных социальных групп являются стремление к устранению привилегированного положения правящего класса и принятие законодательства, предусматривающего равенство всех граждан перед законом.** Интересы подчиненных социальных групп, как правило, принято называть «либеральными» или революционными.

Именно здесь кроется корень классовой и партийной психологии. Неудивительно, что в соответствии с определенными психологическими законами развиваются

различные «классовые теории», которые на протяжении тысячелетий любой социальный конфликт объясняют наличием «классовой борьбы».

Шопенгауэр писал: «Когда говорит воля, разум должен молчать». Эту же мысль, но по-другому выразил Людвиг Гумплович: «Человек совершает свои поступки в соответствии с естественным правом и только затем дает им рациональное объяснение». Таким образом, воля человека является «предопределенной», и он вынужден поступать так, как диктует его окружение. Подобное поведение характерно для любого сообщества людей — группы, класса или «Государства». Социальные группы и классы стремятся избегать таких областей, где возможно сильное социальное или экономическое давление, и предпочитают достичь компромисса на приемлемых для всех условиях. Однако каждый человек или сообщество предпочитает считать себя свободным в принятии решений, и, в силу психологических законов, они вынуждены рассматривать путь, по которому они движутся к намеченной ими цели, в качестве «свободно избранного». Ну а поскольку человек является рациональным существом, наделенным моралью, он вынужден обосновывать перед самим собой методы достижения целей, принимая при этом во внимание и существующее общественное мнение.

До тех пор пока отношения победителей и побежденных были отношениями недавних врагов, использование политических методов не требовало оправдания. Причиной подобного поведения было то, что у человека «чужой крови» не было никаких прав. Но с началом процесса психологической интеграции бывших врагов происходит формирование единого общественного сознания, а представители подчиненных классов обретают набор «прав». Постепенно стремление к равенству всех граждан перед законом овладевает массами, и возникает насущная необходимость оправдания политических методов — так в правящем классе зарождается групповая теория о «легитимности» применения политических методов.

Повсеместно сторонники «легитимности» оправдывают господство и эксплуатацию со стороны правящего класса, используя различные антропологические и теологические выкладки. Правящий класс, признающий мужество и способность к войне в качестве единственной добродетели, объявляет себя победителем, так как с его точки зрения «высшая раса» наиболее продуктивна. В связи с тем что подчиненные классы изнурены тяжелой работой и плохим питанием, точка зрения о «высокой продуктивности» правящего класса имеет веские основания для своего существования. Помимо этого, поскольку племенной бог правящего класса занял место верховного божества в религии новоиспеченного «Государства», представители религиозных кругов с полным на то основанием заявляют, что уклад государства «определен небесами», и любые попытки изменить существующий государственный строй представляют собой не что иное, как кощунство. Таким образом, вследствие логической инверсии эксплуатируемые и подчиненные группы рассматриваются в качестве «низшей расы» — абсолютно недисциплинированной, хитрой, ленивой, трусливой и совершенно неспособной к самоуправлению и обороне, а любые попытки восстания против навязанного уклада рассматриваются в качестве посягательства на самого Господа Бога и его тайнства. По этим причинам правящий класс во все времена находится в теснейшем союзе со священнослужителями, и нередко представители правящего класса занимают высокие посты в церковной иерархии, что в итоге приводит к переносу убеждений правящего класса в церковную среду.

С момента своего появления классовая теория о правящем классе не претерпела особых изменений. Например, одним из аргументов, при помощи которого знатные землевладельцы Франции и Пруссии оспаривали притязания крестьян на землю, была апелляция знати к тому факту, согласно которому они владели землями с «незапамятных времен», тогда как крестьянам земля сдавалась лишь в пожизненное пользование (иными словами — было

ограничение временными рамками). Удивительно, но факт: подобный аргумент распространен в среде африканского племени вахинда⁴⁶, и с большой долей вероятности можно отыскать другие примеры использования подобного аргумента.

Психология правящего класса, как и его классовая теория, не меняется со временем, и одной из важных ее характеристик является полное презрение и неуважение подчиненных социальных групп. Часто такое презрительное отношение к «низшим классам» скрывается под понятием «аристократическая гордость». Подобное отношение к представителям «низших классов» настолько сильно в среде аристократии, что даже после того, как они потеряли все свои стада и стали экономически зависимыми, знатные люди сохраняют свою «аристократическую гордость» на правах бывших лордов. По этому поводу Фридрих Ратцель писал: «Представители народности галла, разоренные набегами сомалийских племен и вынужденные после разорительных набегов стать наемными пастухами и крестьянами у племени вапокомо, продолжают презрительно относиться к принявшему их в услужение племени. Представители племени галла, относясь с презрением к племени вапокомо, относятся совершенно по-другому к схожим с ним по духу охотничьим племенам вабони, васанай и валангуло»⁴⁷.

Следующее описание народности тубу можно легко применить к Готье Нищему (французский рыцарь, прозванный так за свою бедность) и другим обедневшим рыцарям, искавшим власть и деньги в военных походах. Подобное описание справедливо для германской (особенно с территорий восточней Эльбы) и обедневшей польской знати. «Эти люди преисполнены чувством собственного достоинства, и, несмотря на то что они могут быть нищими, они тем не менее не относятся к категории отверженных. При подобном положении дел множество людей были бы совершенно подавлены и демотивированы, но представители народности тубу обладают сильным внутренним

Благодаря им я ношу имя «Господин»
со своими крепостными.

Но они никогда не осмеливаются носить копье и меч,
Еще меньше защитник тела, щит из бычьей шкуры
для них постарался.

Они лежат у моих ног, распростерты на земле,
Моя рука облизана ими, как гончими собаками,
Я их персидский король, ужасающий
их своим именем⁵⁰.

В приведенной выше песне довольно откровенно выражена гордость воинов древности. Следующее же стихотворение, относящееся совершенно к иной фазе цивилизации, убедительно демонстрирует, что положительное отношение к грабежу присуще всем войнам, несмотря на распространение христианского учения и существование Священной Римской империи германской нации:

Ты бы не отказался от своей жизни, мой юный
благородный сквайр?
Следуй же за моим учением и на своем коне
присоединяйся к банде!
Заберись на дерево, когда крестьянин подходит,
Бросайся, свали его и хватай за шиворот,
Возрадуйся сердцем, забирая все, что есть у него,
Запрягай его лошадей и убирайся быстрее!⁵¹

Вернер Зомбарт по этому поводу писал: «В некоторых случаях доходило даже до того, что аристократы выбирали в качестве жертв своих набегов людей благородного происхождения и не гнушались грабежей торговых караванов. Таким образом, аристократы воспринимали грабеж в качестве своего естественного занятия, основной целью которого становилось регулярное пополнение казны, поскольку доходов от имеющегося имущества не хватало для удовлетворения быстро растущих потребностей дворянства. Пиратство,

например, считалось весьма почетным занятием по причине того, что оно отвечало моральным установкам рыцарства и позволяло присваивать себе все то, что находилось на расстоянии вытянутого копья или меча. Недаром в шутовой народной песне поется о том, что бароны-разбойники (грабители) научились владеть (орудовать) своим ремеслом, как башмачник иглой:

**За разбой и за грабеж — нам нечего стыдиться;
Даже лучшие в стране чины — этим занимаются!**

Помимо описанной выше психологической особенности у аристократии существует и другая, не менее важная — внешне подчеркнутое благочестие, проявляемое на публике.

Судя по всему, схожие социальные идеи находят свое отражение в психологии правящего класса, зачастую, к примеру, в качестве своего «небесного покровителя» аристократия выбирает Бога Войны. При этом, несмотря на то что аристократия признает Бога в качестве творца всех людей, включая врагов, и исповедует христианство, в основе которого лежит любовь к ближнему, это не мешает аристократии формировать идеологию, соответствующую классовым интересам.

Еще одним штрихом к психологическому портрету правящего класса, о котором стоит упомянуть, является постоянная склонность к мотовству, которая иногда воспринимается в качестве своеобразной формы «щедрости», — понятное дело, что легко быть щедрым, когда при этом не нужно горбатить спину в погоне за «трудовой копеечкой». Завершая психологический портрет правящего класса, не нужно забывать о той безрассудной доблести, которая является результатом постоянной готовности аристократии к борьбе за свои права с оружием в руках. **Поддержание постоянной боевой готовности подразумевает освобождение от тяжелого труда, что позволяет тратить все свободное время на охоту, спорт и ведение междоусобиц. В итоге это приводит**

к совершенно карикатурному результату, когда боевитость и сверхчувствительность к личной чести вырождаются в форменное безумие.

В этом месте я хотел бы сделать отступление и упомянуть о том, что войска Цезаря столкнулись с кельтами Галли, когда они как раз находились на такой стадии развития «Государства», при которой уже произошло возвышение знати над своими собратьями. С тех самых пор принято считать, что классическое описание правящего класса кельтов, столкнувшихся с римлянами, относится ко всем кельтским племенам, — даже Теодор Моммзен (лауреат Нобелевской премии по литературе 1902 года за труд «Римская история») не избежал этой ловушки. В результате неверного описания теперь в каждой книге по всеобщей истории или социологии содержатся неверные сведения. Правильнее было бы указать, что все народы, вне зависимости от расы, при схожей фазе развития обладают схожими чертами характера (в Европе — фессалийцы, апулийцы, кампанцы, немцы, поляки), тогда как кельты, и в особенности французы, на разных стадиях развития «Государства» обладали разными чертами характера. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что психология народа зависит от стадии развития общества, а не от расы!

С другой стороны, любое ослабление религиозной составляющей «Государства» приводит к тому, что усиливаются позиции сторонников естественного права, а подчиненные классы начинают негативно воспринимать высокомерие и господство аристократии и открыто заявлять о том, что по чистоте крови и расы они несколько не уступают представителям правящего класса. В связи с тем что с точки зрения подчиненных классов эффективность труда и соблюдение законов представляют собой единственные добродетели, в подобных заявлениях есть определенная логика. Подчиненные классы так же довольно скептически относятся к религии, которая, по их мнению, лишь орудие в руках власть предержащих. Более того, подчиненные классы твердо убеждены в том, что

привилегированное положение правящего класса нарушает закон и справедливость.

Сейчас уже очевидно, что, находясь под влиянием разных теорий, правящий и подчиненные классы находятся в состоянии войны друг с другом, преследуя при этом собственные интересы. Без наличия объединяющих «государственный организм» центростремительных сил, в основе которых лежат общность интересов и «чувство принадлежности к Государству», молодое и неокрепшее «государственное образование» неминуемо бы развалилось под воздействием центробежных сил. Помимо внутренних центростремительных сил, «цементирующих» Государство, существуют еще внешнее давление и общие враги, совместное противостояние которым позволяет ослабить межклассовые конфликты, — подобные примеры можно найти в истории с исходом плебеев из Рима и успешным их возвращением при посредничестве Менения Агриппы. Таким образом, молодое «Государство» могло долго существовать в своем первоначальном виде, если бы с течением времени не началась его трансформация под воздействием внутренних и внешних сил.

Часть Г. Примитивное Феодалное Государство на пике развития

Процесс роста является одним из факторов важных изменений, как в самом «Государстве», так и в обществе, а это означает, что для трансформации государственных и общественных институтов рост должен быть постоянным, — силы, вызвавшие к жизни «Государство», побуждают его к расширению и росту влияния. Даже если молодое «Государство» было бы «самодостаточным», как многие государства современности, оно все равно было бы вынуждено расти и крепнуть, находясь под постоянной угрозой своего исчезновения. Это как раз тот случай, к которому как нельзя лучше подходит изречение Гёте: «Ты должен встать или упасть, победить или проиграть, быть молотом или наковальней».

Государства существуют в соответствии с теми же принципами, с которыми они «появились на свет», примитивное же «Государство» являет собой только результат грабежа, и только за счет грабежа оно может существовать.

Экономические потребности правящего класса безграничны, ведь богатые никогда ни бывают достаточно богатыми. По этой причине представители правящего класса находятся в постоянном поиске «свободных» крестьян или неосвоенных земель, эксплуатация которых сулит хорошую наживу. По этой причине примитивное «Государство» растет ровно до тех пор, пока в результате своего расширения не войдет в конфликт с другим государством, возникшим сходным образом. Именно в результате открытого конфликта государственных образований вместо привычных военных рейдов появляются первые примеры столкновения одинаково организованных и дисциплинированных структур.

В основе любого конфликта «Государств» всегда лежат одни и те же цели — конкуренция за экономически активное население, которое может быть ограблено, обложено налогами или земельной рентой. При этом конкуренция за «ресурсы» происходит уже не между группами будущих эксплуататоров и эксплуатируемых, а между правящими классами государственных образований.

Практически во всех случаях конечным результатом конфликта является слияние конфликтующих сторон в единое целое. Впоследствии появившееся в результате слияния новое «государственное образование» входит в очередной конфликт за ресурсы, постепенно подминая под себя своих соседей либо само подпадая под влияние более сильного соседа.

По вполне понятным причинам подчиненные «трудовые ресурсы» не проявляют особого интереса к разворачивающейся борьбе, — обычному трудовому народу глубоко безразлично, какой лорд будет их обирать. Единственное, что волнует обычных людей в конкурентной борьбе правящих классов, — это какой ценой будет куплена победа,

так как в конечном счете война оплачивается из их кармана. По этой причине, за исключением совсем уж вопиющего отношения к подчиненным классам со стороны знати, обычные люди склонны поддерживать представителей «своего» правящего класса в его борьбе с врагами. Логика такого поведения людей проста и понятна: в том случае, если в результате борьбы проигравшим станет «свой» правящий класс, то это приведет к ужасным последствиям (голод, разруха и т.д.). Поэтому можно сказать, что в ходе борьбы правящих классов за «трудовые ресурсы» подчиненные классы сражаются за свои семьи и кров, которые могут пострадать от нашествия чужеродных завоевателей.

В отличие от подчиненных классов правящий класс борется за свое господствующее положение до последней капли крови, и причиной подобного поведения является тот факт, что в случае поражения правящий класс может быть полностью уничтожен своими врагами, как это произошло с германскими племенами, существовавшими на территории Франкского государства. В случае поражения представители правящего класса могут избежать смерти, но попасть в зависимое положение от победителя и перейти в статус крепостных, — поэтому трудно даже сказать, какой из подобных исходов можно считать наилучшим. Иногда случается так, что своевременное заключение мира обеспечивает сносное существование правящего класса на фоне формального победителя (саксонское дворянство в норманнской Англии, паны на территориях, завоеванных Германией у славянских племен). В некоторых случаях, когда силы противников примерно равны, посредством перекрестных браков происходит слияние правящих классов, и в итоге формируется обновленный правящий класс. Так, например, было на бывших славянских территориях, когда отдельные вендские вожди приравнивались к германской знати. Другим примером был средневековый Рим, представители которого породнились с именитыми семьями Тосканы и Альбано.

Правящий класс находящегося на «высшей стадии развития примитивного феодального государства», назовем

это так, может распасться на несколько более или менее привилегированных слоев. Структура правящего класса может варьироваться от случая к случаю, и объясняется это тем, что даже на ранних этапах формирования «Государства» происходило деление правящего класса на два социально-экономических уровня. Такое деление хорошо видно на примере скотоводов, правящий класс которых разделялся на владельцев скота и рабов и свободных граждан. Вполне возможно, что менее выраженная дифференциация социальных классов в государствах, основанных охотниками, зависела от отсутствия скота и рабов на этапе формирования «Государства». Таким образом, факт владения скотом и рабами не был использован при формировании правящего класса «Государства», созданного охотниками, по причине отсутствия подобной собственности. Позже мы рассмотрим, к каким политическим и экономическим результатам в государствах Старого Света привело различие между этими двумя группами правящего класса.

Схожая картина наблюдается и с представителями подчиненных классов, которые во время «высшей стадии развития примитивного феодального государства» также делятся на различные группы и слои. Например, можно вспомнить о разнице в социальном и правовом положении, которое занимали крестьяне в дорических государствах, Спарте и Крите, и Фессалии — в первом случае (дорические государства Спарта и Крит) крестьяне были практически бесправны, а в другом (Фессалия) — обладали правом владения и имели довольно обширные политические права. У древних саксонских племен можно обнаружить пограничный класс литов, который занимал место между рабами и свободными общинниками⁵². Подобных примеров можно привести великое множество, и очевидно, что они вызваны теми же тенденциями, которые привели к разделению правящего класса, как это было упомянуто выше. Таким образом, при объединении двух примитивных феодальных государств стратификация социальных слоев осуществляется различными способами и отдаленно

напоминает процесс перемешивания двух карточных колод в одну общую, конечная комбинация которой зависит от многих факторов.

Не вызывает никаких сомнений, что формирование социальной структуры «Государства», осуществляемой политическими методами, влияет на развитие каст (иными словами — наследственных профессий), которые со временем тоже занимают свое место в иерархии социальных классов. По поводу каст Эдвард Вестермарк писал, что «практически всегда касты являются следствием завоевания и подчинения чужеземцам»⁵³. Несмотря на то что процесс формирования каст еще не полностью изучен, можно уверенно сказать, что огромное влияние на него оказали экономические и религиозные факторы. Вероятнее всего, что касты возникли следующим образом: формирующие «Государство» силы проникают в существующие экономические структуры, изменяя их сообразно «государственным потребностям», а затем произошедшие изменения закрепляются при помощи религиозных концепций. При этом с большой долей вероятности можно утверждать, что при изначальном формировании экономических структур религиозные концепции также играли далеко не последнюю роль. К таким выводам нас приводит тот факт, что между мужчиной и женщиной существуют определенные профессиональные различия, которые зачастую имеют форму прямых запретов. В представлении охотников, например, обработка земли является «женской работой», в то время как для большого количества африканских племен скотоводов обработка земли при помощи скота является чисто мужской работой, а женщины под страхом сурового наказания не имеют права использовать домашний скот для подобного вида работ*.

* Точно так же существуют Североазиатские племена охотников, где женщинам категорически запрещено прикасаться к охотничьему снаряжению или пересекать охотничью тропу (Ratzel I, p. 650). — *Прим. авт.*

С большой долей вероятности религиозные концепции могли в итоге привести к тому, что профессия или специализация стали передаваться из поколения в поколение до тех пор, пока не закрепились за определенными социальными группами или территориальными поселениями, особенно если племя или поселение занималось каким-нибудь ремеслом. Подобный процесс наблюдается во всех племенах, имеющих развитые отношения, и лучше всего проявляется в случаях островных жителей. В том случае, если какая-то группа была покорена чужим племенем, то в силу развитых профессиональных навыков она образует чистую «касту» в новом «государственном образовании». Кастовое положение профессиональной группы отчасти зависит от того уважения, которым она пользовалась до своего попадания в зависимость, а отчасти — от той выгоды, которую получает завоеватель от использования профессиональных навыков покоренной группы. В тех случаях, когда процесс завоевания происходит волнами, это может привести к увеличению количества каст, что особенно верно для случаев, когда развитая экономическая жизнь порождает большое количество разнообразных профессиональных групп.

Подобное развитие событий лучше всего прослеживается на примере группы мастеров кузнечного дела, которая практически всегда занимала особое положение в обществе и которая вызывала смешанное чувство страха и уважения у людей. С незапамятных времен на Африканском континенте встречаются упоминания об опытных кузнецах, которые обслуживали племена скотоводов, — во время вторжения в Африку гиксосы, например, привели с собой кузнецов, и вполне возможно, что своими победами они обязаны именно кузнецам, изготовившим гиксосам хорошее вооружение. Аналогичное положение вещей прослеживается на примерах племени динка, которое «обслуживалось» кузнецами народности дьор, и кочевников региона Сахары. Если перенестись с Африканского на Европейский континент, то и здесь мы встретим большое количество саг и легенд (особенно на севере Европейского

континента), полных страха и уважения перед особым племенем «гномов»-кузнецов. Таким образом, процесс формирования профессиональных каст опирался на существующие различия в общественном положении определенных социальных групп⁵⁴.

Влияние религии на процесс формирования профессиональных каст можно продемонстрировать на примере полинезийских племен, большинство членов которых обладали навыками кораблестроения, но до постройки кораблей допускались лишь представители особой привилегированной группы. Таким образом, на этом примере хорошо видно, что интересы «Государства» и профессиональных каст связаны самым тесным образом. Аналогичная ситуация наблюдается и на архипелаге Фиджи, где плотники и по сей день занимаются только кораблестроением и образуют особую касту, носящую гордое звание «работники короля», и имеют право на своих вождей. При этом все работы, связанные с постройкой кораблей, производятся в строгом соответствии с древними традициями — установка киля, бортов и спуск на воду сопровождаются религиозными церемониями и празднествами⁵⁵.

В областях с широко развитой системой суеверий имеются все предпосылки для возникновения кастовой системы, основанной как на экономических, так и на этнических принципах. В той же самой Полинезии, к примеру, разделение на классы посредством табу привело к формированию сложной кастовой системы⁵⁶. Схожие примеры можно встретить не только в Полинезии, но и в Южной Аравии⁵⁷, но сейчас нет особой необходимости останавливаться для изучения этого вопроса и рассматривать влияние религии на формирование и поддержание кастовых систем в Древнем Египте и современной Индии*.

* Кроме того, кажется, что жесткость индийской кастовой системы на практике не настолько жестка. Гильдия, кажется, так же часто прорывается через кастовые барьеры, как и наоборот (Ratzel II, p. 596). — *Прим. авт.*

Выше мы перечислили элементы высшей стадии примитивного феодального государства, которые более разнообразны по сравнению с ранними стадиями, но, несмотря на различия, в правовых и политико-экономических вопросах они во многом схожи. Вне зависимости от стадии развития «Государства» результаты экономической деятельности представляют собой цель, за обладание которой ведется ожесточенная борьба. Таким образом, конкурентная борьба за результаты экономической деятельности представляет собой основной движущий импульс внутренней политики «Государства», в то время как политические методы применяются при осуществлении внешней политики, направленной на защиту или расширение сфер влияния, а для обоснования внутренней и внешней политики применяются одни и те же теории.

Процесс развития, однажды начавшись, не может долгое время топтаться на одном месте, и процесс развития означает нечто большее, чем просто направленное изменение. Развитие отличается от простого увеличения в размере; поскольку развитие означает постоянно возрастающую и увеличивающуюся дифференциацию и интеграцию.

Чем больше примитивное феодальное «Государство» расширяет сферу своего господства, тем более многочисленными становятся его подданные, и чем сильнее новые подданные интегрируются в «Государство», тем больше развивается политико-экономическое разделение труда, которое, в свою очередь, всегда приводит к появлению новых потребностей и новых средств их удовлетворения. **Процессы дифференциации и интеграции приводят к резкому увеличению неравенства между экономическими и социальными классовыми слоями и, следовательно, обостряют социальные напряжения и конфликты в соответствии с тем, что я назвал «законом агломерации капиталов» или просто «законом агломерации». Более того, всевозрастающая дифференциация становится одним из ключевых факторов для дальнейшего развития примитивного феодального государства и, еще в большей степени, для его стадии, завершающей развитие.**

По вполне понятным причинам мы не говорим о том, что подобное завершение представляет собой крах «Государства», и это совершенно не означает, что в результате конфликта с равным или более сильным государственным образованием примитивное феодалное «Государство» прекратит свое существование, как в случае, когда похожие феодалные государства, только высшего типа, исчезают в результате столкновения с более могущественным государством или находящимся на более высоком уровне развития, как это было в случае с Могольскими государствами Индии* или Уганды в их конфликтах с Великобританией. Данное завершение также не означает ситуацию застоя, в которую попали Персия и Турция, которые со временем должны выйти из такой ситуации либо с опорой на собственные силы, либо в результате внешнего вмешательства. В данном случае мы не рассматриваем и пример жестокой Китайской империи, которая продолжает свое существование по причине воздержания иностранных держав от вмешательства в ее внутренние дела**.

Результат, к которому мы подошли в ходе обсуждения, означает дальнейшее развитие первобытного феодалного

* Империя Великих Моголов — тимуридское государство, существовавшее на территории современных Индии, Пакистана, Бангладеш и Юго-Восточного Афганистана до середины XVIII века. В сентябре 1858 года английские войска штурмом взяли Дели, Бахадур-шах сдался в плен. Англичане объявили о ликвидации Могольской империи. — *Прим. перев.*

** Если бы у нас было больше места, подробное изложение этого исключительного развития феодалного государства было бы заманчиво. Китай заслуживает более подробного обсуждения, поскольку во многих аспектах он подошел к вопросу о «свободном гражданстве» наиболее близко, чем любой народ Западной Европы. Китай преодолел последствия феодалной системы более основательно, чем мы, европейцы, и уже на ранних этапах своего развития защитил многие имущественные интересы на земле так, что капитализм не смог возникнуть; кроме того, они в значительной степени решили свои проблемы кооперативного производства и кооперативного распределения. — *Прим. авт.*

государства, что особенно важно для нашего понимания всеобщей истории. При изучении основных направлений развития мы столкнулись с их внутренней двойственностью и существенным различием их характеров. Данная противоположность обусловлена исходными противоречиями между двумя видами экономического богатства, на которых основывается, каждое из которых увеличивается в соответствии с «**законом агломерации капиталов**». В первом случае это движимое имущество — торговый капитал, а во втором — земельная собственность, которая со временем переходит в руки все более ограниченного круга лиц, в результате чего приводит к радикальной смене классовой структуры общества, а вслед за ней и структуры самого «Государства».

Морские государства, с их развитыми отношениями в части движимого имущества, представляют собой пример первой системы, а материковые государства, обладающие богатым опытом в вопросах земельной собственности, представляют собой пример второй системы. Конечным результатом первой системы является капиталистическая эксплуатация рабства*, а конечным результатом второй системы — развитое феодальное государство.

Капиталистическая эксплуатация рабства, характерный результат развития средиземноморских «античных государств», не заканчивается гибелью «Государства», которое тогда незначительно, а заканчивается гибелью народов из-за непомерного расходования населения. В родословной исторического развития «Государства» данная форма образует побочную ветвь, от которой не может произойти никакого дальнейшего непосредственного роста.

С другой стороны, развитое феодальное «Государство» представляет собой главное русло, основное направление

* Рабства не в смысле рабского труда, который ничем не отличается от крепостного труда, а рабства как рабовладения-рабопотребления — массового капиталистического производства и масштабного потребления рабов. — *Прим. перев.*

развития государства и поэтому будет источником дальнейшего роста государства, — постепенно оно пройдет стадии феодализма, абсолютизма, конституционного «Государства» и, будем надеяться на точность наших прогнозов, со временем трансформируется в «свободное гражданство свободных людей».

До тех пор пока «Государство» развивалось в основном русле, мы рассматривали только его, но сейчас мы будем рассматривать все производные формы «Государства».

Свое исследование мы продолжим изучением морских «Государств», хотя они и не самые ранние формы государственных образований, — первые мощные «Государства» были материковыми структурами, которые со временем преобразовались в развитые феодальные «Государства». При этом не все материковые структуры, по крайней мере из тех, что представляют для нас интерес, дошли до стадии развитого феодального «Государства», — большинство подобных образований либо застыли в своем развитии, либо попали в сферу влияния морских «Государств» и со временем пришли в упадок из-за разлагавшей капиталистической эксплуатации рабства, которая была занесена им морскими державами.

Дальнейшее развитие феодального «Государства» могло происходить только после ослабления морских «Государств». Но при этом формы правления и идеи, разработанные в морских «Государствах», оказали огромное влияние при создании новых государств, появлявшихся на их руинах.

Именно по этой причине необходимо ознакомиться с историей морских «Государств», поскольку их идеи лежат в основе высших форм «Государства». Исследовав боковую ветвь, мы вернемся в исходную точку — примитивное феодальное «Государство», ознакомимся с вопросами развития современного конституционного «Государства» и рассмотрим варианты формирования «свободного гражданства свободных людей».

ГЛАВА 4

МОРСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Существование и благополучие **морского государства**, основанного морскими кочевниками, как это было сказано выше, предопределяются его коммерческим капиталом*; точно так же, как у **материкового государства**, это предопределяется его недвижимым капиталом, выраженным в его недвижимом имуществе**; и точно так же, и это следует здесь отметить, как в современном **конституционном государстве**, его экономический потенциал напрямую зависит от его промышленного капитала***. Морской кочевник, конечно же, никогда сам не изобретал ни торговли, ни купечества; и ярмарки, и рынки, и города существовали задолго до него и предшествовали ему, но, поскольку все они так же служили и его целям, они теперь были заново открыты и развиты им для удовлетворения своих собственных экономических интересов. Все эти торговые институты, служащие также экономическими средствами, и бартер, предназначенный для равноценного товарообмена, получили свое дальнейшее развитие со времени своего открытия.

Здесь, впервые в данном исследовании, мы находим экономические средства не в качестве объекта для эксплуатации политическими средствами, но в качестве агента кооперации, принимающего непосредственное участие в происхождении государства, здесь его можно назвать также переходящим «звеном», создающим примитивное феодальное государство, чтобы потом произвести его более усложненную структуру. Происхождение Морского Госу-

* Капиталом, выраженным в деньгах, товарах, торговых походах и в поставках товаров. — *Прим. перев.*

** Территориях, защитных сооружениях, поместьях и городах. — *Прим. перев.*

*** Капитала, выраженного в фабриках и других средствах производства. — *Прим. перев.*

дарства не было бы вполне понятным, если бы мы не выдвинули также предположение о торговле и обмене товарами, существующими и происходящими в доисторический период времени. Кроме того, прогноз современного государства был бы не полным, если бы он не учитывал независимо сформировавшихся экономических средств локального характера, племенного товарообмена аборигенных народов.

Часть А. Товарообмен в доисторические времена

Психологическое объяснение товарообмена привело к теории предельной полезности, его наибольшей ценности. Согласно теории предельной полезности субъективная оценка экономического блага уменьшается прямо пропорционально числу предметов одного рода во владении одного собственника. Даже если встречаются два собственника, у каждого из которых имеется некоторое количество одинаковых предметов для торговли, они охотно и с удовольствием совершают товарообмен, при условии строгого запрета применения политических средств, т.е. если обе стороны очевидно равномерно сильны, или одинаково хорошо вооружены, или если, на очень ранней стадии развития, они находятся в священном круге родственных взаимоотношений.

При товарообмене* каждая из сторон получает чужую собственность с очень высокой субъективной ценностью вместо своей собственности с очень низкой субъективной стоимостью, поэтому обе стороны оказываются выигравшими в результате такой сделки. Желание первобытных людей обмениваться предметами должно было быть гораздо сильнее, чем подобное же желание у людей культурных, поскольку на этом этапе человек еще не ценит свои собственные товары, а жаждет вещей, принадлежащих не-

* Здесь и далее «бартер» = товарообмен. — *Прим. перев.*

знакомцам, и на его побуждения вряд ли оказывают влияние целенаправленно рассчитываемые экономические соображения.

С другой стороны, мы не должны этого забывать, что есть такие примитивные народы, к которым товарообмен не имеет никакого отношения. «Джеймс Кук рассказывает о племенах аборигенов в Полинезии, с которыми было вообще невозможно вступить в какие-либо социальные и торговые отношения, поскольку предлагаемые им подарки не производили на них никакого впечатления и были впоследствии даже выброшены прочь; все блага, что им показывали и предлагали, они воспринимали с полным равнодушием и без всякого желания владеть этими предметами, также они не желали расставаться и со своими собственными вещами; фактически они не имели никакого понятия ни о торговле, ни об обмене»⁵⁸.

Таким образом, Вестермарк* считает, что «бартер и торговля — сравнительно поздние изобретения человека». В этом он выступает против Пешеля**, который хотел бы, чтобы человек даже на самой ранней, известной нам стадии своего развития уже занимался бартером. Вестермарк утверждает, что нет никаких доказательств тому, «что пещерные люди из Перигора*** эпохи Северного Оленя**** добывали из скальных пород свои горные кристаллы и свои жемчужные раковины из Атлантики, а рога антилопы Сайга из (современной) Польши приобретали при помощи бартера»⁵⁹.

Несмотря на такие исключения, которые допускают наличие различных объяснений, вполне возможно и такое объяснение, что туземцы просто опасались колдовства, — история первобытных народов показывает, что желание

* Edward Alexander Westermarck.

** Oscar Ferdinand Peschel.

*** Природный регион и бывшая провинция Франции. — *Прим. перев.*

**** Эпоха позднего палеолита, датируемая 17 000—12 000 лет до н.э. — *Прим. перев.*

торговать и обмениваться товарами является универсальной человеческой характеристикой. Однако желание обмена может проявлять свою силу только в том случае, когда этим примитивным людям при встрече с незнакомцами будут предлагать неизвестные заманчивые предметы, поскольку в ближайшем кругу своих кровных родственников каждый из них имеет одинаковую собственность, а в своем естественном коммунизме имеет в среднем примерно одинаковое количество благ.

Но даже тогда бартер как начало всех обычных торгов может иметь место только тогда и в том случае, когда встреча аборигенов с иностранцами является мирной. Но есть ли возможность мирной встречи с иностранцами? Разве первобытный человек в течение всей своей жизни, и особенно в тот период, когда только начинается бартер, все еще не находится под страхом того, что каждый чужак из другого племени — это враг, которого следует опасаться, как волка?

Даже в том случае, когда торговля достаточно хорошо развита, то и тогда, как правило, она находится под сильным влиянием «политических средств», как говорят, «торговля, как правило, всегда следует за чьим-то грабежом»⁶⁰. Но ее первые зачатки главным образом результат экономических средств, результат миролюбивого, а не воинственного взаимодействия.

Межплеменные отношения первобытных охотников друг с другом не следует путать с отношениями, которые существуют либо между охотниками или скотоводами и их крестьянами, либо между самими скотоводами. Несомненно, бывают междоусобицы и кровная месть или вражда из-за ограбленных или поруганных женщин или, возможно, из-за нарушения границ районов, отведенных под охотничьи угодья или пастбища; но у них никогда не возникает такого сильного побуждения, которое является следствием только алчности, только желания ограбить, разорить других людей, лишить их продуктов их труда.

Таким образом, «войны» первобытных охотников — это едва ли настоящие войны, а скорее драки или единоборства,

которые часто ведутся, как это делают на немецких студенческих дуэлях, в соответствии с установленным церемониалом и продолжаются только до той степени, когда они больше не могут сражаться, как можно было бы сказать, «драка до первой крови»⁶¹. Эти племена, в численном отношении очень уязвимые, разумно ограничивают кровопролитие неизбежной величиной — например, в случае начала кровной мести — и, таким образом, избегают начала новой кровной мести*.

По этой причине мирные отношения со своими соседями в равных экономических масштабах намного крепче, а также гораздо свободнее от побуждения использовать политические средства как среди охотников, так и среди примитивных крестьян, чем среди скотоводов. Существует множество примеров того, как первые мирно встречаются, чтобы совместно использовать природные ресурсы. «Пока еще в примитивных стадиях цивилизации большие массы людей время от времени собираются вместе там, где могут быть найдены полезные объекты. Индейцы значительной части Америки регулярно совершали паломничества к кремням; другие собирались ежегодно во время сбора урожая в болотах Зизания на озерах Северо-Запада. Австралийцы, живущие в округе Барку, собираются со всех сторон для сбора урожая на болотных грядках кукурузы, несущей *Marsiliaceae*»⁶². «Когда деревья бонга-бонга в Квинсленде дают избыточный урожай, и в распоряжении имеется большой запас, чем может потребить племя, чужим племенам разрешается иметь свою долю в урожае»⁶³. Различные племена договариваются об общей собственности на определенные полосы угодий, а также карьеры фонолита для топоров»⁶⁴. Многочисленные австралийские племена проводят совместные консультации и заседания старейшин для вынесения судебных решений. В них

* Хорошей иллюстрацией к данному утверждению может служить документальный фильм о жизни австралийских аборигенов «Ten Canoes». — *Прим. перев.*

остальная часть населения представляет свидетелей, обычай, подобный германскому «Unstand», в первобытной народной ссоре⁶⁵.

Вполне естественно, что такие встречи должны привести к обмену. Возможно, это объясняет происхождение тех «еженедельных ярмарок, проводимых неграми Центральной Африки посреди первобытного леса в рамках специальных соглашений о мире»⁶⁶, а также тех великих ярмарок, которые, как говорят, были очень древними, охотников за пушниной на крайнем севере Чукче.

Все это предполагает развитие мирных форм сообщения между соседними группами. Эти формы можно найти почти повсеместно. В тот период их можно было очень легко разработать, поскольку тогда еще не было сделано открытие, что люди могут быть использованы в качестве «рабочих моторов»*. На этом этапе незнакомец считается врагом только в сомнительных случаях. Если же он приходит с явно миролюбивым намерением, к нему относятся как к другу. Поэтому вырос целый кодекс публично-правовых церемоний, призванный продемонстрировать мирные намерения незнакомца**. Человек поднимает, или разводит в стороны руки, или показывает свою безоружную руку, или кто-то заранее посылает специальных вестников, которые всегда неприкосновенны⁶⁷.

Очевидно, что эти формы сообщения представляют собой своего рода притязания на гостеприимство, и на самом деле именно благодаря этому гостевому праву мирная торговля впервые становится возможной. Обмен гостевыми подарками предшествует и, по-видимому, вводит сам

* Рабской силы. — *Прим. перев.*

** К этой категории следует относить приветствие, все еще используемое в некоторых местах: «Мир вам». Своенравие Л. Толстого поздних лет выражается в том, что он неверно понимает этот характерный признак времени, когда война была нормальным состоянием дел, как пережиток золотого века мира. «Значение русской Революции» (немецкий перевод А. Гесса, с. 17). — *Прим. авт.*

бартер, товарообмен. Именно поэтому важно исследовать источник гостеприимства.

Вестермарк в своей недавней монументальной работе (1906) «Происхождение и развитие нравственных понятий»⁶⁸ утверждает, что обычай гостеприимства происходит из двух причин: первая — это любопытство к известиям от незнакомца издалека и вторая — это страх, что незнакомец может быть наделен магическими способностями, вмняемыми ему только потому, что он незнакомец*. В Библии гостеприимство рекомендуется по той причине, что нельзя знать, что незнакомец не может быть ангелом. Суевверная раса боится своего проклятия (греки Ерины) и спешит умиловить незнакомца. Будучи принятым в качестве гостя, он неприкосновенен и пользуется священным правом группы, связанной с кровью, и считается принадлежащим ему во время его пребывания. Поэтому он пользуется преимуществами господствующего в группе аборигенного коммунизма и разделяет его собственность. Хозяин требует и получает все, что он требует, незнакомец получает, в свою очередь, то, что он просит. Когда мирное общество становится более частым, взаимная раздача подарков для гостей может перерасти в торговую договоренность, потому что торговец с радостью возвращается в то место, где он нашел хорошее развлечение и выгодный обмен и где он защищен законами гостеприимства, вместо того чтобы искать новые места, где зачастую с опасностью для его жизни ему только предстоит получить право на гостеприимство.

Конечно, предполагается, что существует некое «международное» разделение труда, прежде чем начнется развитие регулярных торговых отношений. Такое разделение труда существует намного раньше и в большей степени, чем

* Это может объяснить использование старых женщин в качестве герольдов. Они вдвойне подходят для этой цели, так как они бесполезны для войны и, как предполагается, наделены особыми силами колдовства (Вестермарк) даже больше, чем старики, с которыми также обращаются осторожно, так как они могут скоро стать «призраками». — *Прим. авт.*

принято теперь считать. «Совершенно ошибочно полагать, что разделение труда происходит только в широком масштабе экономического развития. В глубине Африки есть деревни только железных кузнецов, более того, таких, которые выпускают дротики; Новая Гвинея — там в деревнях есть гончары, а в Северной Америке — изготовители наконечников стрел»⁶⁹. Из этих специальностей развивается торговля, будь то бродячие торговцы, или дары хозяевам, или дары мира от племени к племени. В Северной Америке племя Кадду торгует луками. «Обсидиан универсально использовался для изготовления наконечников стрел и ножей; на Йеллоустоне, на реке Снейк, в Нью-Мексико, но особенно в Мексике. Оттуда ценный предмет торговли получил распространение по всей стране вплоть до Огайо и Теннесси, на расстояние около двух тысяч миль»⁷⁰.

Согласно Фиркандту*: «Из чисто самодельных продуктов первобытных народов возникает система торговли, совершенно отличная от той, которая преобладает в современных условиях ... Каждое отдельное племя развило собственные особые способности, что привело к взаимному обмену. Даже среди сравнительно нецивилизованных индейских племен Южной Америки мы находим такие различия ... В результате такой торговли продукты могут распространяться на необычайные расстояния не прямым путем через профессиональных торговцев, а путем постепенного перехода от племени к племени. Происхождение такой торговли, как показал Бюхер**, связано с обменом гостевыми подарками»⁷¹.

Помимо такого обмена гостевыми подарками торговля может произойти из мирных предложений, которыми противники обмениваются в знак примирения после боя. Сарториус*** сообщает о Полинезии: «После войны между различными враждующими островами от каждой группы

* Alfred Vierkandt, немецкий социолог и этнолог. — *Прим. перев.*

** Karl Wilhelm Bücher.

*** Georg Friedrich Sartorius.

островитян поступали взаимные мирные предложения какого-нибудь особенного нового урожая, и если дары одной стороны и ответные дары с другой стороны приходились по душе обеим сторонам, то повторение такого обмена получало продолжение и, таким образом, снова открывался путь для мирного обмена продуктами. Однако такие дары, в отличие от гостевых даров, служили основанием для возобновления общественной связи и отношений. Здесь, на местах контактов отдельных людей, могли встречаться как племена, так и целые народы. Женщины также являются первым объектом товарообмена, они образуют связующее звено между чужеродными племенами, и согласно свидетельствам многих источников женщины также обмениваются на скот»⁷².

Мы находим здесь женщин как объект торговли, который всегда возможно обменять даже без «международного разделения труда». А это значит, что обмен женщинами во многом сгладил путь для мирной торговли товарами, и, как видим, это был первый шаг, который способствовал мирной интеграции племен, которая сопутствовала и сопровождала воинственную интеграцию при формировании государства. Юлиус Липперт, впрочем, считает, что этому бартеру предшествовал миролюбивый *обмен огнем*⁷³. Признавая, что данный обычай очень древний, он тем не менее может проследить его только по рудиментам ритуалов и законов; но, поскольку доказательства недоступны, мы не будем здесь останавливаться на данном вопросе.

С другой стороны, обмен женщинами наблюдается повсеместно, и, несомненно, это оказывает чрезвычайно сильное влияние как на развитие мирного общения между соседними племенами, так и на подготовку к обмену товарами. История сабинских женщин, которые бросились между своими братьями* и своими мужьями**, когда они собирались вступить в битву, должно быть, стала

* Родней. — *Прим. перев.*

** Похитителями. — *Прим. перев.*

реальностью в тысячах подобных случаев в ходе развития человеческого рода. Во всем мире браки близких родственников считаются оскорблением и осквернением рода, таким как «инцест», по причинам, не входящим в сферу рассмотрения в данной книге»⁷⁴. Такое постановление направляет сексуальное влечение мужчин к женщинам соседних племен, и отсюда происходит, что добыча женщин является частью первичных межплеменных отношений, и почти во всех случаях, если сильное чувство родства не противодействует этому, то насильственное увлечение* женщин постепенно заменяется бартером или покупкой, мирным обычаем, возникающим из-за родственной нежелательности женщин своей собственной крови по сравнению с женами из других племен.

Там, где разделение труда сделало возможным обмен товарами, отношения между племенами впоследствии сделались для него полезными; эти экзогамные группы постепенно привыкли регулярно встречаться на мирной основе. Мир, изначально защищавший лишь орду кровных отношений, впоследствии стал распространяться и на более широкий круг. Один из бесчисленных примеров: «Каждое из двух племен Камеруна обладает своими собственными “внутренними областями”, местами, в которых торгуют его собственные соплеменники, и где, благодаря смешанным бракам, у них есть родственники. В данном примере экзогамия также демонстрирует свою соединяющую силу между племенами»⁷⁵.

Все это являлось основными линиями роста мирного бартера и торговли; от права на гостеприимство и обмена женщинами, возможно, даже от забытого обмена огнем до торговли товарами. В дополнение к этому и рынки, и ярмарки, а также, возможно, и торговцы почти всегда рассматривались как находящиеся под защитой бога, который сохранял мир и наказывал за его нарушение. Таким образом, мы проследили основания этого важнейшего

* Похищение. — *Прим. перев.*

социологического фактора до того пункта, когда политические средства выступают в качестве причины, вызывающей нарушение в налаживании экономических средств, а затем развиваются и оказывают влияние на продуктивность экономических средств.

Часть Б. Торговля и Первобытное Государство

Так вот, есть две очень важные причины, по которым воин-грабитель не должен чрезмерно вмешиваться в такие рынки и ярмарки, которые он может найти в своей завоеванной области.

Первая причина, которая является внеэкономической, — это суеверный страх перед тем, что божество отомстит за нарушение мира. Вторая, экономическая и, вероятно, наиболее важная, — и я так думаю, что я первый, кто указывает на эту связь, — это то, что завоеватели совсем не могут обходиться без рынков.

Добыча первобытных победителей состоит из большого количества имущества, которое недоступно для своего немедленного использования и потребления. Поскольку ценные предметы в этот период существуют в очень немногих формах, а эти немногие формы встречаются в большом количестве, то «предельная полезность» любого вида держится на очень низком уровне. Особенно это касается самого важного продукта политических средств — рабов. Давайте сначала рассмотрим случай со скотоводом: его потребность в рабах ограничена размером его стад; он, скорее всего, обменяет свой излишек рабов на другие предметы, представляющие для него большую ценность: на соль, украшения, оружие, металлы, тканые материалы, посуду и прочее. По этой же причине скотовод не только во все времена грабитель, но всегда вдобавок он еще купец и торговец, и как торговец, он защищает торговлю.

Он защищает торговлю, попадающуюся ему на пути, чтобы обменять свою добычу на продукты другой цивили-

зации, — с древних времен кочевники сопровождали караваны, проходящие через их степи или пустыни, в целях откупных денег, — но он также защищает торговлю даже в местах, завоеванных им с доисторических времен. То же экономическое соображение, которое побудило скотоводов перейти от медвежьей стадии грабителя к стадии пчеловода, должно было оказать влияние на них в том, чтобы они поддерживали и защищали древние рынки и ярмарки.

В этом случае одно-единственное разграбление означало бы убийство курицы, несущей золотые яйца. Ведь гораздо выгоднее сохранить рынок и, скорее, распространить на него господствующий мир, поскольку от регулярного обмена иностранными товарами, против одноразовой добычи, можно получить не только прибыль, но и откупные деньги, которые будут собраны как плата для лордов. По этой же самой причине притязания правителей феодальных государств на всех стадиях их развития простирались на внутренние рынки, торговые пути и торговцев под предлогом их «особой защиты», «царского мира», часто в самом деле закрепляя за собой монополию внешней торговли. И мы повсюду видим, как все они заняты созданием новых ярмарок и городов за счет протекций и иммунитета.

Такой интерес к системе ярмарок и рынков делает вполне вероятным то, что племена скотоводов настолько уважали существующие рынки в своей сфере влияния, что они полностью приостановили использование политических средств, чтобы не насаждать «господство» над ними. История, рассказанная Геродотом, по сути вероятна, хотя даже он был удивлен тому, что у Аргиппеев был священный рынок посреди беззаконных скифских скотоводов и что их небооруженные жители были так эффективно защищены только благодаря священному миру их рынка. Многие подобные феномены делают это более правдоподобным.

«Никто не осмелится причинять им вред, так как они считаются святыми, и тем более они не имеют оружия; но именно они разгоняют ссоры своих соседей, и любой, кто

бежал к ним как дезертир, не мог быть затронут любым другим человеком»⁷⁶. Подобные случаи встречаются часто: «Это всегда одна и та же история как Аргиппеев, история “святого”, “безоружного”, “справедливого” племени, торгующего и устраняющего раздоры посреди племен бедуинского кочевого населения»⁷⁷. Цере* можно привести как пример высшего уровня. Страбон** говорит о его жителях: «Греки высоко ценили их храбрость и справедливость, потому что, несмотря на свою могущественность, они воздерживались от их грабежа». Т. Моммзен, который цитирует этот отрывок, от себя добавляет: «Это не исключает пиратства, которым занимались как торговцы Цере, так и все остальные торговцы, и скорее всего то, что Цере был своего рода свободной гаванью как для финикийцев, так и для греков»⁷⁸.

Цере не похож на ярмарку Аргиппеев, рынок внутри отдельных кочевников, он посреди владений морских кочевников, порта, наделенного собственным миром. Это одна из тех типичных формаций, значение которой, по моей оценке, не было оценено по достоинству. Они, как мне кажется, оказали мощное влияние на происхождение морских государств.

Те причины, по которым мы видели, что сухопутные кочевники вынуждены сохранять, если не создавать рыночные места, должны были бы с еще большей интенсивностью приводить морских кочевников к подобному же поведению. Транспортировка добычи, особенно скота и рабов, трудна и опасна на тропях через пустыню или в степи: медленное передвижение способствует преследованию. Но с военным каноэ или кораблем-драконом эта транспортировка легка и безопасна. По этой причине викинг даже более торговец и купец, чем скотовод. Как сказано в Фаусте, «война, торговля и пиратство неразделимы».

* *Caere* — древний город-государство этрусков, соответствует современному Черветери. — *Прим. перев.*

** Античный историк и географ. — *Прим. перев.*

Часть В. Происхождение Морского Государства

Я уверен, что во многих случаях торговля добычей пиратства является источником таких городов, вокруг которых, как вокруг политических центров, выросли города-государства античной или средиземноморской цивилизации; в то время как во многих других случаях такая же торговля способствовала тому, чтобы привести их к той же точке политического развития.

Эти портовые рынки развивались, вероятно, из двух основных типов: они выросли либо в виде пиратских крепостей, прямо и намеренно помещенных на враждебную территорию, либо, в ином случае, в качестве «торговых колоний», основанных на договорных правах в иностранных портах примитивных или развитых феодальных государств.

Что касается первого типа, то у нас есть ряд важнейших примеров из древней истории, которые в точности соответствуют четвертому этапу нашей схемы, когда вооруженная колония пиратов садится в коммерчески и стратегически защищенном месте на берегу иностранного государства. Самый известный пример — Карфаген; и таким же образом греческие морские кочевники, ионийцы, дорийцы и ахейцы поселились в своих морских замках на Адриатическом и Тирренском побережьях Южной Италии, на островах этих морей и в заливах Южной Галлии. Финикийцы, этруски*, греки и, согласно современным данным, карианцы — все они основали возле Средиземноморья свои «государства» схожим образом, с идентичным классовым разделением на хозяев, завоевателей и рабское крестьянство на соседствующей территории⁷⁹.

* Были ли этруски иммигрантами в Италию по суше, которые занялись пиратством, после того как успешно воевали на суше, или уже как морские кочевники они заселили страну через море, названное в их честь, это не было определено. — *Прим. авт.*

Некоторые из этих государств на побережье превратились в феодальные государства типа **материковых государств**; и правящий класс стал земельной аристократией. Факторами этого изменения были: во-первых, географические условия, отсутствие хороших гаваней и обширные внутренние районы страны (материковые территории), возделываемые мирными крестьянами; и, во-вторых, вполне возможно, приобретенная организация внутри классов, привнесенная ими из их первоначальных домов. Во многих случаях они были беглыми дворянами, побежденными домашними распрями или младшими сыновьями, иногда целым поколением молодежи обоего пола, которые, таким образом, начали «из викингов», и, имея дома, имея земли и крепостных, как мелкие лорды, они продолжали искать на чужбине то, что они считали своим долгом. Оккупация Англии англосаксами и южной Италии норманнами — примеры такого метода; также испанская и португальская колонизации Мексики и Южной Америки. Ахейские колонии Большой Греции на юге Италии дают дополнительные и очень важные примеры этого развития материковых феодальных государств морскими кочевниками: «Эта ахейская Лига городов была настоящей колонизацией. Города были без гаваней, — у Кротона был только ярмарочный морской рейд*, — но они не вели никакой собственной торговли: сибарит мог похвастаться тем, что он стал седым в своем водном городе между мостами, в которых он жил, в то время как купля-продажа осуществлялась милейцами и этрусками. С другой стороны, греки в этом регионе не только контролировали край берега, но и управляли от моря до моря; ... коренные жители сельхозугодий были вынуждены вступить в отношения клиентов или стать крепостными и должны были работать на фермах своих хозяев или отдавать им дань»⁸⁰. Вероятно, что и большинство дорических колоний на Крите были организованы аналогичным образом.

* Рейд — место, где корабли могут встать на якорь. — *Прим. перев.*

Впрочем, в ходе всеобщей истории все эти «материальные государства», возникающие более или менее часто, не приобретали такого важного значения, как те морские города, которые посвятили все свои основные силы торговле и частному предпринимательству. Теодор Моммзен в четких и хорошо подобранных предложениях сравнивает ахейского землевладельца с «королевскими торговцами» греческих колоний в Южной Италии: «Они никоим образом не отвергали сельское хозяйство или увеличение территории; греки не были удовлетворены, по крайней мере после того, как они стали могущественными, чтобы оставаться замкнутыми в укрепленной коммерческой фабрике посреди страны варваров, как это сделали финикийцы. Их города были основаны главным образом и исключительно для целей торговли и, в отличие от ахейских колоний, были универсально расположены в лучших морских гаванях и местах высадки»⁸¹. Мы можем быть вполне уверены в том, что в случае ионических колоний, и также можем предположить, что в других таких случаях основатели этих городов были не землевладельцами, а торговцами-мореплавателями.

Но такие морские государства или города, в строгом смысле, возникли не только в результате воинственных завоеваний, но также и в результате миролюбивых начинаний, в результате более или менее разнообразного мирного вторжения.

Однако там, где викинги встречались не с миролюбивыми крестьянами, а с феодальными государствами на примитивной стадии, готовыми сражаться, они предлагали и принимали условия мира и оседали в качестве колоний торговцев.

Нам известно о таких случаях в любой части мира, в гаванях и на рынках, расположенных вдоль берега. В качестве примеров, с которыми немцы лучше всего знакомы, мы можем привести поселения северогерманских торговцев в странах вдоль Немецкого океана и Балтийского моря, немецкий металлургический завод в Лондоне,

Ганза в Швеции, в Норвегии на острове Шонен и в России в Новгороде. В Вильне, столице великих князей литовских, была такая колония; и в Фондако деи Тедески в Венеции — другой пример подобного учреждения. Незнакомцы почти в каждом случае оседают как компактная масса, землячество, подчиняясь своим собственным законам и своей собственной юрисдикции. Они довольно часто приобретают большое политическое влияние и даже иногда простирают свое господство над государством.

Можно было бы представить, что следующая история от Ратцеля, касающаяся побережья и островов Индийского океана, была бы современным повествованием о финикийском или греческом вторжении в Средиземное море примерно в 1000 году до нашей эры: «Все народы, так сказать, были наполнены торговлей, в особенности умные, ревностные и вездесущие малайцы из Суматры, а также коварные буги-целебцы. Их можно встретить в любом месте от Сингапура до Новой Гвинеи. В последнее время, особенно на Борнео, они массово иммигрировали по призыву вождей Борнео. Их влияние было настолько сильным, что им было позволено управлять собой в соответствии со своими собственными законами, и они чувствовали себя настолько сильными, что неоднократно пытались добиться независимости. Ачинцы ранее занимали аналогичную позицию. Малакка стала основным рынком сбыта для малайцев из Суматры, и после ее упадка Ачин стал самой посещаемой гаванью дальнего востока, особенно в первой четверти семнадцатого века, в ключевой период развития этого уголка мира»⁸².

Следующие из бесчисленных случаев демонстрируют нам универсальность этой формы поселения: «В Урге, где они политически доминируют, торговцы собрались вместе в отдельный китайский город»⁸³. «В еврейских государствах были “маленькие колонии” иностранных торговцев и механиков, расположенных в разных кварталах городов. Здесь, под защитой царя, они могли жить в соответствии со своими религиозными обычаями»⁸⁴. Мы также можем

сравнить это с Первой Книгой Царств 20, 34*. «Военный успех противника, царя Дамаска, заставил Ефраимского царя Омри дать арамейским купцам возможность использовать определенные части города Самарии, где под царской защитой они могли торговать. Позже, когда ход войны благоприятствовал его преемнику, Ахаву, последний требовал такую же привилегию для ефраимских купцов в Дамаске»⁸⁵. «Жители Италии, где бы они ни находились, держались вместе как сплоченные и организованные массы, солдаты как легионеры, торговцы всех крупных городов как корпорации, в то время как римские граждане проживали или жили в различных провинциальных округах, были организованы как “собрание римских граждан” с собственным общинным правительством»⁸⁶.

Мы можем также вспомнить средневековые гетто, которые, до великого преследования евреев в Средние века, были похожими торговыми колониями. Поселения европейцев в портах сильных иностранных империй в настоящее время демонстрируют нам схожие корпоративные организации, имеющие свою собственную конституцию и (консульскую) юрисдикцию. Китаю же, Турции и Марокко приходится продолжать терпеть свое низкое положение, в то время как недавно Япония смогла избавиться от этого признака.

Самое интересное во всех этих колониях, по крайней мере для нашего исследования, состоит в их общей тенденции распространять свое политическое влияние на полное господство. И этому есть веская причина. Торговцы имеют массу движимого богатства, которое, вполне вероятно, может использоваться в качестве решающего фактора

* Текст из Первой Книги Царств 20, 34, на который ссылается автор, в синодальном переводе является текстом из Третьей Книги Царств 20, 34: «И сказал ему *Венадад*: города, которые взял мой отец у твоего отца, я возвращу, и площади ты можешь иметь для себя в Дамаске, как отец мой имел в Самарии. *Ахав сказал*: после договора я отпущу тебя. И, заключив с ним договор, отпустил его». — *Прим. перев.*

для политических потрясений, постоянно беспокоящих все феодальные государства, будь то при международных войнах между двумя соседствующими государствами или при внутринациональных войнах, таких как войны за престол или право престолонаследия. В дополнение к этому колонисты во многих случаях могут полагаться на силу, власть и поддержку своего родного государства, основывая свои претензии на кровных узлах и необычайно сильных коммерческих интересах; в то же время существует и такой факт, что во многих случаях они имеют в своей воинственной морской народности и в своих многочисленных рабах собственную эффективную и компактную силу, при помощи которой они способны достичь очень многого в ограниченной сфере.

Следующая история — о роли арабских купцов в Восточной Африке, как мне кажется, показывает исторический тип, до сих пор недостаточно оцененный: «Когда Спик, как первый европеец, совершил эту поездку в 1857 году, арабы были купцами, живущими как чужаки на земле. Когда в 1861 году он прошел тот же путь, арабы представляли великих землевладельцев с богатыми сословиями и вели территориальную войну с местным правителем. Этот процесс, неоднократно встречавшийся во многих других регионах внутренней Африки, является необходимым следствием баланса власти. Иностранцы торговцы, будь то арабы или суахели, просят о привилегии транзита и платят за нее дань; они создают склады, которые предпочитают вожди, так как они, как им кажется, и удовлетворяют их тщеславие, и расширяют их связи; затем, вызывая подозрения, притеснения и преследования вождей, торговцы отказываются платить им пошлины и сборы, которые так же выросли с ростом их благосостояния. Наконец, в одном из неизбежных сражений за преемственность арабы встают на сторону одного из претендентов во власть, если он довольно легко поддается их влиянию, и, таким образом, попадают во внутренние политические распри страны, и далее принимают участие в зачастую бесконечных войнах»⁸⁷.

Эта политическая деятельность торговых жителей (*metoikoi*) является регулярно повторяющимся примером. Ратцель пишет: «В Борнео из поселений китайских золотоискателей развивались отдельные независимые государства»⁸⁸. Собственно, вся история колонизации европейцами Нового Света представляет собой серию примеров закона, по которому обладающие любой превосходящей силой фактории (поселения) или более крупные поселения иностранцев имеют тенденцию к наращиванию собственного господства, если только они не относятся к примитивной категории простого пиратства, например такого, как испанские и португальские завоевания или компании из Восточной Индии, как английские, так и голландские. «За океаном, между Рейном и Шельдой, лежит государство грабителей», — обличают слова голландца Мультиатули. Все восточноазиатские, американские и африканские колонии всех европейских народов возникли по принципу первого или второго из этих двух типов.

Но чужестранцы не всегда получают свое безоговорочное преимущество. Иногда принимающее государство слишком сильно, и вновь прибывшие остаются политически бессильными, но защищенными чужаками; как, например, немцы в Англии. Иногда принимающее государство, хотя и подчиненное, становится достаточно сильным, чтобы избавиться от иностранного господства; так, например, Швеция изгнала ганзейцев, которые навязали ей свой суверенитет. В некоторых случаях иной завоеватель побеждает как торговцев, так и принимающее государство, и подчиняет себе их обоих; так это произошло с республиками Новгород и Псков, когда русские аннексировали их. Однако во многих других случаях богатые иностранцы и представители местной знати объединяются в одну группу правителей по примеру образования материковых государств, в которых, как мы видели, это происходило всякий раз, когда две примерно одинаково сильные группы правителей вступали в конфликт. И мне кажется, что именно эта последняя обозначенная ситуация является

наиболее вероятным исходом для происхождения самых важных городов-государств античного периода, и для греческих морских городов, и для Рима.

Из греческой истории, если использовать терминологию Курта Брейзига, мы знаем только «Средние века» римской истории и только ее «Новое Время». В отношении вопросов, которые предшествовали этому, мы должны быть предельно осторожными при извлечении выводов из причудливых аналогий. Но, мне кажется, уже достаточно фактов доказано и признано для того, чтобы сделать вывод о том, что Афины, Коринф, Микены, Рим и т.д. стали государствами в соответствии с изложенным выше порядком. И это следовало бы даже в том случае, если бы данные из всей известной демографии и всеобщей истории не имели бы такой универсальной достоверности, чтобы позволить себе сделать такой вывод.

Нам достоверно известно из названий мест (Саламин: остров мира, эквивалентный Маркет-Айленду) и из имен героев, из памятников и непосредственных традиций, нам точно известно, что во многих греческих гаванях существовали финикийские фактории (поселения), в то время как внутренние районы страны (материковые территории) были заняты небольшими феодальными государствами с типичными сочетаниями сословий дворян, простых вольных людей и рабов. Нельзя серьезно оспаривать тот факт, что развитие городов-государств сильно подвергалось иностранным влияниям; и это правда, хотя нельзя привести никаких конкретных доказательств того, что кому-либо из финикийцев или еще более влиятельных карианских купцов было бы разрешено вступить в брак с семьями из местной знати, или они бы стали полноправными гражданами, или, наконец, даже стали бы принцами.

То же самое относится и к Риму, в отношении которого Теодор Моммзен, очень осторожный автор, заявляет: «Рим обязан своим если не происхождением, то своим существованием этим самым торговым и стратегическим отношениям. Доказательством этого являются многие следы

гораздо большей ценности, чем рассказы об исторических событиях, претендующих на их подлинность. Возьмите пример первобытных отношений, существующих между Римом и Цере, которые были для Этрурии тем же самым, чем Рим был для Лациума, после чего они были ближайшими соседями и коммерческими партнерами; или необычайное значение, приписываемое мосту через Тибр и любому строительству мостов во всех частях Римского государства (*Pontifex Maximus**); или изображение галеры** на муниципальном гербовом щите. К такому источнику можно отнести и первоначальные римские портовые сборы, которым с давних времен подвергались только те товары, которые предназначались для продажи (*promercale*), а не те, что входили в гавань Остии для собственного использования фрахтователем (*usuarium*), и следовательно, что представляло собой налог на торговлю. По этой причине мы находим сравнительно раннее использование чеканенных денег и коммерческих договоров государств с Римом за границей. Таким образом, в этом смысле Рим, как гласит история его происхождения, скорее был сотворенным, чем развитым городом, а среди латинских городов скорее самым молодым, чем старшим»⁸⁹.

Для изучения всех этих возможностей, или, скорее, этих вероятностей, потребуется работа всей жизни для

* Согласно толкованию термин «Понтифик» означает «строитель моста» (*pons + facere*); «Максимус» означает «величайший». Возможно, изначально это подразумевалось в буквальном смысле: положение мостостроителя действительно было очень важным в Риме, где главные мосты были над Тибром, священной рекой и божеством. Толкование слова «понтифик» как «строитель моста» было толкованием Дионисия Галикарнасского и Марка Терентиуса Варро. Тем не менее это всегда понималось и в его символическом смысле: понтифики были теми, кто возводил «мост» между богами и людьми. — *Прим. перев.*

** Корабль с парусом и веслами, предназначенный для войны, торговли или пиратства, его изображение используется также в геральдических символах. — *Прим. перев.*

исторического исследования, чтобы затем суметь записать конституциональную историю этих выдающихся городов-государств и сделать оттуда столь необходимые выводы. Мне кажется, что на данном пути можно было бы найти много информации по многим неясным вопросам, таким как этрусское владычество в Риме, или происхождение богатых семей плебеев, или о политической деятельности торговых жителей (*metoikoi*) Афин и многих других проблемах.

Здесь же мы можем следовать только той нити, которая дает надежду вывести нас через лабиринт исторической традиции к искомой проблеме.

Часть Г. Существование и конец Морских Государств

Это все настоящие «государства» в социологическом смысле, вне зависимости от того, возникли ли они из береговых крепостей морских грабителей или из портов настоящих сухопутных кочевников как торговых колоний, которые достигли своего господства или объединились с господствующей группой правителей территории. Ибо все они есть не что иное, как организация политических средств, их форма — господство, их сущность — экономическая эксплуатация подчиненных господствующей группой.

Что касается принципа устройства, то их не следует отличать от государств, основанных земельными кочевниками; хотя все же они приняли другую форму, как из внутренних, так и из внешних причин, и показывают отличающуюся психологию классов.

Нельзя быть уверенным в том, что классовые чувства были совсем разными в морских и в материковых государствах. Здесь и там правящий класс с таким же презрением смотрит на подчиненных как на предметы, как на «Рантусов», как на «человека с грязными ногтями», как немецкий патриций в Средние века смотрел на существо, с которым, даже когда он был свободен, не допускалось никаких

контактов, браков и иных социальных сношений. В действительности мало что отличает теорию классов *καλοκάγαθος** или патрициев** от теории сельских помещиков. Однако здесь имеются другие обстоятельства, которые приводят к различиям, естественно созвучным с классовыми интересами. В любом районе, управляемом торговцами, грабеж на торговом пути недопустим, и поэтому он считается, например среди морских греков, вульгарным преступлением. Иначе сказка о Тесее в материковом государстве не была бы направлена против разбойников. С другой стороны, «в самое уже незначительно отдаленное время они рассматривали пиратство как нечестную торговлю, о которой можно найти множество доказательств в поэмах Гомера; в то время как уже в более поздний период Поликрат организовал хорошо развитое государство грабителей на острове Самос». «В *Corpus Juris* упоминается закон Солона, в котором ассоциация пиратов*** юридически признается разрешенной компанией»⁹⁰.

Но совершенно отдельно от таких деталей, которые упомянуты только потому, что они служат нам, чтобы пролить ясный свет на возрастание определенной «идеологической надстройки»****, основные условия существования морских государств, совершенно отличные от условий развития материковых государств, обусловили возникновение двух чрезвычайно важных феноменов, имеющих универсальное историческое значение, а именно: во-первых, это рост демократической конституции, благодаря

* «Благородно рожденные». — *Прим. перев.*

** Детей знатных предков; патриций — лицо, принадлежавшее к древним исконным римским родам, составлявшим правящий класс. — *Прим. перев.*

*** Здесь имеется в виду текст «*η επι λειαν οίχομενοι η εις εμπόριον*» — «и на добычу, и на торговлю». — *Прим. перев.*

**** Насколько характерно для этих отношений то, что Великобритания, единственное в Европе «Морское Государство», даже и в наши дни ни за что не откажется от своего права вооружать каперов. — *Прим. авт.*

которой происходят жесткое соперничество и гигантская борьба между деспотичным султанизмом Востока и гражданской свободой Запада (согласно Теодору Моммзену, именно это и является истинным содержанием нашей всемирной истории); и, во-вторых, развитие капиталистического рабства, которое в итоге должно было уничтожить все эти государства.

Давайте сначала рассмотрим внутренние или социально-психологические причины наличия такого контраста между материковыми и морскими государствами.

Государства поддерживаются тем же самым принципом, из которого они возникают. Завоевание земли и населения — причина и сущность (*ratio essendi*) материкового государства; и путем повторного завоевания земель и населения оно должно расти, пока его естественный рост не будет остановлен горными хребтами, пустыней или океаном, или его социологические границы не будут определены контактом с другими государствами его собственного типа, которые он не может покорить и подчинить. Морское государство, с другой стороны, возникло из пиратства и торговли; и с помощью этих двух средств оно также должно стремиться расширить свою власть и свое влияние.

Для этой цели никакая обширная территория не должна быть абсолютно подвержена его влиянию. Морскому государству нет необходимости доводить свое развитие за пределы первых пяти этапов. Морские государства, редко и только когда принуждаются, выходят за рамки пятой стадии развития и достигают полного внутринационального объединения и слияния. Обычно вполне достаточно, чтобы другие морские кочевники и торговцы держались подальше, если монополия на грабежи и торговлю обеспечена и если «подданные» сохраняют спокойствие при помощи фортов и гарнизонов. Важные места производства, конечно, фактически «доминируют»; и это особенно относится к шахтам, к нескольким плодородным зерновым поясам, к лесам с хорошим лесом, к соляным работам и к важным рыбным промыслам.

Господство здесь, следовательно, означает постоянное управление, принуждающее подданных работать на правящий класс. Только позднее в развитии появляется вкус к «землям и рабам» и бóльшим владениям для правящего класса за пределами узких и первоначальных границ государства. Это происходит, когда морское государство путем объединения покоренных территорий становится соединением материковой и морской формы. Но даже в данном случае, в отличие от материковых государств, здесь крупные земельные участки являются всего лишь источником сдачи в аренду и почти во всех своих случаях рассматриваются и администрируются как заочное имущество. Это мы находим и в Карфагене, и в поздней Римской империи.

Интересы правящего класса, который как в морском государстве, так и в любом другом государстве управляет в соответствии со своими собственными преимуществами, отличаются от интересов в материковом государстве. В последнем феодальный территориальный магнат могуществен благодаря наличию собственности на землю и ее плоды; и наоборот, патриций морского города могуществен только благодаря своему собственному богатству. Территориальный магнат может доминировать в своем «государстве» только по количеству вооруженных им людей, и для того, чтобы иметь как можно больше их количество, он должен максимально увеличить свою территорию. Патриций, с другой стороны, может контролировать свое «государство» только при помощи движимого богатства, при помощи которого он может нанимать сильную армию наемников или подкупать слабые души своих противников; такое* богатство быстрее завоевывается при помощи пиратства и торговли, чем сухопутными войнами и владением крупными землями на отдаленных территориях.

Кроме того, чтобы основательно использовать земельную собственность, он должен был бы покинуть свой город, чтобы поселиться на земле вдали от него и стать

* Денежное. — *Прим. перев.*

обыкновенным помещиком; потому что в период, когда деньги еще не стали общепринятыми, когда выгодное разделение труда между городом и деревней еще не произошло, эксплуатация больших поместий может осуществляться только путем фактического потребления их продуктов, а заочное владение собственностью как источником дохода невообразимо.

Однако мы до сих пор еще не достигли этого этапа развития. Мы всё еще исследуем примитивные условия. Ни один патриций какого-либо города-государства не подумает в это время покинуть свой оживленный богатый городской дом, чтобы похоронить себя среди варваров и, таким образом, одним движением отрезать себя в своем государстве от любой политической роли. Все его экономические, социальные и политические интересы единодушно побуждают его участвовать в рискованных морских предприятиях. Не земельная собственность, а движимый капитал — движущая сила его жизни.

В этом есть движущие причины для деятельности правящего класса в морских городах; и даже в тех случаях, когда географические условия позволяли расширяться за пределы прилегающих внутренних районов этих городов, они прикладывали массу усилий на морскую мощь, а не на территориальный рост. Даже в случае с Карфагеном его колоссальная территория имела для него гораздо меньшее значение, чем его морские интересы. Прежде всего, они покорили Сицилию и Корсику в большей степени для того, чтобы предотвратить конкуренцию со стороны греческих и этрусских торговцев, чем ради собственного владения этими островами; это расширило его территории к ливийцам, в значительной степени для того, чтобы обеспечить безопасность его других домашних владений; и наконец, когда они покорили Испанию, то главной причиной этого была необходимость владеть копиями.

История Ганзы показывает нам много точек соприкосновения с вышеизложенным. Более того, большинство этих морских городов не были способны подчинить себе

большой сухопутный район. Даже если у них имелась воля к победе, то находились внешние причины, географические условия, которые им мешали. На всем протяжении Средиземного моря, за исключением нескольких мест, прибрежная равнина была чрезвычайно узкая, небольшая полоса, отгороженная высокими горными хребтами. Это была одна из причин, которая помешала большинству морских государств, сгруппированных вокруг какой-то торговой гавани, вырасти до размеров, которые мы, естественно, должны были бы считать вероятными; в то время как в открытой местности, управляемой скотоводами, и даже очень рано, появились огромные царства. Вторая причина незначительного размера этих государств заключается в том, что внутренние районы, будь то холмистая местность или немногочисленные равнины Средиземноморья, уже были оккупированы воинственными племенами. Эти племена, будь то охотники, или воинственные скотоводы, или даже примитивные феодальные государства того же господствующего народа, что и морские кочевники, вряд ли были бы покорены без серьезной борьбы. Таким образом, внутренние районы Греции были спасены от вторжений морских государств.

По этим причинам морское государство, даже когда оно наиболее развито, всегда остается централизованным, можно сказать, сосредоточенным на своей торговой гавани; в то время как материковое государство, сильно децентрализованное с самого начала, долгое время продолжает развиваться, поскольку оно еще более расширяет свою выраженную децентрализацию. Чуть позже мы увидим, какое на это оказывает влияние принятие таких форм правления и экономических достижений, которые были впервые усовершенствованы в «городе-государстве» и которые, таким образом, получили власть для противодействия центробежным силам и для создания центральной организации, которая уже характерна сегодня для наших современных государств. Это есть первый большой контраст между двумя формами государства.

Не менее решающее значение имеет второй контраст, в соответствии с которым материковое государство остается привязанным к натуральной экономике, а не к денежной экономике, к которой успешно обращается морское государство. Этот контраст происходит также из основных и противоположных обстоятельств их существования.

Везде, где государство живет в натуральной экономике, деньги являются излишней роскошью, — даже настолько излишней, что экономика, развившаяся с использованием денег, снова превращается в систему платежей в натуральной форме, как только сообщество возвращается в более примитивную форму. Таким образом, после того как Карл Великий выпустил хорошие монеты, экономическая ситуация сама исключила их. Нейстрия*, не говоря уже об Австрии, находилась под стрессом миграции народов, вернувшихся к оплате в натуральной форме. Такая система вполне может обойтись без денег в качестве стандарта ценностей, поскольку она не имеет развитого общения и трафика. Арендаторы лорда предоставляют ему дань в той форме, которую лорд и его люди немедленно потребляют; в то время как его украшения, тонкие ткани, дорогое оружие или редкие лошади и т.д. приобретаются в обмен у странствующих торговцев на рабов, воск, меха и другие продукты воинственной экономической системы обмена в натуральной форме.

В городской жизни на любой продвинутой стадии развития невозможно существовать без единой меры ценностей. Свободный механик в городе не может, кроме редких случаев, найти какого-то другого мастера, нуждающегося в особой вещи, которую он производит, и готового немедленно ее приобрести. Кроме того, в городах неизбежна розничная торговля продуктами питания, здесь каждый вынужден покупать себе всё необходимое, что делает

* *Neustria* была западной частью королевства франков, включала земли между Луарой и Сильвой Карбонарией, примерно на севере современной Франции. — *Прим. перев.*

использование чеканных денег совершенно неизбежным. Невозможно вести торговлю в более узком смысле этого слова не между продавцом и покупателем, а между продавцом и продавцом без единой меры оценки стоимости. Представьте себе случай, когда торговец, заходящий в порт с грузом рабов, желал взять одежду в качестве возвратного груза и находил торговца тканью, который в то время мог не хотеть рабов, а хотел железа, крупного рогатого скота или мехов. Чтобы осуществить такой обмен, по крайней мере дюжина промежуточных сделок должна быть совершена прежде, чем эта цель могла быть достигнута. Этого можно избежать, только если существует какой-то один товар, который желают все. В системе платежей материальных государств платеж может быть принят в виде скота или лошадей, поскольку они могут быть использованы кем-либо в любое время; но владелец судна не может погрузить скот в качестве средства платежа, и, таким образом, только золото и серебро признаются «деньгами».

Из централизации и от использования денег, которые являются необходимыми свойствами морского или городского государства, как мы будем называть его в дальнейшем, неизбежно происходит его судьба.

Психология горожанина, особенно жителя морского торгового города, радикально отличается от психологии его аграрного соотечественника. Его точка зрения более свободна и более инклюзивна, хотя и более поверхностна; он подвижней, потому что больше впечатлений настигает его за день, чем крестьянина за год. Он привыкает к постоянным изменениям и новостям, и поэтому всегда является *novarum rerum cupidus* (более нетерпеливым). Он более отдален от природы и менее зависим от нее, чем крестьянин, и поэтому он меньше боится всяких «призраков».

Одним из следствий этого является то, что подчиненный в городе-государстве менее склонен учитывать «запретные» правила, наложенные на него первым и вторым сословиями правителей. И поскольку он вынужден жить в компактных массах со своими собратьями, он рано

находит численное преимущество своих сил, так что он становится более крамольным, непримиримым и неуправляемым, чем крепостной, который живет в такой изоляции, что он никогда не осознает массы, к которой он принадлежит, и зачастую остается под впечатлением, что его повелитель и его последователи всегда будут одерживать верх в каждом бою.

Это само по себе приводит ко все более постепенному разладу и распаду жесткой системы подчинения групп, впервые созданных феодальным государством. В Греции только материковые государства могли продолжительное время сдерживать своих подданных в состоянии подчинения: Спарта — своих Илотов, Фессалия — своих Пенестов. С другой стороны, во всех городах-государствах мы рано находим яростное восстание пролетариата, выступая против которого правящий класс был не в силах противостоять его эффективному сопротивлению.

Экономическая ситуация имеет тенденцию к такому же результату, что и условия расселения. У морского подвижного богатства была намного меньшая стабильность, чем у земельной собственности: море сложно, и судьбы морской войны и пиратства не менее сложны. Сегодняшний богатый человек может потерять завтра всё из-за поворота колеса Фортуны; в то время как самый бедный человек может, таким же поворотом судьбы, быть заброшен на вершину удачи. Но в благополучном обществе, полностью основанном на имуществе, потеря удачи влечет за собой и потерю звания, и «класса», так же может происходить и обратное. Богатый плебей становится лидером народной массы в их конституционной борьбе за равные права и подвергает риску свою удачу в этой борьбе.

Положение патрициев становится все более несостоятельным; когда им приходится уступать, когда их принуждают уступать требованиям низшего класса. Лишь только первый богатый плебей попал в их ряды, право на власть по рождению, защищаемое как священное учреждение, навсегда становится невозможным. Отсюда следует, что то,

что справедливо для одного, справедливо и для другого; а за аристократическим правлением следует сначала плутократическое правление, затем демократическое и, наконец, охлократическое правление, пока какое-либо иностранное завоевание либо «тирания» какого-то «Разящего Меча» не спасают сообщество от неминуемого краха.

Такой конец неизбежно затрагивает не только само государство, но и, в большинстве случаев, всех его жителей настолько глубоко, что можно говорить о буквальном крахе и гибели народов, вызванном капиталистической эксплуатацией рабского труда. Такая эксплуатация является социальным институтом, неизбежно связанным с сущностью каждого государства, основанного на пиратстве и морских предприятиях и, таким образом, использующего чеканные деньги в качестве всеобщего средства обмена.

На ранних стадиях феодализма, откуда рабство возникло, оно было вполне безвредным, как это справедливо для всех экономических систем, основанных на натуральной форме обмена. Рабство стало опасным раком на теле общества и крайне разрушительным для жизни всего государства, только когда стало использовать «капиталистический» метод, т.е. как только рабский труд начинает применяться не для использования в системе феодальных выплат в натуральной форме, а для обеспечения обширного рынка, расплачивающегося государственными чеканными деньгами.

Бесчисленных рабов бесконечно ввозят в страну при помощи пиратства, каперства или коммерческих войн. Богатство их владельцев позволяет более интенсивно обрабатывать землю, а владельцы недвижимости в пределах городской черты получают все больший доход от своих владений и становятся все более и более жадными до новых земель. Мелкий свободный хозяин в своей стране, перегруженный налогами и пошлинами и военной службой в войнах, ведущихся в интересах того великого купеческого класса, впадает в долги, становится долговым рабом или мигрирует в город в качестве нищего. Но даже в этом случае у него нет никакой надежды, поскольку переселение

крестьян нанесло ущерб ремесленникам и мелким торговцам, потому что крестьяне обладали привычкой закупать товары в городе, в то время как огромные поместья, постоянно разрастаясь с удалением крестьянства, снабжали свои собственные потребности своими же собственными продуктами рабского труда.

Данное зло атакует и другие части политического организма. Все остальные профессии постепенно узурпируют хозяева, эксплуатирующие рабский труд, который дешевле свободного труда. Средний класс, таким образом, разваливается; и возникает нищая, ни на что не годная толпа, чернь, подлинный «голодранский пролетариат», который в силу демократической конституции, достигнутой за это время, является сувереном общества благосостояния.

Прямой курс, как политический, так и военный, всего лишь вопрос времени. Это может произойти без иностранного вторжения; что, однако, обычно наступает, когда по причине физического упадка, вызванного огромной депопуляцией, **расходом людей в буквальном смысле этого слова**, достигается эта конечная стадия упадка. Это конец всех таких государств. Но, в рамках данного трактата, мы более не можем растягивать эту тему.

Только один город-государство смог сохранить себя на протяжении веков, потому что он был окончательным завоевателем всех остальных государств и потому что был способен противодействовать потреблению населения единственным возможным результативным способом: обширными рекреациями населения своего среднего класса, как в городах, так и в сельских районах, а также обширными колонизациями крестьян на землях, отнятых у побежденных государств.

Римская империя была таким государством. Но даже такой гигантский организм в конце концов уступил перед потреблением населения, вызванным массовым рабовладением и капиталистической эксплуатацией рабского труда. Однако за этот промежуток времени Рим создал первую Империю, т.е. первое насильно централизованное

государство огромного масштаба, и преодолел и объединил все материковые государства Средиземноморского побережья и соседних с ним стран и тем самым навсегда установил перед всем миром модель такого организованного и централизованного владычества.

В дополнение к этому Рим развил свою организацию городов и систему денежного хозяйства до такой степени, что они никогда не были полностью разрушены, даже в суматохе варварского переселения. Вследствие этого уже примитивные феодальные материковые государства, оккупировавшие территорию бывшей Римской империи, прямо или косвенно получали те новые импульсы, которые должны были вывести их за пределы обыкновенного примитивного феодального государства.

ГЛАВА 5

РАЗВИТИЕ

ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Часть А. Происхождение и обоснование земельной собственности

Мы снова вернемся к сказанному выше, к тому моменту, где первобытно-феодалное государство дало начало городскому государству как своему отростку, чтобы проследить за дальнейшим ростом основной ветви. Поскольку судьба города-государства была определена **агломерацией***, той формой богатства**, в зависимости от которого государство держалось на своей орбите, то судьба материкового государства была обусловлена **агломерацией** такого богатства, которое, в свою очередь, контролирует его орбиту, в данном случае — это право владения земельной собственностью.

Ранее мы проследили экономическую дифференциацию в случае племен пастухов и показали, что уже здесь «**закон агломерации**» возле существующих центров богатств начинает доказывать свою эффективность, как только в игру вступают политические средства, будь они в форме войны за добычу или же в форме рабства. Мы видели, что племя различало дворян и простых вольных людей, ниже которых находились рабы, лишенные каких-либо политических прав и подчиняющиеся как низший класс. Такая

* Агломерация — это скопление, накапливание, сосредоточение; в данном случае термин «агломерация» используется в контексте «закона агломерации» — приращения, умножения богатства вместе с увеличением влияния и возрастанием власти обладающей им социальной группы. — *Прим. перев.*

** В случае городского и морского государства, о которых здесь идет речь, — это деньги, торговый и коммерческий капитал. — *Прим. перев.*

дифференциация богатства когда устанавливается в примитивном государстве, то очень резко обостряет контраст социального ранга. Данный факт становится еще более выраженным посредством урегулирования, в результате чего создается частная собственность на землю. Несомненно, существовали даже в то время, когда возникло первобытно-феодалное государство, существенные различия в количестве земель, которыми обладали отдельные лица, особенно если в племени скотоводов было четко отмечено разделение между княжескими владельцами больших стад и множества рабов и бедными простыми людьми. Эти князья занимают больше земли, что делает меньше владения свободных людей.

Во-первых, это происходит довольно безобидно и без следа какого-либо осознания того факта, что расширенное владение землей станет средством значительного увеличения социальной власти и богатства. В этом нет никаких сомнений, так как на этом этапе простые свободные люди были бы достаточно сильны, чтобы предотвратить формирование расширенных земельных владений, если бы они знали, что это в итоге принесет им вред. Но никто не мог предвидеть такую возможность. Земли в том состоянии, в котором мы их наблюдаем, не имеют значения. По этой причине объектом и добычей состязания было не владение землями, а землей с ее крестьянами, причем последние, крепостные, были связаны с землей (*gleboe adscripti* из нашего последнего закона) в качестве рабочего материала и «рабочего мотора», в сочетании которых и из сочетания которых с землей растет объект политических средств, а именно — земельная рента.

В то время каждый волен взять столько необработанной земли, сколько ему нужно, сколько он захочет или сможет возделывать. Маловероятно, что кто-то захочет отмерять себе еще другие, дополнительные части очевидно безграничного запаса, как и то, что кто-то захочет распределять запасы атмосферного воздуха.

Князья знатных кланов, вероятно, с самого начала благодаря использованию племен скотоводов получают

большее количество «земель и крестьян», чем обычные свободные люди. Это их право как князей, потому что они являются патриархами, военными лордами и капитанами, которые поддерживают свои воинственные свиты полусвободных людей, слуг, клиентов или беженцев. Это, вероятно, составляет значительную разницу в количествах первобытной земельной собственности. Но это еще не всё. Князьям еще нужна бóльшая площадь «земли без крестьян», чем обычным свободным людям, потому что они приносят с собой своих слуг и рабов. Однако они (слуги) не имеют правового статуса и не способны, согласно универсальным концепциям народного права, приобрести право собственности на землю. Но, поскольку они должны иметь землю, чтобы жить, их хозяин берет землю для них, чтобы поселить их там. В результате чем богаче князь племени кочевников, тем могущественнее становится территориальный магнат.

Но это означает, что богатство, а вместе с ним и социальный ранг, закрепляются прочнее и долговечнее, чем на стадии пастушьей собственности. Ибо самые большие стада могут быть потеряны, но земельная собственность неистребима; а люди, обязанные трудиться, приносящие ренту, воспроизводят свой род даже после самой страшной резни, даже если они не могут быть полностью восполнены охотой на рабов.

Возле этого фиксированного центра богатства собственность начинает сосредоточиваться и прирастать, **«агломерировать»**, со всевозрастающей скоростью. Как ни безобидно происходила первая оккупация земель, людям вскоре пришлось признать тот факт, что арендная плата увеличивается с ростом числа рабов, которых можно заселить на незанятых землях. Отныне внешняя политика феодалного государства больше не направлена на приобретение земли с крестьянами, а только на то, чтобы крестьян без земли завести домой в качестве крепостных и там их заново колонизировать. Когда целое государство ведет захватническую войну или грабительскую экспедицию, дворяне получают львиную долю.

Очень часто, однако, они уходят сами по себе, сопровождаемые только своей свитой, и тогда простой свободный человек, оставаясь дома, не получает никакой доли в добыче. Таким образом, порочный круг постоянно и стремительно расширяется с увеличением богатства земель, принадлежащих дворянам. Чем больше рабов у дворянина, тем больше арендной платы он может с них получить. С этим, в свою очередь, он может привлечь и поддерживать воинственных приверженцев, состоящих из слуг, наемников, мародеров и беженцев. С их помощью он может, в свою очередь, захватить еще больше рабов, чтобы увеличить свою арендную плату.

Этот процесс происходит даже там, где существует некая центральная власть, которая, в соответствии с общим законом народа, имеет право распоряжаться необработанными землями; при этом во многих случаях это происходит не только по милости, но часто и по прямому разрешению этой власти. Пока феодальный магнат остается покорным вассалом короны, в интересах короля сделать его как можно более сильным. Таким образом, его военная свита, которая будет передана в распоряжение короны во время войны, соответственно увеличивается. Мы приведем здесь только один пример, чтобы показать, что необходимое следствие во всемирной истории не ограничивается хорошо известным эффектом в феодальных государствах Западной Европы, а вытекает из этих предпосылок даже при совершенно различных условиях: «Основная служба на Фиджи состояла в военных действиях; и если результат был успешным, это означало предоставление новых земель, в том числе их жителей в качестве рабов и, таким образом, приводило к принятию новых обязательств»⁹¹.

Это всевозрастающее накопление земельной собственности в руках помещичьего дворянства приводит первобытное феодальное государство к его более высокому уровню, к «законченному феодальному государству» с полной шкалой феодальных рангов.

Ссылка на предыдущую работу автора, основанную на изучении первичных источников, покажет ту же причинно-следственную связь для немецких земель⁹², и в этой публикации было указано, что во всех известных случаях происходит процесс, идентичный в его основных направлениях развития. Только на основании этой линии рассуждений можно объяснить тот факт, на примере Японии, что ее феодальная система развилась в те точные детали, которые хорошо известны исследователям европейской истории, хотя Япония населена расой, принципиально отличной от ариан; кроме того (сильный аргумент против придания слишком большого веса материалистическому взгляду на историю), процесс земледелия в Японии находится на совершенно иной технической основе, поскольку японцы не занимаются культивированием, использующим крупный скот с плугом, а только с мотыгой.

В данном случае, как и во всей этой книге, исследуется не судьба отдельного народа; цель автора в том, чтобы рассказать о типичном развитии, универсальных последствиях одних и тех же основных черт человечества, где бы они ни находились. Предполагая знание двух наиболее великолепных примеров расширенного феодального государства, Западной Европы и Японии, мы в основном ограничимся менее известными случаями и, насколько это возможно, отдадим свое предпочтение материалу, взятому из этнографии, а не из истории, с ее более узким смыслом*.

Процесс, о котором сейчас пойдет речь, — это постепенно происходящее, но в корне революционное изменение политической и социальной артикуляции первобытного феодального государства: когда центральная власть теряет свою политическую власть над помещичьим дворянством, а простой свободный человек теряет

* Здесь автор имеет в виду, что официальная «история» — это история господствующих государств, а не завоеванных и подчиненных народов, и такая «история» не отражает настоящей исторической действительности. — *Прим. перев.*

свой статус, в то время как подчиненный государству «субъект» — возвышается.

Часть Б. Центральная Власть в Примитивном Феодалном Государстве

Патриарх племени скотоводов хотя и наделен властью, которая вытекает из его военного и государственного служения, но обычно не имеет деспотических полномочий. То же самое можно сказать и о «короле» небольшого оседлого сообщества, где, вообще говоря, он может осуществлять очень ограниченное командование. С другой стороны, как только некоторым военным гениям удастся объединить многочисленные племена скотоводов в одну мощную массу воинов, деспотическая централизованная власть становится прямым и неизбежным следствием этого⁹³. Как только начинается война, истину Гомера: «Нет в многовластии блага; да будет единый властитель!»* — признают самые недисциплинированные племена, и это становится фактом, который требует объяснения. Свободные первобытные охотники оказывают своему избранному вождю безоговорочное послушание, находясь на пути войны; свободные казаки Украины, не признавая никакой власти в мирное время, подчиняются власти своего гетмана в вопросах жизни и смерти во время войны. Такое повиновение своему военачальнику является характерной психологической чертой каждого настоящего воина**.

* Этот стих Гомера («Илиада», II. 204—205) повторяли в Греции как лозунг сторонники единовластия или олигархии (см., напр.: *Феофраст. Характеры* / пер. Г. А. Стратановского. Л., 1974. С. 35. XXVI, 2). Перевод на русский и примечание даются по изданию: *Гомер. Илиада*. Л.: Наука, 1990. — *Прим. перев.*

** Подобный момент хорошо описан в «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря: «Ко времени его, Цезаря, прихода туда уже успели собраться бóльшие, чем прежде, силы британцев, предоставивших, по общему решению, верховную власть и высшее командование Кассивеллауну... В прежнее время

Вождями великих миграций кочевников являются все могущественные деспоты: Аттила, Омар, Чингисхан, Тамерлан, Мосиликаце, Кечвайо*. Точно так же мы находим, что всякий раз, когда возникало могущественное материковое государство в результате объединения ряда примитивных феодальных государств, вначале существовала сильная центральная власть. Примеры этого можно увидеть в случаях Саргона Кира, Хлодовака, Карла Великого, Болеслава Красного. Иногда, особенно до тех пор, пока основное государство еще не достигло своих географических или социологических границ, централизованная власть оставалась нетронутой в руках ряда сильных монархов, которые вырождаются в некоторых случаях до безумного деспотизма и безумия некоторых Цезарей: особенно мы находим вопиющие примеры этого в Месопотамии и в Африке. Мы лишь коснемся этого этапа, тем более что он мало влияет на окончательное развитие форм правления. Однако следует отметить, что развитие формы правления деспотизма зависит главным образом от того, каким может быть священный (жреческий) статус правителей, помимо их положения в качестве военачальников, и от того, будут ли они считать монополию на торговлю своим дополнительным королевским правом.

Комбинация Цезаря и Папы (Жреца) имеет тенденцию во всех случаях развивать крайние формы деспотизма; в то время как разделение духовных и светских функций приводит к тому, что их представители взаимно сдерживают и уравнивают друг друга. Характерный пример можно найти в условиях, преобладающих среди малайских государств Восточно-Индийского архипелага, подлинных «морских государств», чье происхождение явля-

у него, Кассивеллауна, были постоянные войны с соседними племенами, но наш приход побудил всех британцев поручить ему верховное руководство войной». — *Прим. перев.*

* *Mosilikatse*, предводитель племени Матабеле в Центральной Африке; *Ketchwayo или Cetewayo* (Кетуэйо) — предводитель племени зулусов. — *Прим. перев.*

ется точным повторением греческого морского государства. Прямо говоря, князь имеет среди них настолько мало власти, насколько, скажем, король в начале истории аттических государств. Вожди кланов (в Сулу — Дато, в Ачине — Панглима), как и в случае с Афинами, обладают реальной властью. Но там, где «как в Тобе, религиозные мотивы наделяют правителей положением папы в миниатюре, обнаруживается совершенно другая картина. Тогда Панглима полностью зависят от Раджи и поголовно являются его служащими»⁹⁴.

Говоря о хорошо известном факте, когда аристократы и вожди кланов в Афинах и Риме упразднили царство, они сохранили формально старый титул и предоставили его в пользование сановнику, в ином случае политически бессильному, для того, чтобы боги могли получать свои жертвоприношения привычным способом и надлежащим образом. По той же самой причине во многих случаях потомок бывшего племенного царя сохраняется как сановник, в других отношениях совершенно не обладающий никакой властью, в то время как фактическая власть правительства уже давно передана какому-то военному предводителю; как и в более поздней империи Меровингов, мэры дворца Каролингов (Мажордома) правили вместе с «долго запертым королем», Рексом Кринитусом (*Rex Crinitus*), из рода Меровечей; так же и в Японии Сегун правил рядом с Микадо, а в Империи инков воевода инков правил рядом со жрецом Уиллкаумой, который постепенно был ограничен только своими жреческими функциями*,⁹⁵.

В дополнение к должности верховного понтифика власть главы государства часто чрезвычайно сильно

* В Египте мы находим подобное положение дел, помимо фанатичного Аменхотепа IV, у Мажордома дворца Харемхеба, которому «удалось объединить в своих руках высшие военные и административные функции империи, пока он осуществлял свои полномочия регента государства» (Schneider, *Civilization and Thought of the Ancient Egyptians*. Leipzig, 1907, p. 22). — Прим. авт.

увеличивается торговой монополией, функцией, которую выполняют первобытные вожди как естественное следствие мирного обмена гостевыми дарами. Такая торговая монополия, например, осуществлялась царем Соломоном, а позже римским императором Фридрихом II*,⁹⁶.

Как правило, негритянские вожди являются «монополистами торговли»⁹⁷, как и король Сулу⁹⁸. В Галле, где признается верховенство главного вождя, он становится «самой собой разумеющимся торговцем для своего племени; поскольку ни одному из его подданных не позволено торговать с чужеземцами напрямую»⁹⁹. Среди Бароцзе и Мабунды царь «в соответствии со строгим толкованием закона является единственным торговцем своей страны»¹⁰⁰.

Ратцель отмечает важность этого фактора: «В дополнение к своему колдовству вождь увеличивает свою власть за счет монополии на торговлю. Поскольку вождь — единственный посредник в торговле, то всё, желаемое его подданными, проходит через его руки, и он становится дарителем всех желанных даров, исполнителем самых заветных желаний. В такой системе, безусловно, кроются возможности великой власти»¹⁰¹. Если в завоеванных областях, где власть правительства может быть трудно выполнимой, будет еще добавлена монополия на торговлю, то королевская власть здесь может стать очень сильной.

Можно утверждать в качестве общего правила, что даже в самых, казалось бы, явно крайних случаях деспотизма не существует монархического абсолютизма. Правитель может, не боясь понести наказание, гневаться на свой класс подданных; но он в немалой степени сдерживается своими феодалными сторонниками. Ратцель, говоря о предмете в целом, отмечает: «Так называемое “придворное собрание” африканских или древнеамериканских вождей, вероятно, всегда является советом.... **Хотя мы встречаемся со следами абсолютизма у всех народов на низком уровне,**

* Ср.: *Acta Imperii, or Huillard-Breholles*, H. D. Fred. II. — *Прим. амер. перев.*

даже в тех случаях, когда форма правления является республиканской, причина абсолютизма заключается не в силе государства или вождя, а в моральной слабости индивида, который уступает без какого-либо эффективного сопротивления властям, которые властвуют над ним»¹⁰².

Королевство Зулу — это ограниченный деспотизм, в котором власть разделяют очень могущественные министры государства (Индуна); с другими племенами кафиров — это совет, иногда доминирующий над людьми и над вождями¹⁰³. Несмотря на такой контроль, «при Чаке каждое чихание или кашель в присутствии тирана, а также всякое отсутствие слез при смерти какого-то королевского родственника карались смертью»¹⁰⁴. Такое же ограничение распространяется на западноафриканские королевства Дахоми и Ашанти, печально известные своими ужасными варварствами. «Несмотря на растрату человеческой жизни во время войны, работоторговли и человеческих жертвоприношений, нигде не существовало абсолютного деспотизма...» Боудич отмечает сходство системы, господствующей в Ашанти, с ее рангами и порядками, со старой персидской системой, описанной Геродотом¹⁰⁵.

Надо быть очень осторожным, и на этом нужно снова настаивать, чтобы не путать деспотизм с абсолютизмом. **Даже в феодальных государствах Западной Европы правители во многих случаях пользовались властью жизни и смерти, свободной от оков закона; но тем не менее такой правитель был бессильным против своих «магнатов». Пока правитель не вмешивается в привилегии классов, ему не нужно сдерживать свою жестокость, и он может даже иногда жертвовать одним из великих людей; но горе ему, если он осмелится коснуться экономических привилегий своих магнатов.** В великих Восточно-Африканских империях можно исследовать этот весьма характерный этап, совершенно свободный с точки зрения закона и тем не менее тесно связанный политическими ограничениями: «Правительство Ваганды и Ваньоро теоретически основано на господстве царя над всей территорией; но в действительности это

всего лишь видимость правления, поскольку на самом деле земли принадлежат верховным вождям империи. **Именно они представляли народную оппозицию иностранным влияниям во времена Мтеса; и Муанга не смел, из-за страха перед ними, проводить какие-либо нововведения. Хотя царствование в действительности ограничено, по форме оно производит сильное впечатление в занимаемом положении. Правитель является абсолютным хозяином над жизнями и головами своих подданных, массой людей и чувствует себя ограниченным только в самом узком кругу верховных царедворцев»¹⁰⁶.**

То же утверждение относится и к жителям Океании, говоря о последних великих обществах, которые создали государства: «Нигде нельзя найти полного отсутствия представительного посредничества между князем и народом... Аристократический принцип контролирует и корректирует патриархальный. Поэтому крайности деспотизма зависят больше от классового и кастового давления, чем от подчиняющей воли любого индивида»¹⁰⁷.

Часть В. Политическая и социальная дезинтеграция Примитивного Феодалного Государства

Объем работы не позволяет нам детализировать бесчисленные оттенки, при которых патриархально-аристократическая (в некоторых случаях плутократическая) смесь форм правления в первобытном феодалном государстве показана в этнографическом, историческом или юридическом исследованиях. Но это также имеет огромное значение для последующего развития.

Безразлично, сколько власти мог иметь правитель в начале, неизбежная судьба разрушает его власть за короткое время; и делает это, можно сказать, тем быстрее, чем больше была эта власть, т.е. чем больше территория первобытного феодалного государства и чем выше уровень его развития.

Принимая во внимание уже рассмотренный процесс, который, путем оккупации и заселения неиспользуемых

земель с помощью вновь приобретенных рабов, способствовал увеличению власти отдельных дворян, был достигнут результат, который может оказаться неудобным для центральной власти. Теодор Момзен, говоря о кельтах, замечает: «Когда в клане, насчитывающем около восьмидесяти тысяч вооруженных людей, один из вождей может появиться на созыве с десятью тысячами последователей, исключая его крепостных и должников, становится ясно, что такой дворянин был скорее независимым князем, чем простым гражданином своего клана»¹⁰⁸. И то же самое может относиться к племени «Хэйу» из Сомали, где великий землевладелец содержал сотни семей в зависимости от своих земель, «так что условия в стране Сомали напоминают те, которые существовали в Средневековой Европе во времена феодализма»¹⁰⁹.

Хотя такое преобладание изолированных территориальных магнатов может произойти и в феодальном государстве низкого развития, оно тем не менее достигает кульминации в феодальном государстве более высокого уровня, высшем феодальном государстве; это происходит по причине увеличения власти, данной военачальникам благодаря предоставлению им еще государственных должностных функций.

Чем больше расширяется государство, тем больше официальной власти должно быть делегировано от центрального правительства его представителям на границах и приграничных территориях, которым постоянно угрожают войны и восстания. Для того чтобы сохранить свой бейливик* в безопасности для государства, такой чиновник должен быть наделен высшими военными полномочиями, объединенными с функциями высших административных должностных лиц. Даже если ему не требуется большого количества гражданских служащих, он все равно должен иметь постоянную военную силу. И как он должен платить этим людям? За одним возможным исключением, которое будет отмечено ниже, нет никаких налогов, которые по-

* Вотчину, зону ответственности. — *Прим. перев.*

ступают в казну центрального правительства, а затем снова возвращаются на землю, поскольку они предполагают экономическое развитие, существующее только там, где используются деньги. Но в сообществах, имеющих систему платежей в натуральной форме, которыми являются все «материковые государства», нет никаких налогов, подлежащих выплате деньгами. По этой причине у центрального правительства нет иного выбора, кроме как передать князьям, пограничникам или сатрапам доход от своей территориальной юрисдикции.

Таким образом, такое должностное лицо получает пошлины от подданных, определяет, когда и где должен быть выполнен принудительный труд, получает деоданды (конфискат), штрафы и сборы, подлежащие уплате за крупный рогатый скот, и т.д.; и с учетом всего этого они должны поддерживать вооруженные силы, предоставлять определенное количество вооруженных людей в распоряжение центрального правительства, строить и поддерживать дороги и мосты, кормить и содержать правителя и его сторонников или его «царских посланников» и, наконец, обеспечивать определенное «*Sergeantry*»*, состоящее из очень ценных товаров, легко перевозимых ко двору: лошади, крупный рогатый скот, рабы, драгоценные металлы, меха, вина и т.д. Другими словами, он получает за свои услуги огромное поместье. Если раньше это было невозможно, то теперь он становится величайшим человеком в своей стране, хотя раньше он, вероятно, был самым влиятельным землевладельцем в своем государственном округе. В дальнейшем он будет делать именно то, что делают его ровесники по рангу, хотя они могут не иметь его официального положения; т.е. он будет, только в гораздо большем масштабе, продолжать заселять новые земли все

* *Serjeantry, serjeanty*, или сержантство, — в европейском феодалном обществе форма землевладения, предоставляемая в обмен на выполнение определенных услуг для лорда. — *Прим. перев.*

новыми захваченными рабами. Этим он увеличивает свою военную мощь; и это должно желать и поддерживать центральное правительство. Ибо судьба этих феодальных государств состоит в том, что они должны откормить эти самые местные силы, которые затем должны поглотить их.

Возникают условия, которые позволяют начальнику пограничных областей навязывать условия своей военной помощи, особенно в неизбежных распрях, возникающих из-за права наследования центрального правительства. Тем самым он получает дополнительные ценные уступки, особенно официальное признание наследуемости своего официального феода, так что должность и земли становятся одним владением. Таким образом, он постепенно становится почти независимым от центральной власти, и жалоба русского крестьянина: «Небо высоко, и царь далеко» — имеет тенденцию становиться универсальной.

Возьмем такой характерный пример из Африки: «Империя Лунда — это абсолютное феодальное государство. Вождям (Муата, Мона, Муене) разрешено самостоятельно действовать во всех внутренних делах до тех пор, пока это нравится Муата Джамво. Обычно великие вожди, живя вдалеке, один раз в год отправляют свои караваны с данью в Муссумбу, но те, кто живут на слишком большом расстоянии, иногда в течение длительных периодов времени не платят никакой дани, в то время как подобные вожди отправляют дань несколько раз в год»¹¹⁰.

Ничто не может показать более ясно, чем данный пример, как из-за неадекватности средств транспортировки протяженность расстояния становится политически значимой в этих государствах, свободно связанных друг с другом и находящихся в состоянии платежа в натуральной форме. Можно даже сказать, что независимость феодальных хозяев возрастает прямо пропорционально квадрату их расстояния от места расположения центральной власти. Корона должна платить все больше и больше за их услуги и должна постепенно утвердить их во всех суверенных полномочиях государства или же позволить им узурпировать

эти полномочия после того, как они захватили их один за другим. К ним относятся наследуемость феодальных владений, пошлины на перевозку и торговлю (на более позднем этапе право чеканки монет), высшее и низшее правосудие*, право требовать для частной выгоды общественные обязанности по ремонту дорог и мостов (на старом английском *trinodis necessitas*) и распоряжение военной службой и военной повинностью.

Таким образом, могущественные пограничные надзиратели постепенно обретают все большую и, наконец, полную фактическую независимость, хотя формальная связь феодального сюзеренитета может долгое время удерживать вместе вновь образованные княжества.

Читатель, конечно же, вспоминает случаи этих типичных переходов; вся средневековая история — одна из них; не только империи Меровингов и Каролингов, не только Германия, но также Франция, Италия, Испания, Польша, Богемия, Венгрия, а также Япония и Китай¹¹¹ прошли через этот процесс разложения не только один раз, но и неоднократно. И это не менее верно в отношении феодальных государств Месопотамии: великие империи следуют друг за другом, приобретают власть, раз за разом распадаются и снова объединяются. В случае с Персией нам прямо говорят: «Отдельные государства и провинции в результате успешного восстания получили свободу на более или менее продолжительный срок, и их “великий царь” в Сузах не всегда имел власть заставить их вернуться к повиновению; в других государствах сатрапы или воинственные вожди правили самовольно, осуществляя свое правление насильственно и вероломно либо как независимые правители, либо как обремененные царской данью цари царей. Персидская мировая империя, существовавшая в виде агломерации государств и земель, пошла на распад, без какого-либо общего права, без упорядоченного управления,

* В старом европейском законодательстве правосудие крупных и мелких правонарушений. — *Прим. перев.*

без единой судебной системы, без порядка и исполнения законов, а также без всякой возможности удержаться»¹¹².

Похожая судьба постигла и ее соседа в долине Нила: «Князья, происходящие из семей узурпаторов, свободных военачальников, которые платят земельные налоги только королю и управляют отведенными полосами или участками земли. Эти местечковые князья управляют территорией, специально выделенной им как относящейся к их официальному положению и отделенной от их семейных, зависимых от короля владений».

«Более поздние успешные военные действия, возможно, заполнившие пропасть между Древней и Средней (Египетской) империей, вместе с захватом военнопленных, которые могли быть использованы в качестве «рабочих моторов», привели к более жесткой эксплуатации подданных, безусловной зависимости от дани. **Во времена Средней Империи власть князей кланов возросла до огромной высоты, они поддерживали большие дворы, имитируя величие королевского истеблишмента»¹¹³. «С упадком королевской власти в период распада высшие должностные лица используют свою власть в личных целях и чтобы сделать свои должности наследуемыми в своих семьях»*,¹¹⁴.**

* Масперо пишет: «До тех пор когда фактически первосвященник был избран и назначен царем; со времен Рамсеса III он всегда выбирался из одной и той же семьи, и сын сменял отца на папском престоле, и с того времени события развивались быстро. Фивский «mortmain» (неотчуждаемое владение, постоянное неотъемлемое владение недвижимостью; например, церковному учреждению запрещается передавать или продавать свою собственность. — *Перев.*) был удвоен настоящим сеньорским феодальным владением, который его хозяева увеличивали за счет браков с наследниками соседних феодальных владений путем постоянных завещаний от одной ветви семейства к другой и путем размещения воспитанников от каждого поколения во главе духовенства некоторых второстепенных городов. Официальный протокол должностей, занимаемых их женами, показывает, что через столетие или полтора после Рамсеса III почти вся Фиваида, около трети египетской

Но действие этого исторического закона не ограничивается «историческими» народами. Говоря о феодальных государствах Индии, Ратцель утверждает: «Даже за пределами Раджистана дворяне часто пользовались большой степенью независимости, поэтому даже в Хайдерабаде, после того как Низам приобрел единоличное господство над страной, Умары или Набобы сохраняли свои собственные войска, независимые от армии Низама. Эти меньшие феодальные вассалы не соответствовали возросшим требованиям современности в отношении управления индийскими государствами так же часто, как это делали великие князья»¹¹⁵.

Наконец, в Африке великие феодальные государства появляются и исчезают одно за другим, словно возникающие и лопающиеся пузырьки, исходящие из потока вечно подобных явлений. Могущественная империя Ашанти в течение полутора столетий сократилась до менее чем одной пятой своей территории¹¹⁶; и многие из империй, с которыми столкнулись португальцы, с тех пор исчезли, не оставив и следа своего существования. И всё же это были сильные феодальные державы: «Величественные и жестокие негритянские империи, такие как Бенин, Дагомея или Ашанти, во многих отношениях напоминают древние Перу или Мексику, имеющие в своих окрестностях политически дезорганизованные племена. Наследственное дворянство Мфума, резко отделенное от остальной части государства, имело главным образом управление округами и, совместно с более переходящей обслуживающей знатью, образовывало в Лоанго крепкие опоры правителя и его двора»¹¹⁷.

Но всякий раз, когда такое государство, некогда могущественное, раскалывается на ряд материковых государств, либо де-факто, либо юридически независимых, первый процесс начинается заново. Великое государство пожирает меньшие, пока не возникнет новая империя. «Величай-

территории, находилась в руках первосвященника Амона и членов его семьи» (Maspero, *New Light on Ancient Egypt*, pp. 218—219). — Прим. амер. перев.

шие территориальные магнаты впоследствии становятся императорами», — лаконично говорит Мейтцен о Германии¹¹⁸. Но даже такое великое поле деятельности исчезает, разделенное необходимостью оснащения воинственных вассалов феодальными владениями. «Вскоре короли обнаружили, что они пожертвовали всё, принадлежащее им; все их огромные территориальные владения в Дельте растаяли», — пишет Шнайдер (I. с. р. 38) о фараонах шестой династии. Те же самые причины вызвали схожие последствия во Франкской империи как среди Меровингов, так и среди Каролингов; и позднее в Германии в случае Саксонских и Гогенштауфенских императоров¹¹⁹. Дополнительные сноски здесь не нужны, так как каждый знаком с этими примерами.

В следующей части данного трактата мы рассмотрим главные причины, которые окончательно освободили первобытное феодальное государство от этого проклятия, его бесконечного вращения от агломерации к распаду. Теперь наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть социальную сторону этого процесса, как мы уже рассматривали его историческую фазу. Она самым решительным образом изменяет артикуляцию классов.

Простые свободные люди и низшие слои из господствующей группы поражаются превосходящей силой. Они погружаются в рабство. Их распад неминуемо происходит вместе с распадом центральной власти; поскольку и те и другие, можно так сказать, заложники одной беды, одновременно подвергаются угрозе со стороны разрастающейся власти великих территориальных правителей. Король контролирует земельного магната до тех пор, пока призыв простых свободных людей в регионе является превосходящей силой для его охраны, для его «последователей». Но роковая необходимость, уже изложенная выше, побуждает короля отдавать больше свободных крестьян земельному магнату, и с того момента, когда призыв на службу становится слабее, чем его охранники, свобода крестьян пропадает.

В тех случаях, когда суверенные полномочия государства делегируются территориальному магнату, т.е. когда он более

или менее превращается в независимого правителя региона, низвержение свобод крестьян, по меньшей мере, осуществляется под видом закона: путем принуждения к чрезмерным военным услугам, которые разоряют крестьян и которые требуются тем чаще, чем больше династические интересы территориального правителя требуют новых земель и новых крестьян; или путем злоупотребления правом на принудительный каторжный труд; или путем превращения отправления общественного правосудия в военное угнетение.

Простые свободные люди, однако, получают окончательный удар либо от формального делегирования, либо от узурпации важнейшей привилегии короля: отчуждения незанятых земель, или «всеобщего достояния». Первоначально эта земля принадлежала всему «народу» совместно; т.е. свободным людям для свободного общего пользования; но, в соответствии с первоначальным обычаем, вероятно всеобщим, патриарх может пользоваться этой землей. Это право распоряжения переходит и к территориальному магнату с оставшимися королевскими привилегиями, — и, таким образом, он получает власть задушить любых немногих оставшихся свободных людей. Теперь он объявляет все незанятые земли своей собственностью и запрещает их заселение свободными крестьянами, в то время как доступ разрешается только тем, кто признает его превосходительство; т.е. тем, кто вверит ему себя во служение или станет его крепостными.

Это был последний гвоздь в гроб простых свободных людей. До этих пор равенство их владений было каким-то образом гарантировано. Даже если у крестьянина было двенадцать сыновей, его поместье не было разделено, потому что одиннадцать из них распахивали себе новые «семейные наделы» земли, доступной в распоряжении общины или из общественной земли, еще не распределенной по другим деревням*.

* То есть при росте семей или поместий до запрета на присвоение свободных земель земельные владения у простых

Отныне это невозможно, «семейные наделы» имеют тенденцию разделяться там, где вырастают большие семьи, другие объединяются, когда наследник и наследница вступают в союз: отныне появляются «рабочие», набираемые из владельцев половины, четверти или даже восьмой части «семейного надела», которые теперь помогают работать на большей площади. Таким образом, свободное крестьянство распадается на богатых и бедных; это начинает ослаблять общинные узы, которые до этих пор делали общинную связь нерушимой.

Поэтому теперь, когда какой-нибудь товарищ, подавленный поборами господина, становится его вассалом, или если крепостные крестьяне поселяются среди первоначальных хозяев, чтобы занять какой-то их семейный надел, освобожденный по причине вымирания семьи или попавший в руки господина из-за долга ее владельца, тогда всякое общественное единство ослабляется; и крестьянство, разделенное классовыми и экономическими контрастами, передается без всякого сопротивления магнату.

С другой стороны, такой же результат, когда у магната нет узурпированных властных полномочий государства. В таких случаях неприкрытая сила и циничное нарушение прав преследуют те же цели. Правитель же, далекий и бессильный, скованный зависимостью от благоволения и содействия этих нарушителей правопорядка, не имеет здесь никакой власти, ни возможности для вмешательства.

В данном случае вряд ли нужно приводить примеры. Свободное крестьянство Германии подвергалось процессам экспроприации и деклассирования не менее трех раз. Однажды это случилось в кельтские времена¹²⁰. Второе свержение свободных крестьян старой германской империи произошло в девятом и десятом веках. Третья трагедия

свободных людей умножались; но после запрета на присвоение свободных земель земельные владения простых свободных людей стали дробиться и уменьшаться, а люди стали нищать. — *Прим. перев.*

того же вида началась в XV веке в странах, ранее славянских, которые они завоевали и колонизировали¹²¹. Хуже обстояли дела у крестьян в таких землях, как «дворянские республики», где не было монархической центральной власти, общность интересов которой со своими подданными имела тенденцию лишать угнетение его самых худших черт. Кельты в Галлии во времена Цезаря — один из самых ранних примеров. Здесь «великие семьи» пользовались экономическим, военным и политическим перевесом. Они монополизировали аренду доходных прав государства.

Они заставляли простых свободных людей, перегруженных налогами, которые они сами же на них наложили, занимать у них в долг, а затем, сначала как их должников, а затем, на законных основаниях, как их крепостных, отказываться от своей свободы. В своих собственных интересах они разработали систему последователей, т.е. привилегию дворян иметь при себе массу вооруженных слуг, называемых амбактами, при помощи которых они образовали государство внутри государства. Опираясь на них, своих собственных вооруженных людей, они бросили вызов законным властям и пошлинам свободных людей и, таким образом, смогли расколоть государство. Единственная защита, которая была найдена в этом случае, была в зависимости от крепостного права, где личный долг и интерес требовали от лорда защищать своих клиентов и отомстить за любое зло его людям. Поскольку у государства больше не было власти защищать свободных людей, они все чаще становились вассалами какого-нибудь могущественного дворянина¹²².

Мы находим эти идентичные условия спустя полторы тысячи лет в Курляндии, Ливонии, в шведской Померании, в Восточном Гольштейне, в Мекленбурге и особенно в Польше. На германских землях мелкая знать поработщала свое крестьянство, а в Польше добычей ее был прежде свободный и благородный Шлахциз. «Всеобщая история однообразна», — говорит Ратцель. Таким же образом было свергнуто крестьянство Древнего Египта: «После воин-

ственного интермеццо наступает период в истории Средней империи, который приводит к ухудшению положения крестьянства в Нижнем Египте. Число землевладельцев уменьшается, а размер их территорий и власть намного возрастают. Дань крестьян в дальнейшем определяется точной оценкой их состояния и обязательно фиксируется в Книге Судного Дня. В результате такого давления многие крестьяне вскоре попадают во двор господина или в города местных правителей и нанимаются там на работу либо в качестве слуг, механиков, либо даже в качестве смотрителей при хозяйствах этих усадеб или дворов. В совокупности со всеми доступными пленниками они способствуют расширению княжеских владений и дальнейшему повсеместному изгнанию крестьянства из своих владений»¹²³.

Пример Римской империи, как ничто иное, показывает, насколько неизбежным становится этот процесс. Когда мы впервые встречаемся с Римом в истории, понятие крепостного права или рабства уже забыто. Когда открывается «современный период» Рима, известно только рабство. И еще в течение пятнадцати веков свободное крестьянство опять погружается в экономическую зависимость, после того как Рим превратился в чрезмерно обширную, громоздкую империю, пограничные районы которой все больше и больше распадаются из-под центрального контроля. Крупные землевладельцы, наделенные низшим правосудием и полицейским управлением в своих собственных владениях, «низвели своих слуг, которые изначально могли быть свободными владельцами «*Ager privatus vectigalis*» («поле частных доходов» в римском праве), до состояния рабства и, таким образом, разработали что-то вроде настоящего «*adscriptus glebae*» («прикрепление к земле» в римском праве), в пределах своих «иммунитетов»¹²⁴. **Вторгшись во владения Римской империи германцы обнаружили, что такой феодальный порядок сложился в Галлии и других провинциях. Именно в это время огромное различие, существовавшее раньше между рабами и свободными поселенцами (колонами), было полностью уничтожено, сначала в их**

экономическом положении, а затем, что естественно, и в их конституционных правах.

Повсеместно, где простые свободные люди попадают в политическую и экономическую зависимость от крупных территориальных магнатов, когда, другими словами, они становятся привязанными либо ко двору, либо к земле, социальная группа, ранее подчинявшаяся им, стремится в соответственной мере улучшить свой статус. Оба слоя имеют тенденцию встречаться на полпути, приближаться к своему положению и, наконец, объединяться. Наблюдения, только что сделанные относительно свободных поселенцев и сельскохозяйственных рабов поздней Римской империи, справедливы повсюду. Таким образом, в Германии свободные и крепостные вместе образовали, когда они сливались, экономически и юридически объединенную группу *Grundholde* (крепостных крестьян) или людей, прикрепленных к земле¹²⁵.

Возвышение бывших «подданных», далее для краткости именуемых «плебеями», происходит из того же источника, из которого происходит и унижение свободного человека, и возникает из той же неизбежности и из тех же оснований, на которых эти самые государства возводятся, а именно из «агломерации», из сосредоточения все большей земельной собственности во все меньшем количестве рук.

Плебеи — естественные противники центрального правительства, поскольку оно является их завоевателем и налоговым инспектором; в то же время они, естественно, выступают против простых свободных людей, которые презирают их и угнетают их политически, а также вытесняют их экономически. Крупный магнат также естественный противник центрального правительства, — препятствие на пути к его полной независимости, и в то же время он также естественный враг простых свободных людей, которые, в свою очередь, не только поддерживают центральное правительство, но они своими владениями блокируют магнату его путь к территориальному господству, в то же время своими претензиями на равенство политиче-

ских прав они ущемляют и раздражают его княжеское величие. Поскольку политические и социальные интересы наместных князей и плебеев совпадают, они должны стать союзниками; князь может достичь полной независимости только в том случае, если в его борьбе за власть против короля и против простых свободных людей он контролирует верных воинов и податливых налогоплательщиков; поэтому плебеи могут быть освобождены от своей принадлежности к отверженным изгоям только в том случае, как в экономическом, так и в социальном плане, если ненавидимые ими и гордые простые свободные люди будут низведены до их низкого уровня.

Это уже второй раз, когда мы отмечаем идентичность интересов между князьями и их подданными. В первый раз мы обнаружили слаборазвитую солидарность интересов завоеванных и завоевателей на втором этапе становления государства. **Это заставляет полусуверенного князя относиться к своим зависимым арендаторам настолько же хорошо, насколько плохо он обращается со свободными крестьянами на своей территории; вследствие этого его подчиненные будут тем охотнее бороться за него и вносить налоги, чем охотнее угнетаемые свободные люди будут поддаваться его давлению, особенно когда их доля политической власти в государстве, следующая за упадком центральной власти, становится лишь пустым звуком.** В некоторых случаях, как, например, в Германии к концу X века, это было сделано с полным осознанием всех последствий¹²⁶, — некоторые князья осуществляли особенно «мягкое» правление, чтобы привлечь подданных соседнего властителя в свои земли и таким образом увеличить свою собственную силу в войне и сборе налогов, а также ослабить своего противника.

Плебеи здесь начинают приобретать как юридически, так и фактически постоянно растущие права, различные привилегии права собственности, возможно, самоуправление в общих делах и свое собственное отправление правосудия; таким образом, они поднимаются в такой же степени, в какой опускаются обычные свободные люди, пока

эти два класса не встречаются и не сливаются в одну массу, приблизительно на одном юридическом и экономическом уровне. **Наполовину крепостные лэндлордов, наполовину подданные государства, они представляют собой характерное явление феодального государства, которое еще не признает никакого четкого различия между публичным и частным правом, которое, в свою очередь, является прямым следствием своего собственного исторического развития — господства в форме государства с целью присвоения выгод частных экономических прав.**

Часть Г. Этническое смешение и объединение народов

Правовое и социальное объединение деградировавших свободных людей и возвышенных плебеев отныне неизбежно ведет к этническому взаимопроникновению. Если вначале поверженным народам не разрешалось вступать в браки или иметь социальные связи со свободными людьми, то в настоящее время такие препятствия уже не сохраняются; в любой отдельно взятой деревне социальный класс определяется уже не происхождением от господствующей расы, а скорее своим богатством. И часто может возникнуть такая ситуация, когда чистокровный потомок воина-скотовода должен зарабатывать себе на жизнь в качестве полевого работника, нанятого на работу столь же чистокровному потомку бывших крестьян-крепостных. Социальная группа подчиненных в настоящее время сформирована из части бывшей этнической властвующей группы и части бывшей подвластной группы.

Мы говорим, что сформирована только из части, потому что другая ее часть к этому времени была объединена с другой частью старой этнической властвующей группы в единый социальный класс. Другими словами, часть плебеев не только достигла того положения, до которого опустилась масса простых свободных людей, но и поднялась далеко за его пределы, поскольку она была полностью при-

нята в господствующую группу, которая тем временем не только значительно возросла, но и значительно сократилась в численности.

И это тоже универсальный процесс, встречающийся во всей истории; потому что везде он с одинаково непреодолимой силой вытекает из самих предпосылок феодального господства. «*Primus inter pares*» (первый среди равных), будь то обладатель центральной власти или какой-нибудь местный властитель, принимая титул князя, требует более гибких инструментов для своего господства, чем можно найти среди своих «сослуживцев». Последние представляют собой класс, который он должен подавить, если ему хочется подняться, — и это есть и должно быть целью каждого, поскольку на данном этапе стремление к власти равнозначно цели самосохранения.

В этом стремлении ему противостоят его несносные и упрямые двоюродные братья и его мелкие дворяне, — и по этой причине мы находим при каждом дворе, от двора суверенного короля могущественной феодальной империи до владельца того, что едва ли больше, чем крупное поместье, до людей незначительного происхождения в качестве доверенных чиновников, наряду с представителями господствующей группы, которые во многих случаях под маской чиновников князя, по сути, являются «эфорами», разделяющими власть князя как полномочные представители своей группы. Давайте вспомним про принца Индуну при дворе царей Банту. Поэтому нет ничего удивительного в том, что принц имеет полное доверие к своим, принадлежащим ему людям, чем к этим досаждающим и амбициозным дворцовым советникам, к людям, чье положение неразрывно связано и зависит от его собственного и которое будет разрушено с его падением*.

* Один из наиболее примечательных примеров можно найти в случае Маркварда Аннвайлера, маркиза Анконы и герцога Равенны, сенешала Генриха VI, который, после смерти императора Генриха VI, оспаривал власть регентши

Здесь исторические ссылки почти излишни. Всем известно, что при дворах западноевропейских феодальных королевств помимо родственников короля и некоторых благородных вассалов находились также элементы из низших групп, занимающие высокие посты, например священнослужители и великие воины плебейского сословия. Среди ближайших последователей Карла Великого, как известно, были представлены все расы и народы его империи. В сказаниях о Теодорихе Готе в саге Дитриха о Нибелунгах также находит отражение подъем храбрых сыновей подчиненных рас. В дополнение к этому следует добавить несколько менее известных примеров.

В Египте, еще в Старой Империи, наряду с царскими чиновниками феодальной знати, являющимися потомками скотоводов-завоевателей, управляющих своими округами как представители короны, как представители с неограниченной властью, была «масса дворцовых чиновников, с вверенными им определенными функциями правительства». Все они «возникли из слуг, нанятых при дворах князей, таких как военнопленные, беженцы и прочие»¹²⁷.

Басня об Иосифе показывает положение дел, известное в то время как обычное явление, когда раб поднялся до положения всесильного государственного министра. В настоящее время такая карьера возможна при любом восточном дворе, например в Персии, Турции или Марокко и т.д. В случае старого маршала Георга Дерфлингера* во времена Фридриха Вильгельма I, великого Курфюрста Бранденбурга, и в более позднее время мы имеем пример перехода развитого феодального государства в более современную форму государства, мощь которого была умножена на бесчисленные примеры других храбрых воинов.

Констанции, действующей от имени ее сына, Фридриха II. См.: Voehmer-Ficker, *Regesta Imperii*, V, vol. I, No. 511. v. ad. annum 1197). — *Прим. амер. перев.*

* Родился в деревушке в Верхней Австрии в семье бедных протестантов, начал службу простым рейтаром и дослужился до маршала кавалерии. — *Прим. перев.*

Добавим еще немного примеров от народов, «игнорируемых историей». Ратцель рассказывает о царстве Борну: «Свободные люди не потеряли осознания своего свободного происхождения, в отличие от рабов шейха; но правители больше доверяют своим рабам, чем своим родственникам и свободным соплеменникам. Они могут рассчитывать на преданность первых. И не только посты при дворе, но и защиту страны с древних времен предпочитали доверять рабам. Братья принца, а также более амбициозные или более эффективные сыновья являются объектами подозрений; в то время как самые важные места при дворе находятся в руках рабов, князей же ставят на посты, далекие от места нахождения правительства. Их жалованье выплачивается из доходов их должностей и налогов с провинций»¹²⁸.

Среди племени Фульбе «общество делится на князей, вождей, простой народ и рабов. Рабы короля играют огромную роль в качестве солдат и чиновников и могут надеяться на высшие должности в государстве»¹²⁹.

Это плебейское дворянство, порожденное царским двором, может, в некоторых случаях, быть допущено до великих имперских должностей, так что в соответствии с методом, указанным выше, оно может добиваться суверенитета над вверенной ему территорией. В развитом феодальном государстве оно представляет собой уже высшее дворянство; и ему обычно удается сохранить свое звание и свои привилегии, даже в том случае, когда какой-нибудь более могущественный сосед поглотит его государство посредством медиатизации*.

* Медиатизация — процесс утраты правителем непосредственной, *immediat*, подчиненности верховной власти короля; в общем смысле означает подчинение одной монархии другой монархии таким образом, что правитель подчиненного «опосредованного» государства сохраняет свой суверенный титул, а иногда и права местной власти.

Немецкая медиатизация была главной территориальной перестройкой, которая произошла между 1802 и 1814 г. в Германии посредством массовой медиатизации и секуляризации

Франкское высшее дворянство, безусловно, содержит в себе элементы из подчиненной нижней группы¹³⁰; и, поскольку от его крови произошло все высшее дворянство европейских цивилизованных государств, по крайней мере по прямой линии от брака, мы обнаруживаем здесь этническое слияние, как в современной группе подданных, так и в высшем сословии господствующего класса. То же самое относится и к Египту: «С падением царской власти во время распада высшие должностные лица злоупотребляют своей властью в личных целях, чтобы сделать свои должности наследственными в своих семьях и, таким образом, создать официальное дворянство, ничем не отличающееся от основной массы населения»¹³¹.

И наконец, такой же процесс, по тем же причинам распространяется и на нынешний средний класс, и низший слой правящего класса, чиновников и служащих великих феодальных вассалов. На первых порах все еще существует социальная разница между, с одной стороны, свободными вассалами, феодальными вассалами главного помещика, родственниками, младшими сыновьями других дворянских семей, обнищавшими сподвижниками того же округа, в редких случаях — вольнорожденными сыновьями крестьян, свободными беженцами и профессиональными головорезами свободного происхождения; и с другой стороны, прямо говоря, подчиненными гвардейцами, выходцами из плебеев.

большого числа имперских сословий. Большинство церковных княжеств, свободных имперских городов, светских княжеств и других мелких самоуправляющихся образований Священной Римской империи утратили свой независимый статус и были поглощены оставшимися государствами. К концу процесса медиатизации число немецких государств было сокращено с почти 300 до всего лишь 39. В строгом смысле этого слова медиатизация заключается в подчинении непосредственного (*unmittelbar*) государства другому государству, таким образом становясь опосредованным (*mittelbar*), в то же время, как правило, оставляя лишеного власти правителя со своими частными владениями и с рядом привилегий, в том числе правами феодала, такими как низшее правосудие. — *Прим. перев.*)

Но недостаток свободы продолжает прогрессировать, одновременно свобода теряет свою социальную значимость; и здесь правитель все более полагается на своих подчиненных плебеев, чем на равных себе или свободных людей. И на этом процесс слияния рано или поздно завершается. В Германии, еще в 1085 году, несвободное плебейское дворянство при дворце правителя занимает место с *servi et litones* (рабы и крепостные), а всего столетие спустя оно уже находится с *liberi et nobiles* (свободные и дворяне)¹³².

В течение тринадцатого века плебейское дворянство было полностью поглощено, вместе со свободными вассалами, рыцарским дворянством. Оба сословия, тем временем, и свободные, и плебейские дворяне имеют тенденцию становиться равными экономически; у обоих есть субинфеодации, феодальные поместья за обязательства службы при войне и междоусобной вражде; в то время как все владения «министров» или сержантов тем временем становятся такими же наследуемыми, как и владения свободных вассалов, так же как и наследные поместья немногих уцелевших мелких земельных лордов, принадлежащих еще к первоначальной знати, которые смогли пока избежать хищной хватки великих земельных княжеств.

Во всех других феодальных государствах Западной Европы развитие шло совершенно аналогично, в то же время его точный аналог находится на Дальнем Востоке, на краю Евразийского континента, в Японии. Даймио — это высшее, правящее дворянство; самурай — это рыцарство, служащее дворянство.

Часть Д. Развитое Феодальное Государство

Благодаря этому феодальное государство достигло апогея. В политическом и социальном плане оно образует иерархию многочисленных слоев, из которых, во всех случаях, нижестоящий слой обязан оказывать услугу вышестоящему над ним, а вышестоящий слой обязан защищать нижестоящий. Пирамида опирается на трудящееся население,

большую часть которого еще составляют крестьяне; избыток их труда, земельная рента, налоговые сборы, вся «прибавочная стоимость» экономических средств используются для поддержания высших слоев общества. Эта земельная рента от большинства поместий передается мелким держателям феодальных владений, за исключением тех случаев, когда эти поместья все еще находятся в непосредственном владении князя или короля и еще не были предоставлены в качестве феодальных владений. Владельцы поместий обязаны взамен исполнять предусмотренную военную повинность, а также, в некоторых случаях, выполнять работы или предоставлять трудовые ресурсы для экономического блага. Более крупный вассал, в свою очередь, обязан служить великим арендаторам короля; которые, в свою очередь, по крайней мере по строгому закону, несут аналогичные обязательства перед обладателем центральной власти и короны; в то время как сам император, король, султан, царь или фараон, в свою очередь, считается вассалом племенного бога на земле.

Таким образом, все идет от земли, начинается с полей, где крестьянство поддерживает и питает всех и поднимается до «Царя Небесного» посредством искусственно навязанного порядка рангов, который настолько ограничивает всю жизнь в государстве, что, согласно его обычаям и законам, ничто и никто, ни клочок земли, никакой человек не могут предстать иначе, чем в его скрепах*.

Поскольку все права, изначально созданные для простых свободных людей, были либо прибраны государством, либо были искажены князьями, захватчиками территорий, отсюда приходится признать, что свободный человек, не находящийся в каком-либо феодальном подчинении к какому-либо вышестоящему начальнику, фактически должен быть «вне закона» и не претендовать на безопасность или справедливость,

* В авторизованном английском переводе используется слово *fold*, которое еще переводится как «загон для скота, особенно для овец». — Прим. перев.

т.е. быть вне сферы действия той власти, которая в единоличном, монопольном порядке заведует правосудием.

Поэтому правило *nulle terre sans seigneur*^{*}, которое на первый взгляд нам кажется ярким проявлением феодального высокомерия, на самом деле является кодификацией проявления нового правового государства или, по крайней мере, устранением некоторых архаичных, уже более недопустимых пережитков полностью отброшенного, примитивного феодального государства.

Те исторические философы, которые претендуют на то, что могут объяснить каждое историческое развитие с позиции «качества рас», ставят в центр своего стратегического положения предполагаемый факт, что только германцы благодаря своей превосходной «политической способности» сумели мастерски возвысить строение развитого феодального государства. Сила этого аргумента ослабла, с тех пор как они стали осознавать, что в Японии монголоидная раса достигла идентичного результата. И никто не может сказать, чего могли бы достичь негритянские расы, если бы им не помешало вторжение более сильных цивилизаций, ведь Уганда не так сильно отличается от империй Каролингов или Болеслава Красного, за исключением лишь того, что люди в Уганде не имели всяких «традиционных ценностей» средневековой культуры: эти ценности не были какой-то заслугой германских рас, они были даром благополучия, которым наделяла их судьба.

Гипотеза об одаренности какой-либо конкретной расы не использовалась нами, и мы в ней не нуждаемся. Как говорил Герберт Спенсер, это самая глупая, из всех мыслимых попыток, попытка построить философию истории.

Переводя дискуссию с негров на «семитов», мы получаем упрек в том, что эта раса абсолютно не имеет способности к образованию государств. И все же мы находим, тысячи лет назад, точно такую же феодальную систему, тот же самый феодальный строй, разработанный семитами, если

* Нет земли без господина. — *Прим. перев.*

основателями Египетского Царства были семиты. Можно было бы подумать, что следующее описание Рихарда Турнвальда* будто бы взято из периода императоров Гогенштауфенов: «Кто бы ни вступил в ряды какого-нибудь могущественного властелина, впоследствии он был защищаем им, как будто тот был главой семьи. Такое отношение... указывает на фидуциарное отношение, похожее на вассальное. Это отношение покровительства в обмен на преданность имеет тенденцию становиться основой организации всего египетского общества. Оно является основой отношений феодала к своим вассалам и крестьянам, как и отношений фараона к своим чиновникам. Сплоченность индивидов в группах, подчиняющихся общим покровителям, основана на этом воззрении, вплоть до самой вершины пирамиды, до самого короля, которого считают как “наместником своих предков”, так и “вассалом богов на земле”... Тот же, кто находится вне этой социальной скрепы, тот “человек без хозяина”, он лишен всякого намека на покровительство и, соответственно, находится «вне закона»¹³³.

Первой характеристикой развитого феодального государства является многократная градация рангов, выстроенных в единую пирамиду взаимной зависимости. Его вторая отличительная особенность — слияние и объединение этнических групп, первоначально полностью разобщенных. Сознание о различии рас, присутствующее ранее, теперь полностью исчезает. Здесь остается только различие классов.

Поэтому отныне мы будем иметь дело только с социальными классами, а не с этническими группами. Социальный контраст — это единственный правящий фактор в жизни государства. В соответствии с этим этническое групповое сознание заменяется на классовое сознание, а групповые теории — на классовые теории. Однако они ни в малейшей степени не изменяют своей сущности. Новые господству-

* *Richard Thurnwald* — австрийский социолог и антрополог, основатель немецкой школы социальной антропологии, известен своими исследованиями социальных институтов. — *Прим. перев.*

ющие классы столь же полны своего божественного права, как и прежняя господствующая группа; и вскоре становится очевидно, что и новому служащему дворянству удастся быстро и основательно забыть о своем происхождении от побежденной группы; в то время как прежние свободные люди теперь деклассированы, как и бывшие мелкие дворяне, они опустились в социальной градации, и отныне они так же крепко ругают «естественный закон», как его прежде ругали только покоренные племена.

Развитое феодальное государство, по сути, является точно таким же, каким оно было еще на второй стадии формирования государства. Его состояние — это господство, причина его существования, это политическая эксплуатация экономических средств, ограниченная публичным правом, которое вынуждает правящий класс предоставлять соответствующую защиту и которое гарантирует низшему классу право на защиту в той мере, в какой он продолжает работать и платить налоги, чтобы он мог выполнять свой долг перед своими хозяевами. По своей сути правление не изменилось, оно стало распределено только на несколько классов; и то же самое относится к эксплуатации, или, как это излагает экономическая теория, произошло «распределение» богатства.

Как и прежде, так и сейчас внутренняя политика этих государств вращается по той же орбите, которая была предопределена взаимодействием сил центробежного отталкивания от прежних групповых конфликтов, а теперь еще и классовых войн, которым противодействует сила центростремительного притяжения общих интересов. Как и прежде, так и сейчас его внешняя политика определяется стремлением его господствующего класса к новым землям и крепостным, стремлением к расширению, вызванным в то же время все еще существующей потребностью в самосохранении. И несмотря на то что развитое феодальное государство дифференцировано намного детальнее и интегрировано намного сильнее, развитое феодальное государство в итоге есть не что иное, как первобытное государство, достигшее своей зрелости.

ГЛАВА 6

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА

Если мы понимаем исход феодального государства в том смысле, который мы обозначили выше как дальнейший результат органического развития, обусловленного влиянием одного из двух направлений внутренних сил, либо поступательной, либо возвратной силы, но не как его физическое уничтожение, вызванное или обусловленное внешними силами, тогда мы можем утверждать, что исход феодального государства определяется, по сути, независимым развитием его социальных институтов, сформированных исключительно экономическими средствами.

Такое влияние может исходить также извне, от иностранных государств, которые благодаря более продвинутому экономическому развитию обладают более упорядоченной централизованной властью, лучшей военной организацией и большей направленностью вперед. Мы затронули лишь некоторые из этих этапов. Независимое развитие средиземноморских феодальных государств было внезапно остановлено их столкновением с теми морскими государствами, которые находились на гораздо более высоком уровне экономического роста и благосостояния и были более централизованными, такими как Карфаген и, особенно, Рим.

В связи с этим можно привести наглядный пример разрушения Персидской империи Александром Великим, поскольку Македония в то время присвоила себе экономические достижения греческих морских государств. Лучшим примером из нашего времени является иностранное влияние в случае с Японией, время развития которой было почти невероятным образом сокращено военными и мирными порывами западноевропейской цивилизации. Всего за одно поколение Япония прошла путь от полностью зре-

лого феодального государства до полностью развитого современного конституционного государства.

Мне кажется, что мы имеем дело только с сокращением процесса развития. Насколько мы можем видеть — хотя отныне исторические свидетельства становятся скудными, а примеры из этнографии едва ли можно найти, — можно утверждать, что внутренние силы, даже без сильных внешних воздействий, со всей строгой логической последовательностью ведут зрелое феодальное государство по одному и тому же пути, к одинаковому исходу.

Создателями экономических средств, контролирующих это продвижение вперед, являются города и их система денежной экономики, которая постепенно вытесняет систему натурального хозяйства и тем самым смещает ось, вокруг которой вращается жизнь государства; вместо земельной, недвижимой собственности приходит на смену и постепенно становится преобладающим движимый, коммерческий капитал.

Часть А. Освобождение и эмансипация крестьянства

Это естественное следствие основополагающей предпосылки феодального государства. Чем больше крупные частные землевладельцы превращаются в княжеские землевладельческие дворянства, тем больше, в той же пропорции, должна разрушаться феодальная система естественного хозяйства. Чем большими правами на земельную собственность наделяются и поощряются князья территориальных государств, тем больше феодальная система, основанная на натуральных платежах, обречена на распад и разрушение; можно сказать, что оба процесса идут нога в ногу в данном направлении развития.

До тех пор пока владение большими поместьями относительно ограничено, хозяином мог быть реализован примитивный «принцип пчеловода», позволяющий хозяину оставлять своим крестьянам такое мизерное количество

пищи, которого им едва ли будет хватать на пропитание. Однако когда хозяева расширяют территориальные размеры владений, увеличивая их обычно за счет присоединения земель, которые являются результатом успешных завоеваний или результатом отказов от поместий, а также субинфеодаций в результате наследия или политических браков между мелкими землевладельцами, разбросанными по всей стране и находящимися далеко от исконных владений хозяина, то политика «принципа пчеловода», ввиду удаленности и неподконтрольности земель, больше уже не может осуществляться. Поэтому если территориальный магнат не будет иметь в своем распоряжении огромную массу надзирателей, что экономически не выгодно и политически неразумно, то ему придется обложить всех своих крестьян некоторой фиксированной данью, частично арендной платой, а частично налогом. Экономическая необходимость административной реформы объединяется, таким образом, с политической необходимостью возвышения «плебеев» так, как это уже обсуждалось.

Чем больше территориальный магнат перестает быть частным землевладельцем, тем более настойчиво и всецело стремится он стать субъектом публичного права, т.е. князем какой-нибудь территории, тем больше возрастает упомянутая выше солидарность между князем и народом. Мы видели, что некоторые немногие магнаты, еще в период перехода от крупных помещичьих землевладений к княжествам, находили для себя наибольший интерес в том, чтобы поддерживать и осуществлять «мягкое» правительство. Это привело к закономерному результату, который не только воспитал в их плебейх более мужественное самосознание по отношению к государству, но позволил также немногим оставшимся простым свободным людям легко отказаться от своих политических прав в обмен на покровительство и безопасность; одновременно, что было еще более важным, такой результат лишал его соседей и соперников их драгоценного человеческого материала.

И когда уже наместный князь достигнет, наконец, своей полноценной, фактической независимости, его личный интерес должен будет и в дальнейшем побуждать в нем стремление продолжать путь, начатый данным образом. Однако даже если он снова наделит своих судебных приставов или служащих землями и крестьянами, то у него все равно будет самый неотложный политический интерес, чтобы следить за тем, чтобы его подданные не передавались им без определенных ограничений. Чтобы сохранить свой контроль над людьми, князь определит право своих «рыцарей» на доходы от их земель ограниченными выплатами в натуральной форме и ограничением принудительного труда, оставляя за собой то, что требуется в общественных интересах, таких как принудительный труд на дорогах или на мостах. Вскоре мы увидим, что данное обстоятельство, что во всех развитых феодальных государствах крестьяне имеют как минимум двух господ, которые требуют от них службы, является решающим фактором для их последующего возвышения.

По всем этим причинам услуги, которые требуются от крестьян в развитом феодальном государстве, должны быть каким-либо образом ограничены. Отныне все излишки труда принадлежат крестьянину, свободному от контроля землевладельца. С этим изменением характер земельной собственности был полностью революционизирован. До этих пор помещик по закону имел право на весь доход, сохраняя только то, что было абсолютно необходимо, чтобы его крестьяне могли существовать и производить свое потомство; с этого момента и в дальнейшем весь продукт крестьянского труда по праву принадлежит крестьянину, сохраняя только фиксированную плату для своего землевладельца в качестве земельной ренты. Владение обширными земельными владениями теперь переросло в манориальные права*.

* Манор — это земельная собственность при феодальной системе, включающая фиксированный феодальный доход. — *Прим. перев.*

Это завершает второй важный шаг, сделанный человечеством к его цели. Первый шаг сделан, когда человек совершил переход от стадии медведя, разорителя ульев, к стадии пчеловода-эксплуататора и таким образом открыл для себя рабство; данный второй шаг отменил это рабство. Трудящееся человечество теперь, прежде являвшееся лишь объектом права, впервые становится субъектом права, существом, обладающим и способным пользоваться правами. «Рабочий мотор», без прав, принадлежащий своему господину, и без действительных гарантий жизни и здоровья, стал теперь впервые субъектом налогообложения для какого-то князя. Отныне эти экономические средства, впервые уверенные в своем успехе, развивают свои силы совершенно иначе. Крестьянин работает с несравненно большим усердием и заботой, получает отдачи больше, чем ему необходимо, и тем самым вызывает к жизни «город» в экономическом смысле этого слова, т.е. промышленный город. Избыток продукции, производимый крестьянством, вызывает рост спроса на предметы, не производимые в крестьянском хозяйстве; в то время более интенсивное сельское хозяйство приводит к сокращению тех побочных промышленных продуктов, которые прежде вырабатывались крестьянской домашней промышленностью.

Поскольку сельское хозяйство и животноводство все в большей мере поглощают энергию сельской семьи, становится возможным и даже необходимым разделение труда между первичным производством* и вторичной мануфактурой**; деревня имеет тенденцию становиться преимущественно местом первого — сырьевого — производства, а промышленный город возникает и становится как место второго — товарного — производства.

* Сырьевым. — *Прим. перев.*

** Товарным. — *Прим. перев.*

Часть Б. Развитие Индустриального Государства

Пусть у вас не будет недоразумений: мы не утверждаем, что любой город возникает таким образом, но только промышленный город. Существовал и настоящий исторический город, который можно обнаружить в каждом развитии феодального государства. Такие города возникли либо благодаря чисто политическим средствам, таким как цитадель¹³⁴, либо благодаря сотрудничеству политических и экономических средств, таких как рынок, либо из-за какой-то религиозной необходимости, как окрестности какого-либо храма*. Везде, где такой, в историческом смысле, город существовал по соседству, вновь возникающий, промышленный город имел тенденцию расти вокруг него; в ином случае он развивался спонтанно из существующего и назревшего разделения труда. И, как правило, он, в свою очередь, превратится в оплот и будет иметь свои собственные места преклонения.

Это, однако, несущественные исторические дополнения. В строгом экономическом смысле «город» обозначает место сосредоточения экономических средств или товарообмена и взаимообмена на эквивалентные ценности между сельским сырьевым производством и мануфактурным товарным производством. Это соответствует общепринятому значению в языке, согласно которому «цитадель», какой бы обширной она ни была, благодаря своему скоплению храмов, монастырей и мест для паломничества, будь они

* «Каждое место поклонения собирает вокруг себя жилища священников, школы и дома отдыха для паломников» (Ratzel, I. с. II, p. 575).

Естественно, что каждое место, к которому совершаются великие паломничества, становится обширным торговым центром. Мы можем видеть воспоминания об этом в том факте, что большие оптовые рынки, проводимые в установленные времена в Северной Европе, называются *Messen* от одноименной религиозной церемонии. — *Прим. авт.*

представлены без какого-либо места для обмена, была бы обозначена, после всех ее внешних характеристик, как «похожая на город» или «напоминающая город».

И хотя, возможно, могли быть некоторые изменения во внешности исторического города, здесь произошла внутренняя революция в грандиозном масштабе. Промышленный город стал прямо противоположен государству, стал находиться в оппозиции к государству. Так как государство является оплотом развитых политических средств, так и промышленный город — оплот развитых экономических средств. С этих пор между городом и государством происходит грандиозное противоборство, наполняющее содержанием всю универсальную историю, да и, в сущности, создающее весь ее смысл.

Город, как экономический и политический организм, подрывает феодальную систему политическим и экономическим оружием. С первым город обладает силой принуждения, а со вторым город обладает силой притяжения, привлекая к себе власть от теряющего свою власть господствующего феодального класса.

Данный процесс происходит в политической сфере путем вмешательства города, который теперь является центром своей собственной власти, в политический механизм развитого феодального государства, в борьбу между центральной государственной властью и между местными территориальными магнатами и их подданными. Города являются опорными пунктами и местами обитания воинственных людей, а также хранилищами материальных средств для ведения войны (амуниция, оружие и т.д.); а позже города становятся центральными источниками обеспечения деньгами, используемыми для борьбы между центральным правительством и набирающими силу местными князьями или между местными князьями в их междоусобных войнах. Таким образом, они являются важными стратегическими пунктами или ценными союзниками; и могут благодаря своей умелой политике приобретать важнейшие права.

Как правило, города принимают сторону короля в борьбе против феодальной знати, во-первых, по социальным причинам, потому что землевладельцы отказываются признавать социальное равенство, требуемое по праву их более состоятельными горожанами; во-вторых, по политическим причинам, потому что центральное правительство благодаря солидарности между князем и народом более подвержено влиянию общих интересов, чем территориальный магнат, который служит только своим частным интересам; и наконец, в-третьих, по экономическим причинам, потому что городская жизнь может процветать только в условиях мира и безопасности. Рыцарские обычаи, такие как клубное право и частная война, а также рыцарская практика грабежей караванов несовместимы с экономическими средствами; и следовательно, города являются верными союзниками хранителям мира и справедливости, сначала великому императору, затем суверенному наместному князю; и когда вооруженные горожане ломают и грабят укрепления какого-нибудь барона-разбойника, эта крошечная капля борьбы отражает идентичный процесс, происходящий в океане истории.

Чтобы успешно выполнять свою политическую роль, город должен привлекать к себе как можно большее число горожан, что также обусловлено еще чисто экономическими соображениями, так как разделение труда и благосостояние увеличиваются с ростом числа городского населения. Поэтому города всеми силами стараются поддерживать иммиграцию, чем еще раз показывают резкий контраст в своем существенном отличии от феодальных помещиков. Таким образом, новые горожане, привлеченные в города, изымаются из феодальных владений, которые, по мере укрепления городов, теряют свою силу налогообложения и военной обороны и ослабляются в пропорциональной зависимости. Город становится могущественным конкурентом на аукционе, где самая высокая ставка на крепостного сбивается тем,

кто предлагает наибольшую цену, тем, кто предлагает больше всего прав. Город предлагает крестьянину полную свободу, а в некоторых случаях дом и двор. Принцип «городской воздух освобождает крестьянина» успешно побеждает; и центральное правительство, довольное укреплением городов и ослаблением мятежных дворян, обычно подтверждает хартией вновь приобретенные права.

Третий великий шаг в развитии всемирной истории следует искать в открытии почета свободного труда; или, лучше сказать, в повторном его открытии, ибо достоинство свободного труда было упущено из виду с тех далеких времен, когда свободный охотник и даже покоренный первобытный фермер пользовались и наслаждались результатами своего труда. Крестьянин до сих пор носит клеймо парии (отверженного), и его права мало уважаются. Но в окруженном стеной, хорошо защищенном городе горожанин высоко и твердо держит голову. Он свободен во всех смыслах этого слова, свободен даже по закону, поскольку мы находим в предоставлении прав во многих ранних «освобождающих» городах* положение о том, что живущий в городе крепостной, проживающий там «год и день» и не получивший претензий или требований со стороны своего хозяина, считается отныне свободным горожанином, гражданином.

Внутри городских стен по-прежнему существуют различные звания и степени различия политического статуса. Вначале старые поселенцы, люди равного ранга с местными дворянами, затем древние вольники из городского самоуправления, они отказывают пришельцам, обычно бедным ремесленникам или торговцам, в праве на участие в городском правительстве. Но, как мы видели, в случае с морскими городами такие градации ранга не могут поддерживаться внутри бизнес-сообщества. Большинство, умное, скептическое, тесно организованное

* *Ville-franche*, вольных городах, дающих свободу, городах со свободным гражданством. — *Прим. перев.*

и компактное, принуждает к уступке равных прав. Разница лишь в том, что борьба идет труднее в развитом феодальном государстве, потому что борьба касается не только заинтересованных сторон. Большие территориальные магнаты и наместные князья, находящиеся по соседству, препятствуют полному развитию сил свободного города своим вмешательством. В морских государствах Древнего мира не было *tertius gaudens**, которые могли бы извлечь какую-либо выгоду из борьбы внутри города, поскольку за пределами морских городов не существовала система могущественных феодалов.

Таким образом, это политическое оружие городов в их борьбе против феодального государства: союзы с короной, прямое нападение и выманивание крепостных от феодалов своим «воздухом города», дающим им право и свободу. Его экономическое оружие не менее эффективно: переход от натуральных платежей к системе денежного обращения как более эффективному средству обмена неразрывно связан с гражданскими методами; это то средство, благодаря которому система натуральных платежей полностью уничтожается, а вместе с этим и феодальное государство.

Часть В. Воздействие денежной экономики

Социологический процесс, приводимый в движение системой денежной экономики, настолько хорошо известен, а его механизмы настолько общепризнаны, что достаточно изложить всего нескольких соображений.

Здесь, как и в случае с морскими государствами, последствием вторжения денежной системы является то, что центральное правительство становится почти всемогущим, в то время как местные власти приводятся к полному бессилию.

* Переводится как «довольных третьих», относится к ситуации, где третья сторона выигрывает от конфликта между двумя другими. — *Прим. перев.*

Господство — не самоцель, а лишь средство правителей для достижения их главной цели — обладания и наслаждения, без усилий труда, предметами потребления как можно в большем количестве и как можно в лучшем качестве. Во время преобладания системы естественного хозяйства не существует никакого другого способа получить их, кроме как путем господства; пограничные надзиратели и наместные князья приобретают свое богатство своей политической властью. Чем больше крестьян находится в их власти и собственности, тем больше их военная мощь и тем обширнее территория, которая им подчиняется, и тем больше, соответственно, их доходы.

Однако как только продукты сельского хозяйства начинают обменивать на заманчивые промышленные товары, для каждого становится более разумным стать прежде всего частным лицом, т.е. для каждого феодала, не для наместного князя, — и это еще включает в себя и рыцарей, — чтобы уменьшить, насколько это будет возможно, число крестьян и оставить только такое их незначительное количество, когда возможно с наибольшим их трудом получить наибольший продукт от земли, чтобы затем оставить его себе как можно меньше. Чистый продукт от поместных владений, таким образом, чрезмерно увеличенный в количестве, доставляется теперь на рынки и продается за товары и больше не хранится под стражей корпуса гвардейцев и не используется для их содержания.

Распустив своих гвардейцев, рыцарь становится простым распорядителем феодального рыцарского дохода*. С этим событием, как с еще одним ударом, центральная власть, власть короля или наместного князя больше не имеет соперника и противника своему господству; центральная власть отныне становится политически всемогущей. Непокорные вассалы, которые прежде заставляли трепетать слабых королей, после короткой попытки

* См. примечание о значении *Rittergutsbesitzer* на с. 114. — Прим. перев.

совместного правления, во времена правления феодальных поместий, превратились в послушных и податливых придворных, просящих милостыню у какого-нибудь абсолютного монарха, например Людовика XIV.

И кроме того, король стал их последним прибежищем, так как военная мощь, теперь осуществляемая единолично королем как казначеем всего насилия, только она может защитить их от вечно имманентного восстания их арендаторов, обобранных до костей. И если раньше, во времена натурального хозяйства, король почти во всех случаях был на стороне крестьян и горожан и выступал против поместного дворянства, то теперь мы получаем союз абсолютных королей, порожденных развитым феодальным государством, совместно с их дворянством, выступающих против всех представителей экономических средств.

Со времен Адама Смита было принято излагать эту фундаментальную революцию в такой форме, что будто бы глупые дворяне продали свое «первородное право»* за чечевичную похлебку, когда они обменяли свое превосходство на глупые предметы роскоши. Никакая точка зрения не может быть более ошибочной. Индивидуумы часто ошибаются в защите собственных интересов; класс же, в течение относительно длительного периода времени, никогда не ошибается**.

Факт в том, что система денежного обращения настолько могущественно и немедленно укрепила центральную власть, что даже без вмешательства «аграрного переворота»

* Право в силу происхождения, принадлежащее по праву рождения. — *Прим. перев.*

** Данную фразу Франца Оппенгеймера критиковал Людвиг Мизес в своей книге «Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война» (М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 380—381), но Мизес использовал эту фразу вырванной из контекста, подразумевая под «классом» — класс социалистов, а под «длительным периодом» — не исторический период, а предполагаемый период времени, некую «долгосрочную перспективу». — *Прим. перев.*

всякое сопротивление помещичьего дворянства было бы бессмысленным. Как нам показывает история античности, армия центрального правительства, финансово обеспеченная, всегда превосходит феодальное ополчение. Деньги позволяют вооружать крестьянских сыновей и превращать их в профессиональных солдат, чья крепкая организация всегда превосходит свободную конфедерацию вооруженной массы рыцарей. Кроме того, на данном этапе центральное правительство может всегда рассчитывать на помощь хорошо вооруженных оруженосцев из городских гильдий.

Порох сделал все остальное в Западной Европе. Огнестрельное оружие, однако, является продуктом, который можно выпускать только на промышленных предприятиях богатого города. По этим военно-техническим причинам даже такой феодальный землевладелец, который мог не беспокоиться о вновь созданной роскоши и который мог желать только сохранить или увеличить свое независимое положение, неизбежно должен подвергнуть свои территории той же аграрной революции; так как для того, чтобы быть сильным, он теперь должен был прежде всего иметь деньги, которые в новом порядке вещей стали «*nervus rerum*» (связкой, сухожилием), либо для приобретения оружия, либо для привлечения наемников. Поэтому второе капиталистическое оптовое предприятие* возникло через систему платежей в деньгах; помимо оптового управления земельными владениями война ведется также как большое коммерческое предприятие, кондотьеры** появляются именно в этот период. Рынок полон материала для армий наемников, разжалованными гвардейцами феодалов и молодыми крестьянами, чьи земли были захвачены лордами.

* Под первым капиталистическим оптовым предприятием понимается массовая работоторговля в древних морских государствах, что было рассмотрено в соответствующей главе. — *Прим. перев.*

** Профессиональные военные наемники. — *Прим. перев.*

Бывают такие случаи, когда какой-нибудь мелкий дворянин может взойти на трон какого-нибудь местного княжества, как это происходило много раз в Италии и как это было достигнуто Альбрехтом Валленштейном, даже в период Тридцатилетней войны. Но это вопрос индивидуальной судьбы, не влияющий на исторический результат. Локальные власти исчезают из-за борьбы политических сил как независимые центры правления и сохраняют остаток своего прежнего влияния только до тех пор, пока они служат князьям в качестве источника снабжения; т.е. государству, состоящему из своих феодальных сословий.

Бесконечное увеличение могущества короля затем вновь усиливается вторым созданием системы денежного обращения — расчетом с чиновниками. Мы подробно рассказывали о порочном круге, который завел феодальное государство в тупик между агломерацией и распадом, поскольку его управляющие должны были расплачиваться «землями и крестьянами», и тем самым были вскормлены потенциальные соперники их королевства. С появлением денежных платежей этот порочный круг разрывается. Отныне центральное правительство выполняет свои функции через наемных работников, постоянно зависящих от их казначея¹³⁵. Впредь становятся возможными постоянное, сильно централизованное правительство и появление империй, которые не существовали со времен древних развитых морских государств и которые также основывались на денежных платежах.

Эта революция политического механизма была повсюду приведена в движение развитием экономики денежного обращения, — за единственным исключением, насколько я могу судить, а именно Египта.

Здесь, по утверждению экспертов, нет никакой определенной информации, и кажется, что система денежного обмена появляется как зрелый институт только в греческие времена. До этого времени дань крестьян выплачивалась натурой¹³⁶. И все же мы находим, что вскоре после изгнания царей-скотоводов, во времена Новой Империи (при-

близительно в шестнадцатом веке до нашей эры), царский абсолютизм был полностью развит: «Военное могущество поддерживается иностранными наемниками, администрация осуществляется централизованным аппаратом чиновников, зависящих от царской милости, в то время как феодалная аристократия пропала»¹³⁷.

Может оказаться так, что данное исключение подтверждает правило. Египет — страна исключительной географической конформации. Зажатая в узких пределах между горами и пустыней естественная магистраль — река Нил пересекает всю страну в длину и позволяет перевозить громоздкие грузы с гораздо большей легкостью и эффективностью, чем самая прекрасная дорога. И эта магистраль позволила фараону собирать налоги со всех своих округов в свои собственные хранилища, так называемые «дома»¹³⁸, и из них он сам мог снабжать свои гарнизоны и гражданских служащих продуктами, которые получал в натуральном виде.

По этой самой причине Египет, после того как он однажды объединяется в империю, остается централизованным до тех пор, пока могучие иностранные державы не погасят его жизнь в качестве «государства». «Это обстоятельство является источником громадной и полнейшей власти в руках фараона, в то время когда платежи все еще производятся в натуральной форме; такой исключительный и непосредственный контроль над всеми предметами каждодневного потребления находится полностью в его руках. Правитель раздает своим подданным только такое количество из всей массы товаров, которое ему кажется уместным и правильным; а поскольку и предметы роскоши почти все находятся исключительно в его руках, он также обладает, по этой причине, исключительной, необычайной полнотой власти»¹³⁹.

За исключением этого единственного случая, когда могущественное насилие выполняет задачу*, власть денеж-

* Распределения благ. — *Прим. перев.*

ного обращения во всех остальных случаях, по-видимому, разрушила феодальное государство.

Стоимость революции в итоге ложилась на крестьян и на города. Когда заключается мир, король и мелкие дворяне взаимно жертвуют крестьянством, разделяя его, так сказать, на две идеальные половины; король дарует дворянству большую часть крестьянских общих земель и большую часть крестьянских рабочих обязанностей, которые еще не были экспроприированы; а дворянство, в свою очередь, уступает королю право призыва солдат и обложения налогом как всего крестьянства, так и всего городского населения. Крестьянин, который ранее разбогател на свободе, снова погружается в нищету и, следовательно, в социальную неполноценность. Бывшие феодальные державы теперь объединяются в союзники, чтобы поработить города, за исключением тех случаев, когда, как в Верхней Италии, города сами становятся центральными феодальными державами. (Но даже в этом случае они, по большей части, попадают под власть капитанов наемников, кондотьеров.) Сила нападения захватчика увеличилась, власть городов уменьшилась. Ибо с распадом крестьянства покупательная способность крестьян убывает, и следом за этим убывает достаток и падает благосостояние основанных на них городов.

Малые города в стране стагнируют и становятся беднее и, будучи теперь неспособными к обороне, становятся жертвой и добычей абсолютистского правления местных князей; крупные города, где спрос на роскошь среди дворян породил сильный торговый элемент, распадаются на социальные группы и, таким образом, растрачивают свою политическую силу. Иммиграция, вливающаяся теперь в их стены, состоит из уволенных и сломленных наемников, обездоленных крестьян, нищих механиков из небольших городов; другими словами, это теперь пролетарская иммиграция. Впервые появляется, по терминологии Карла Маркса, «свободный рабочий» в массах, конкурирующий со своим собственным классом на городских рынках труда.

Здесь снова «закон агломерации» вступает в силу, чтобы сформировать эффективные классовые и имущественные различия и, таким образом, разорвать слои городского населения. В городах между классами происходят дикие бои, благодаря которым, при каждом удобном случае, наместный князь снова добивается контроля. Единственные города, которые могут навсегда избежать смертельных объятий власти князя, — это лишь несколько подлинных «морских государств» или «городов-государств».

Как и в случае с морскими государствами, центр вращения жизни государства сместился в другое место. Вместо того чтобы вращаться вокруг богатства, вложенного в земельные владения, он теперь устремляется к капитализированному богатству, потому что, тем временем, недвижимая собственность сама становится «капиталом». Почему же это развитие не приводит, как в случае с морскими государствами, к капиталистической экспроприации рабского труда?

Есть две обуславливающие причины: одна внутренняя, другая внешняя. Внешняя причина заключается в том, что в это время вряд ли уже возможна охота на рабов в прибыльных масштабах в любой части мира, поскольку почти все соседние страны, находящиеся в пределах досягаемости, также организованы как сильные государства. Везде же, где это возможно, например в американских колониях западноевропейских держав, рабство развивается моментально.

Внутреннюю причину можно найти в том обстоятельстве, что крестьянин материковых государств, в отличие от условий, господствующих в морских государствах, подчиняется не одному господину, а по крайней мере двум* лицам, имеющим право на его службу, — своему князю и своему помещику. Оба они сопротивляются любым по-

* В средневековой Германии крестьяне во многих случаях платят дань не только помещику и территориальному князю, но и проректору, и судебному приставу. — *Прим. авт.*

пыткам ослабить способность своих крестьян к служению себе, поскольку это необходимо для их интересов. Особенно сильные князья много сделали для своих крестьян, например бранденбургско-прусских. По такой причине крестьяне, хотя и подверглись жестокой эксплуатации, все же сохраняли свою личную свободу и свое положение подданных, наделенных личными правами в государствах, где феодальная система была полностью развита, когда система денежных платежей заменила систему платежей в натуральной форме.

Доказательства того, что это объяснение верно, можно найти в отношениях тех государств, которые были охвачены системой денежного обращения, еще до того, как феодальная система успела сформироваться.

Особенно это относится к тем районам Германии, которые ранее были оккупированы славянами, но особенно к Польше. В этих районах феодальная система еще не была выработана так основательно, как в таких регионах, где спрос на зерновые продукты в крупных западных промышленных центрах превратил дворян, субъектов публичного права, во владельцев Риттергута*, субъектов частных экономических интересов. В этих районах крестьяне были обязаны обслуживать только одного хозяина, который был одновременно их сеньором и помещиком; и в результате этого возникли упомянутые нами ранее республики дворян, которые, насколько им позволяло давление их более прогрессивных соседей, имели тенденцию вплотную приближаться к капиталистической системе эксплуатации рабского труда¹⁴⁰.

Следующее настолько хорошо известно, что это можно изложить кратко. Система обмена с помощью денег превращается в капитализм и создает новые классы в противоположность землевладельцам; капиталист требует себе равных прав с ранее привилегированными порядками и, в конце концов, получает их, революционизируя при

* См. прим. на с. 114. — *Прим. амер. перев.*

этом низлежащих плебеев. В этом наступлении на священо установленный порядок вещей капиталисты объединяются с низшими классами, разумеется, под знаменем «естественного закона». Но, как только победа была достигнута, класс, основанный на движимом богатстве, так называемый средний класс, поворачивает свое оружие против низших классов, заключает мир со своими бывшими противниками и призывает в своей реакционной борьбе против пролетариев, своих поздних союзников, теорию легитимности или использует злую смесь аргументов, основанных частично на легитимности, а частично на псевдолиберализме.

Таким образом, государство постепенно развивалось от первобытного грабительского государства, через стадии развитого феодального государства, через абсолютизм к современному конституционному государству.

Часть Г. Современное Конституционное Государство

Остановимся на механике и кинетике современного государства на какое-то время.

В принципе, это та же самая сущность, что и первобытное грабительское государство или развитое феодальное государство. Однако был добавлен один новый элемент — чиновничество, которое по крайней мере будет иметь такую цель, что в борьбе различных классов оно будет представлять общие интересы от государства в целом. Насколько эта цель сохранится в дальнейшем, мы рассмотрим в другом месте. Теперь давайте изучим государство в отношении его характеристик, которые оно привнесло из своих ранних стадий.

Его форма по-прежнему остается господством, а его содержание — эксплуатацией экономических средств. Последние по-прежнему ограничиваются публичным правом, которое, с одной стороны, защищает традиционное «распределение» совокупных продуктов населения; а с другой

стороны, пытается поддерживать работоспособность налогоплательщиков и тех, кто обязан оказывать услуги. Внутренняя политика государства продолжает вращаться по орбите, предписанной ему центробежной силой классовой борьбы и центростремительной тягой общих интересов государства; и его внешняя политика по-прежнему продолжает определяться интересами его правящего класса, которые теперь включают в себя помимо земельных еще и денежные интересы.

В принципе, в настоящее время, как и прежде, следует различать только два класса: господствующий класс, который приобретает больше общего продукта народного труда, полученного экономическими средствами, чем вносил свой вклад, и подчиненный класс, который приобретает меньше полученного в результате богатства, чем вносил свой вклад. Каждый из этих классов, в свою очередь, в зависимости от степени своего экономического развития делится на большее или меньшее количество подклассов или слоев, которые классифицируются в зависимости от удачного или неудачного сочетания их экономических стандартов.

Среди высокоразвитых государств обнаруживается введенный между двумя основными классами еще переходный класс, который также можно подразделить на различные слои. Его члены обязаны оказывать услуги вышестоящему классу, в то время как они имеют право также получать услуги от нижестоящих классов. Чтобы проиллюстрировать это на примере, мы находим в правящем классе современной Германии как минимум три слоя. Сначала идут крупные земельные магнаты, которые в то же время являются основными акционерами крупных промышленных предприятий и горнодобывающих компаний; следующими идут промышленные магнаты и «банкократы», которые также во многих случаях становятся владельцами больших землевладений. Вследствие этого они быстро смешиваются с первым слоем. Таковы, например, князя Фуггеры, бывшие банкирами Аугсбурга, и графы

Доннерсмарка, владельцы крупных рудников в Силезии. И наконец, есть мелкие деревенские дворяне, которых мы в дальнейшем будем называть юнкерами или «сквайрами».

Подчиненный класс, во всяком случае, состоит из мелких крестьян, сельских рабочих, фабричных рабочих, горнорабочих и шахтеров, мелких ремесленников и подчиненных чиновников. «Средние классы» — переходящие промежуточные классы: они состоят из владельцев крупных и средних фирм, мелких фабрикантов и наиболее высокооплачиваемых техников и механиков, кроме лишь той богатой «буржуазии», такой как евреи, которые не разбогатели настолько, чтобы преодолеть определенные традиционные трудности, препятствующие их достижению уровня, смешивающегося с вышестоящим классом. Все они оказывают безответное обслуживание вышестоящему классу и получают безответное обслуживание от нижестоящих классов. Это определяет тот результат, который возникает либо перед слоем в целом, либо перед отдельными его представителями, т.е. либо полное присоединение к высшему классу, либо полное погружение в низший класс. Из (германских) переходных классов крупные фермеры и производители среднего достатка выросли и поднялись на высший уровень, в то время как большинство специалистов и ремесленников перешли в более низшие классы. Таким образом, мы подошли к кинетике классов.

Интересы каждого класса приводят в движение действующую совокупность связанных с ним сил, которые, с определенным усилием, движут им в направлении к достижению определенной цели. Все классы в общем смысле имеют одну-единственную цель: а именно совокупный результат производительного труда всего народонаселения данного государства. **Каждый класс пытается приобрести, насколько это возможно, наибольшую долю национального производства;** и так как все классы стремятся к одной данной цели, то классовая борьба дает свои результаты. Эта классовая борьба является содержанием и сущностью всей исторической летописи государств, за исключени-

ем тех редких случаев, когда интересы классов в государстве в целом совпадают и порождают некие общие действия. На данный момент ими можно пренебречь, поскольку, в рамках традиционного метода исторического исследования, они приобрели неоправданно чрезмерное значение, что привело к главенству односторонних взглядов.

Исторически эта классовая борьба является партийной борьбой. Партия изначально и по своей сути есть не что иное, как организованное представление класса. Всякий раз, когда класс, в силу своей социальной дифференциации, распадается на многочисленные подклассы с различными отдельными интересами, партия, претендующая на то, чтобы представлять данный класс, при первой же возможности распадается на множество крошечных партий, которые будут либо союзниками, либо злейшими противниками, в зависимости от степени расхождения классовых интересов. С другой стороны, если прежние классовые противоречия исчезали из-за социальной дифференциации, то две прежние партии за короткое время объединяются в новую партию.

В качестве примера для первого случая можно вспомнить отделение ремесленных и антисемитских партий от партии Немецкого Либерализма, которое произошло вследствие такого факта, что первые представляли собой нисходящие группы, в то время как вторая являлась объединенной восходящей группой. Характерный пример для второго случая можно найти в политическом объединении, которое соединило в Союз Фермеров мелких помещиков из Восточной Эльбии с богатыми, обладающими крупными плантациями крестьянами из Западной Эльбии. Поскольку мелкий помещик тонет, а крупный фермер поднимается, то они встречаются где-то на середине пути.

Партийная политика может иметь только одно значение, а именно: приобретать для представляемого класса как можно большую долю в совокупном объеме национального производства. Другими словами, привилегированные классы намерены сохранять свою долю, по крайней мере

на прежнем уровне, и, если это будет возможно, увеличить ее до такого максимального уровня, который позволит эксплуатироваться классам только существовать, чтобы поддерживать их в состоянии только выполнять свою работу, как это было на стадиях эксплуататора-пчеловода. Цель эксплуататоров всегда состоит в том, чтобы конфисковать весь прибавочный продукт экономических средств, избыток которого чрезвычайно возрастает, по мере того как население становится все более плотным и многочисленным, а разделение труда — все более мелким и специализированным. С другой стороны, группа эксплуатируемых классов хотела бы уменьшить свою дань до нулевой отметки и потреблять весь свой продукт самостоятельно; а переходные средние классы стараются, насколько это возможно, над уменьшением своей дани высшим классам, в то же время они стремятся увеличить свой безответный доход от нижестоящих классов.

В этом и состоят цель и содержание партийной борьбы. **Правящий класс ведет эту борьбу всеми теми средствами, которые он приобрел от завоеванного им господства. Вследствие этого правящий класс заботится о том, чтобы законодательство создавалось в его интересах и чтобы законодательство работало на достижение целей правящего класса. Затем эти законы применяются таким образом, что тупой край клинка справедливости обращен вверх к правящему классу, а его острый режущий край обращен вниз к подчиненному классу.** Правящий класс в каждом государстве использует также управление государством в интересах принадлежащих ему лиц в двойном значении. Во-первых, он оставляет за своими приверженцами все видные места и все влиятельные и прибыльные должности, в армии, в высших ветвях государственной службы, в правоохранительной системе и в местах правосудия; и во-вторых, именно благодаря этим агентам влияния он направляет и осуществляет внутреннюю политику государства, по причине своей классовой политики заставляет вести торговые войны, проводит колониальную политику, вводит протекционистские тарифы,

защитное законодательство, в некоторой степени улучшающее условия труда, политику избирательных реформ и т.д. Когда дворяне управляли государством, они эксплуатировали его так, как они эксплуатировали бы свое имение; когда буржуазия захватила господство, государство эксплуатируется так, как эксплуатировалась бы их фабрика. А классовая религия прикрывает все пороки, пока их можно терпеть, своим «не трогайте скрепы общества».

В публичном праве все еще существует ряд политических привилегий и экономических стратегических позиций, которые благоприятствуют правящему классу: например, в Пруссии существует система голосования, которая дает плутократам неоправданное преимущество по сравнению с менее привилегированными классами, ограничение конституционного права на свободу собраний, регламенты для служащих и т.д. По этой причине конституционная борьба, ведущаяся на протяжении тысячелетий и доминирующая в жизни государства, никак не может быть завершена. Борьба за улучшение условий жизни и труда, как еще один этап партийной и классовой борьбы, обычно проходит в залах судебных заседаний, так же часто она происходит путем демонстраций на улицах, всеобщих забастовок или открытых протестов.

Впрочем, плебеи окончательно и определенно усвоили, что эти остатки феодальных стратегических центров, за исключением запоздалых случаев, не представляют собой окончательного оплота их противников. Причину следует искать не в политических, а в экономических условиях, что привело к тому, что даже в современном конституционном государстве «распределение богатства» принципиально никак не изменилось, так же как и в былые феодальные времена, огромная масса людей живет в крайней нищете; даже в самых лучших условиях они имеют лишь предметы первой необходимости, заработанные тяжелым, изнуряющим, одуряющим, угнетающим принудительным трудом, который уже больше не устанавливается при помощи права политической эксплуатации, но настолько же

эффективно выжимается из трудящихся масс их тягостной экономической нуждой.

И точно так же, как и прежде, как в доконституционные дни, узкое меньшинство, новый правящий класс, — го-скорпорация обладателей древних привилегий и новообретенных благосостояний, собирает дань с населения, теперь возросшую до безмерности, и поэтому не только уже не оказывает никаких услуг населению, но еще и выставляет напоказ свое богатство и щеголяет своей роскошной жизнью перед рабочим классом. Классовая борьба отныне все больше и больше посвящена этим экономическим причинам, основанным на порочных системах распределения; и она выливается в жесткую «рукопашную схватку» между эксплуататорами и пролетариатом, проводимую посредством стачек и забастовок, кооперативами и профсоюзами. Экономическая организация сначала не подчиняется и сопротивляется принуждению, затем она сама принуждает к признанию своих прав, а после добивается своего равноправия; затем организация руководит и, в конце концов, контролирует политическую судьбу рабочей партии. В результате именно синдикат или профсоюз поэтому контролирует рабочую партию. До определенного момента, до настоящего времени развитие государства происходило именно таким образом и прогрессировало как в Великобритании, так и в Соединенных Штатах.

Если бы в современное государство не был добавлен совершенно новый элемент, его официальная власть, его чиновничество, конституционное государство, хотя и было более тонко дифференцировано и более плотно интегрировано, по своей форме и по своему содержанию оно бы мало чем отличалось от своих прототипов.

Принципиальный момент здесь в том, что эти государственные чиновники, оплачиваемые из государственных средств*, обязательно должны быть исключены из борьбы

* Здесь уместно упомянуть, что, как говорила премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, «у государства не бывает

противоборствующих экономических интересов; и в данном случае справедливо считается неприемлемым, чтобы кто-то из служащих правительству принимал участие в каких-либо делах по зарабатыванию денег, ни в одной хорошо организованной бюрократии такое не допускается.

Если бы принцип был осуществим и имелась бы возможность когда-либо его реализовать, чтобы никакой чиновник, даже лучший из них, не привнес с собой ту концепцию государства, которая принадлежит его классу, из которого он произошел, то только в таком случае можно было бы найти в чиновничестве, по сути, такую сдерживающую и упорядочивающую силу, отстраненную от конфликтов классовых интересов, с помощью которой государство могло бы быть приведено к своей новой цели. Это могло бы стать подобием точки опоры Архимеда, оперевшись на которую мир государства мог быть перевернут*.

Но, к сожалению, данный принцип полностью не реализуем; и более того, чиновники не перестают быть обычными людьми и не становятся просто абстракциями без классового сознания. Это может быть совершенно не связано с тем фактом, что, по крайней мере в Европе, участие в определенных формах хозяйствования, конкретно — в управлении крупными земельными поместьями, рассматривается как благоприятное средство для поступления на государственную службу, и так будет продолжаться до тех пор, пока преобладает земельное дворянство. Вследствие этого многие чиновники на континенте и, можно даже сказать, самые влиятельные чиновники подвергаются давлению со стороны внушительных экономических интересов; и порой неосознанно и часто против своей воли вовлекаются в классовую борьбу.

собственных средств, бывают только средства налогоплательщиков». — *Прим. перев.*

* Здесь Франц Оппенгеймер апеллирует к этатистской теории Лоренца Штейна, кратко изложенной в авторском предисловии. — *Прим. перев.*

Здесь влияют такие факторы, как дополнительные льготы или пособия, предоставляемые либо отцами, либо тестями, либо наследственными сословиями, а также родство или близость к лицам, контролирующим земельный и денежный интересы или связанным с ними, в результате чего солидарность интересов правящего класса и чиновников все возрастает, даже если не считать такого факта, что все эти должностные лица, практически все без исключения, забираются из класса, с которым они с детства состояли в близких отношениях. Однако если не было бы такого огромного воздействия экономических интересов, то поведение чиновников находилось бы под влиянием государственных интересов.

По этой причине, как правило, наиболее эффективный, объективный и беспристрастный состав чиновников находится в бедных государствах*. В Пруссии, например, благодаря ее бедности проблемами государства занимался несравненный аппарат чиновников. **Эти государственные служащие, в соответствии с правилом, изложенным выше, были, прямо или косвенно, фактически полностью отстранены от всех интересов в зарабатывании денег.**

Такой идеальный аппарат чиновников — редкое явление в более богатых государствах. Плутократическое развитие все больше втягивает человека в свой водоворот, лишает его объективности и беспристрастности. Но всё же чиновники продолжают исполнять те обязательства, которые требует от них современное государство, — защищать интересы государства, в противовес интересам любого класса. И этот интерес сохраняется ими, хотя и против их воли или по крайней мере безо всякого ясного осознания этого факта таким образом, что экономические средства, вызвавшие к жизни бюрократию, в конце концов продолжают

* Здесь автор, очевидно, имеет в виду бедные ресурсами страны, в которых кроме человеческого ресурса практически нет природных ресурсов. К таким странам можно уверенно отнести Германию и Японию того времени. — *Прим. перев.*

продвигаться по своему утомительному пути — к победе. В отличие от политических средств. **Никто не сомневается в том, что чиновники ведут классовую политику, предписанную им группировкой господствующих в государстве сил; и в этом отношении они, безусловно, представляют собой правящий класс, из которого они произошли.** Но они действительно смягчают ожесточенность классовой борьбы, противостоя против экстремистов в обоих лагерях и выступая за поправки к действующему законодательству, когда социальное развитие созревает для их принятия, не дожидаясь обострения борьбы за них.

Чем эффективней правит династия князей, чей настоящий представитель перенимает политику короля Фридриха*, который считал себя всего лишь «первым слугой государства», и то, что было сказано выше, относится к нему в большей степени, тем более интересы династии, в качестве постоянного бенефициара продолжительного существования государства, прежде всего будут быстрее побуждать его к укреплению центростремительных сил и к ослаблению центробежных сил в государстве.

В ходе предшествующей работы мы неоднократно отмечали естественную солидарность между князем и народом как историческую силу, имеющую большое значение. В завершённом Конституционном государстве, в котором монарх лишь в ничтожно малой степени является субъектом частных экономических интересов, он стремится быть почти что полностью «должностным лицом». Такая общность интересов здесь подчеркивается гораздо сильнее, чем в феодальном государстве или в государстве с деспотичным правлением, где господство, по крайней мере наполовину, основано на частных экономических интересах князя.

Даже в Конституционном государстве внешняя форма правления не является решающим фактором; борьба классов будет продолжаться и приведет к тому же результату,

* Фридрих Великий, основоположник прусско-германской государственности. — *Прим. перев.*

что в республике, что в монархии. Несмотря на это, следует признать, что существует большая вероятность того, что, при прочих равных условиях, график кривой развития государства в монархии будет более размашистым, с меньшей обратной инерционностью, поскольку монарх меньше подвержен воздействию кратковременной потери популярности и не столь чувствителен к кратковременным порывам неодобрения, как президент, который избирается на короткий срок и поэтому может формировать свою политику на более длительные периоды правления.

Мы не должны забывать и об особой форме чиновничества, о научных кадрах вузов, влияние которых на восходящее развитие государства нельзя недооценивать. Это не только создание экономических средств, как это произошло с самим чиновничеством, это представляет также определенную историческую силу, необходимую потребность в причинности, которую мы находили до этого только в качестве союзника государства-завоевателя. Мы видели, что такая потребность порождала суеверие, когда государство находилось еще на примитивной стадии своего развития; его убудочное создание — табу — оказалось во многом очень эффективным средством контроля со стороны правящего класса. Исходя из тех же потребностей развивалась наука, которая, нападая на суеверия и разрушая их, тем самым помогала в подготовке пути эволюции, в том числе, государства. Это неисчислимая историческая заслуга науки, и в особенности университетов.

ГЛАВА 7

ТЕНДЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА

Мы стремились раскрыть развитие государства от его самого отдаленного прошлого до настоящего времени, следуя его направлению как исследователи, от начала его истока, вниз по течению, до его разлива на равнинах. Широкие и мощные волны его протекают мимо, пока оно не исчезает в тумане горизонта, в еще неизведанных и нераскрытых для современного наблюдателя областях.

Так же широко и мощно в историческом потоке — а вся история, до настоящего дня, была и является только историей государств — проносится мимо нашего взора, и его течение также окутано туманом будущего. Осмелимся ли мы выдвигать гипотезы относительно его будущего курса, пока он: «Вот несет он своих братьев, своих детей — свое богатство»? («Песня о Магомете», И.В. Гёте.) Возможно ли установить научно обоснованный прогноз относительно будущего развития государства?

Я верю в такую возможность. Тенденция¹⁴¹ в развитии государства безошибочно приводит его к единственно возможному исходу: если рассматривать его в сущности, государство со временем полностью перестанет быть «развитым политическим средством» и станет «свободным гражданством свободных людей».

Другими словами, его внешняя оболочка останется, в сущности, той формой, которая прежде была разработана в конституционном государстве, при котором администрация будет осуществляться должностными лицами. Но содержание известных до сих пор государств изменит свой жизненно важный элемент в результате исчезновения экономической эксплуатации одного класса другим. И поскольку, таким образом, государство останется без классов и классовых интересов, то бюрократия будущего

действительно сможет достичь того идеала беспристрастного блюстителя всеобщих интересов, к которому в настоящее время она с таким трудом упорно стремится. «Государством» будущего будет «общество», регулируемое самоуправлением.

Библиотеки полны книг, написанных о разграничении понятия «государство» и понятия «общество». Проблема, однако, с нашей точки зрения, имеет достаточно простое решение. **«Государство» — это полностью развитые политические средства, «общество» — это полностью развитые экономические средства. До этих пор государство и общество были неразрывно связаны: в «свободном гражданстве свободных людей» не будет никакого «государства», а будет только «свободное общество».**

Этот прогноз будущего развития государства включает в себя все те известные формулы, посредством которых великие исторические философы пытались определить некую «итоговую ценность» всеобщей истории. Он содержит в себе «прогресс от воинственной деятельности к мирному труду» Сен-Симона, а также «развитие от рабства к свободе» Гегеля; «эволюцию человечества» Гердера, а также «проникновение разума через природу» Шлейермахера.

Наше время утратило радостный оптимизм представителей классицизма и гуманизма; духом последних дней правит социологический пессимизм. Приведенный тут прогноз пока не может претендовать на то, чтобы иметь много сторонников. Не только люди, обогащающиеся за счет господства, благодаря своей одержимости своим классовым превосходством считают это невозможной концепцией; люди, которые принадлежат к подчиненному классу, также рассматривают его с крайним скептицизмом. Это правда, что и пролетарская теория в принципе предсказывает подобный результат. Однако приверженцы данной теории считают, что его невозможно достичь эволюционным путем, а только при помощи революции. Таким образом, его мыслят как картину «общества», резко отличающуюся во всех отношениях от того, которое уже возникло в ходе

исторического развития; иными словами, как систему экономики без конкуренции и рынка, т.е. «коллективизм».

Анархическая теория соединяет форму и содержание «правительства» как нераздельные, как две стороны монеты: не бывает «государства» — без господства и эксплуатации! Таким образом, она стремится разрушить как форму, так и содержание государства и тем самым привести его к «состоянию анархии», даже в том случае, если бы при этом пришлось бы пожертвовать всеми экономическими преимуществами от разделения труда*.

Даже такой великий мыслитель, как покойный Людвиг Гумплович, который впервые заложил фундамент, на котором была разработана современная теория государства, является социологическим пессимистом; по тем же самым причинам, что анархисты, с которыми он так яростно боролся. Он также считал навсегда нераздельными форму и содержание государства, правительство и существующую классовую эксплуатацию; но поскольку он, и я думаю правильно, не считал возможным, что многие люди смогут жить вместе без некоторой принудительной силы, наделенной какому-либо правительству, то он объявляет классовое государство «имманентной», а не только исторической категорией.

Только небольшая часть социал-либералов или либеральных социалистов верит в эволюцию общества без классового господства и классовой эксплуатации, которое гарантирует индивиду помимо политической еще и экономическую свободу действий, разумеется, в пределах ограничений экономических средств. Это было кредо старого социал-либерализма еще доманчестерских дней, провозглашенное Кенэ, и особенно Адамом Смитом, и вновь

* Как автор увязывает «состояние анархии» с разделением труда, понять трудно, разве только в том случае, если разделение труда автор связывает не с естественной экономической выгодой, а с насильственно установленным порядком, требующим его поддержания правительством. — *Прим. перев.*

поднятое в наше время Генри Джорджем и Теодором Герцким.

Этот прогноз может быть обоснован двумя путями: первым — через историю и философию, вторым — через политическую экономию, как тенденцию развития государства, так и тенденцию эволюции экономики, причем обе эти тенденции явно тяготеют к одной общей точке.

Тенденция развития государства ранее проявляла себя в прошлом как устойчивая и победоносная борьба экономических средств над политическими средствами. Мы видели, что вначале право на экономические средства, право на равенство и мир были ограничены лишь крошечным кругом Орды, связанной между собой кровными узами, данными предчеловеческими условиями общества¹⁴²; в то время как вне границ этого острова мира бушевал тайфун политических средств.

Но мы видели также все более расширяющиеся круги, из которых «законы мира» выдавливают своих противников, и всюду мы видели их продвижение, связанное с продвижением экономических средств, обмена групп на эквиваленты между собой. Первым обменом мог быть обмен огнем, затем обмен женщинами и, наконец, обмен товарами — область мира, постоянно расширяющая свои границы. Он («закон мира») защищал рыночные площади, затем улицы, ведущие к ним, и наконец, он защищал торговцев, передвигающихся по этим улицам.

В ходе этого объяснения было показано, как «государство» поглощало и развивало эти организации, стремящиеся к миру, и как они впоследствии всегда вытесняли то право, которое опирается только на силу. Купеческое право становится так городским правом; промышленный город, как развитые экономические средства, подрывает феодальное государство, как развитые политические средства; и наконец, гражданское население в открытой борьбе уничтожает политические останки феодального государства и вновь завоевывает для всего населения государства свободу и право на равенство; городское право

становится так публичным правом и, наконец, международным правом.

Более того, ни на одном горизонте не видно никакой силы, способной сейчас столь же эффективно противостоять до сих пор такой эффективной тенденции. Напротив, влияние прошлого, которое временно задерживало процесс развития, очевидно, становится со временем все слабее. Международные отношения и международная торговля приобрели среди народов преобладающее значение по сравнению с уменьшающимися военными и политическими отношениями; и во внутригосударственной сфере, в силу того же самого процесса экономического развития, движимый капитал, порожденный правом мира, во все более возрастающей степени преобладает над правами земельной собственности, порожденными правом войны. В то же время суеверие все больше теряет свое значение и влияние. И поэтому справедливо сделать вывод, что отмеченная таким образом тенденция станет развиваться до своего логического конца, постепенно исключая все политические средства и все их последствия из жизни, пока не будет достигнута полная победа экономических средств.

Но тут можно возразить, что в современном Конституционном государстве все наиболее заметные остатки античного закона войны уже были убраны. Напротив, тут сохранился значительный остаток этих институтов, замаскированных, правда, под экономические одеяния, и, видимо, уже не как юридическая привилегия, а только как экономическое право, — собственность на крупные земельные владения, первая причина и последний оплот политических средств. Его маскировка сохранила его от судьбы всех остальных феодальных творений. И все же этот последний остаток права на войну, несомненно, является последним уникальным препятствием на пути человечества; и несомненно, развитие экономики находится на пути к его уничтожению.

Для обоснования этих замечаний я должен отослать читателя к другим книгам, в которых я привел подробное

свидетельство вышеизложенного, потому что не могу в отведенном здесь объеме повторить его полностью¹⁴³. Я могу только переформулировать основные положения, изложенные в этих книгах.

Нет никакого принципиального различия между распределением совокупных продуктов экономических средств между отдельными классами конституционного государства, так называемым «капиталистическим распределением», и таким распределением, которое происходит в феодальном государстве.

Все наиболее важные экономические школы в поисках причины этого сходятся на том, что предложение «свободных» рабочих (т.е., по мнению Карла Маркса, политически свободных и экономически не имеющих капитала) постоянно превышает спрос на них, и, соответственно, постоянно существует «социальная зависимость от капитала». Отсюда «за каждым хозяином следуют два работника в поисках работы, и поэтому они понижают друг другу заработную плату»; и следовательно, вся «прибавочная стоимость» остается у класса капиталистов, а рабочий никогда не получит возможности сформировать для себя капитал, чтобы стать работодателем.

Но откуда прибывает этот избыток свободных рабочих?

Объяснение «буржуазной» теории, согласно которой такое избыточное предложение вызвано перепроизводством детей пролетарскими родителями, основано на логической ошибке и противоречит всем известным фактам¹⁴⁴.

Объяснение пролетарской теории, согласно которой сам процесс капиталистического производства производит «свободных рабочих» путем создания все новых механизмов, исключаящих труд, также основано на логической ошибке и аналогично противоречит всем известным фактам¹⁴⁵.

Свидетельства всех фактов указывают скорее на то, и данный вывод может быть сделан, без опасности противоречий, что **избыточное предложение таких «свободных рабочих» происходит от права владения земельной собст-**

венностью в крупных размерах; поэтому вынужденная эмиграция в города и за пределы отнятых земельных владений является единственно истинной причиной капиталистического распределения*.

Несомненно, в экономическом развитии нарастает тенденция к разрушению обширных земельных владений. Без надежды на спасение система привела их к обескровливанию, вызванному освобождением бывших крепостных, необходимым следствием развития городов. Как только крестьяне получили право передвигаться без паспорта от своего помещика (германский *Freizuegigkeit*), у них появилась возможность бежать из тех стран, в которых их прежде угнетали. Возможность эмиграции создала «конкуренцию из-за рубежа», вместе с падением на континенте цен на сельскохозяйственную продукцию, и сделала необходимым постоянное повышение заработной платы. Благодаря этим двум факторам земельная рента уменьшается с обеих сторон и должна постепенно опускаться до нулевой точки, поскольку здесь также не может быть обнаружено никакого противодействия, посредством которого процесс может быть отклонен¹⁴⁶.

Таким образом, система обширных территориальных владений разрушается. Однако когда она совсем исчезнет,

* Действительно, земельное огораживание и обезземеливание крестьян с давних пор были способом лишения людей их дохода со своей земли, их свободного достатка, с целью принудить людей к наемным работам, к принудительному наемному труду на дворянина или на государство. Так происходило в Европе XVII—XVIII веков, и так происходило и в России в XIX—XX веках, и даже сейчас, в 2018—2020 годах, государством все так же издаются античеловеческие законы, лишаящие людей их доходов с собственной земли и фактически лишаящие их права собственности на свою землю, например закон о налогах на постройки на собственных участках, или закон о налогах на продукцию с дачных домохозяйств, и законы, не только лишаящие человека доходов от своей собственности, но еще и независимости от принудительного наемного труда и независимости от государства. — *Прим. перев.*

то не будет никакого переизбытка «свободных рабочих». Напротив, «два хозяина стремятся выиграть за одного рабочего и должны поднять цену на него». Для класса капиталистов не станет «прибавочной стоимости», так как теперь сам рабочий сможет формировать свой капитал и сам становится работодателем. Таким образом, последние остатки политических средств будут уничтожены, и теперь только экономические средства будут иметь влияние. Сохранением такого общества будет «чистая экономика»¹⁴⁷ эквивалентного товарообмена*, обмена товаров на товары или труда на товары, а политическая форма такого общества станет «свободным гражданством свободных людей».

Более того, этот теоретический вывод подтверждается историческим опытом. Везде, где существовало общество, в котором не было огромных землевладений для извлечения все большей ренты, там существовала «чистая экономика», и общество приближало форму государства к форме «свободного гражданства».**

Такое сообщество, к примеру, существовало в Германии в течение четырех веков¹⁴⁸, примерно с 1000 года новой эры, когда примитивная система огромных землевладений превратилась в социально безвредное владение на обширных территориях, примерно до 1400 года, когда вновь возникшие огромные владения, созданные уже политическими средствами — грабительскими войнами в странах, бывших славянскими, перекрыли с запада проход переселенцам и не позволили покинуть земли к востоку от Эльбы¹⁴⁹. Таким же сообществом был мормонский штат Юта, который не претерпел значительных изменений

* «Эквивалентный товарообмен», в понимании Ф. Оппенгеймера в отличие от К. Маркса, означает не равноценный товарообмен, а **товарообмен, не обремененный «политическими методами», насильным изъятием благ.**

** «Чистая экономика», в понимании Ф. Оппенгеймера, противопоставляется понятию «Политической экономии» как **экономика, свободная от воздействия «политических методов», насильного изъятия благ.**

в этом отношении, где мудрое земельное законодательство допускало лишь небольшие и умеренные фермерские хозяйства¹⁵⁰. Такое сообщество существовало в городе и округе Вайнленд, штат Айова, США¹⁵¹, в тот период, когда каждый поселенец мог взять себе землю без увеличения арендной платы. Такое сообщество, помимо всего прочего, это Новая Зеландия, чье правительство всеми своими силами благоприятствует владению мелкими и средними земельными поместьями, одновременно ограничивает и раздробляет все имеющиеся в его распоряжении большие землевладения, которые, между прочим, из-за отсутствия излишков рабочей силы практически не способны производить никакой ренты¹⁵².

Во всех этих случаях наблюдается удивительно равномерное благосостояние, пожалуй, не механически равное; но нет никакого богатства. Потому что благополучие — это контроль над предметами потребления, а богатство — превосходство над человечеством. Ни в одном из случаев «капитал» не является средством производства, «производящим какие угодно прибавочные стоимости»; здесь нет «свободных рабочих» и капитализма, а политическая форма в таких сообществах очень близка к «свободному гражданству» и имеет тенденцию приближаться к нему все больше и больше, поскольку давление окружающих их государств, организованных и основанных на законах войны, допускает их развитие. «Государство» разлагается, или же в новых странах, таких как Юта или Новая Зеландия, оно возвращается к рудиментарной стадии своего развития; в то время как свободное волеизъявление и самоопределение свободных людей, едва ли знакомых с классовой борьбой, имеют постоянное стремление к возрастанию. Поэтому в Германской империи тогда происходило параллельное развитие между политическим подъемом союзов имперских свободных городов, упадком феодальных государств и эмансипацией ремесел, охватившей в то время весь городской «плебс», и упадком контроля патрициев над городским управлением. Такое благотворное

развитие было остановлено возведением на восточной границе бывшей Германской империи новых примитивных феодальных государств, и в результате экономический расцвет немецкой культуры был разрушен.

Каждый, кто верит в сознательную цель истории, может сказать, что человеческая раса снова должна была пройти через другую школу страданий, прежде чем она смогла быть искуплена. Средневековье смогло открыть систему свободного труда, но не развило ее силы до полной мощности и эффективности. Новому капиталистическому рабству было суждено раскрыть и развить несравненно более эффективную систему кооперативного труда и разделения труда в мастерских, чтобы увенчать человека как повелителя природных стихий, как царя планеты. Рабство античности и рабство современного капитализма было когда-то необходимо; а теперь оно стало излишним. Согласно истории каждый свободный гражданин Афин располагал пятью людьми-рабами; но мы снабдили наших сограждан современного общества огромной массой поработанной силы, станками, рабами из стали, которые не страдают в процессе создания ценностей. С тех пор мы созрели для цивилизации, которая намного выше, чем цивилизация времен Перикла, поскольку население, власть и богатства современных сообществ намного превосходят население, власть и богатства крошечного государства Афин.

Афины были обречены на распад — по причине рабства как экономического учреждения, результата политических средств. Однажды вступив на этот путь, для населения не было иного выхода, кроме гибели. Наш путь приведет нас к жизни.

К такому же выводу приходят либо с историко-философским взглядом, учитывающим тенденцию развития государства, либо с изучением политической экономии, которая учитывает тенденцию экономического развития; а именно что экономические средства побеждают по всем линиям фронта; в то время как политические средства навсегда исчезают из жизни общества, и в одном из

их творений, которое является наиболее древним и самым хватким в жизни, в капитализме, распадается крупная земельная собственность и пропадает земельная рента.

Таков был путь страдания и спасения человечества, от его Голгофы и до его воскрешения в вечном царстве — от войны к миру, от враждебного раскола на орды к миролюбивому единству всего человечества, от насилия и жестокости к человечности, от эксплуатации в государстве, устроенном господством и грабежом, к свободной жизни и «свободному гражданству свободных людей».

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

- 1 «История не может продемонстрировать нам ни одного примера народа, у которого первые следы разделения труда и земледелия не совпадали бы с такими земледельческими эксплуатациями, в которых усилия труда не были бы отнесены на кого-то одного, а плоды труда не были бы присвоены кем-то другим, другими словами, в которых разделение труда не развивалось бы как подчинение одних людей другим людям» (Robertus-Jagetzow, *Illumination on the social question*, second edition. Berlin, 1890, p. 124). (Ср.: *Immigration and Labour. The economic aspects of European Immigration to the United States*, by Dr. Isaac A. Hourwich. Putnam's, N.Y., 1912. — *Прим. амер. перев.*)

Глава 2

- 2 Achelis, *Die Ekstase in ihrer kulturellen Bedeutung*, vol. 1 of *Kulturprobleme der Gegenwart*, Berlin, 1902.
- 3 Grosse, *Formen der Familie*. Freiburg and Leipzig, 1896, p. 39.
- 4 Ratzel, *Völkerkunde*. Second Edition. Leipzig and Wien, 1894-5, II, p. 372.
- 5 *Die Soziale Verfassung des Inkareichs*. Stuttgart, 1896, p. 51.
- 6 *Siedlung und Agrarwesen der Westgermanen, etc.* Berlin, 1895, I, p. 273.
- 7 l. c. I, p. 138.
- 8 Ratzel, l. c. I, p. 702.
- 9 Ratzel, l. c. II, p. 555.
- 10 Ratzel, l. c. II, p. 555.
- 11 С точки зрения Ратцеля (Ratzel, l. c. II, стр. 214), народ Овамбо находится в полурабском состоянии, что, согласно Лавелею, представляет довольно распространенное явление в среде древних ирландцев (Fuidhirs).
- 12 Ratzel, l. c. I, p. 648.
- 13 Ratzel, l. c. II, p. 99.
- 14 Lippert, *Kulturgeschichte der Menschheit*. Stuttgart, 1886, II, p. 302.
- 15 Lippert, l. c. II, p. 522.
- 16 *Römische Geschichte*. Sixth Edition. Berlin, 1874, I, p. 17.
- 17 Ratzel, l. c. II, p. 518.

- 18 Ratzel, l. c. I, p. 425.
 19 Ratzel, l. c. II, p. 545.
 20 Ratzel, l. c. II, pp. 390—1.
 21 Ratzel, l. c. II, pp. 390—1.
 22 Lippert, l. c. I, p. 47 1.
 23 Kulischer, “The history of the development of interest from capital”, *Jahrbucher für National Oekonomie*. III series, vol. 18, p. 318, Jena, 1899: (Страбон утверждает: «Разбойники из-за скудности своих земель — жадны до чужих земель»).
- 24 Ratzel, l. c. I, p. 123.
 25 Ratzel, l. c. I, p. 591.
 26 Ratzel, l. c. II, p. 370.
 27 Ratzel, l. c. II, pp. 390—1.
 28 Ratzel, l. c. II, pp. 388—9.
 29 Ratzel, l. c. II, pp. 103—04.
 30 Thurnwald, *Staat und Wirtschaft im alten Aegypten*. Zeitschrift für Soz. Wissenschaft, vol. 4, 1901, pp. 700—1.
 31 Ratzel, l. c. II, pp. 404-05.
 (Gumpłowicz, *Rassenkampf*, p. 264: «Богатый и самодостаточный Египет постоянно дразнил своим изобилием своих алчных соседей, которые служили совсем другим богам. Под именем Пастырских народов на протяжении столетий Египтом правили иностранные династии и иностранные племена».)
 «Действительно, слова Ранке наилучшим образом подходят для краткого изложения всемирной истории. В истории Египта, как в капле воды, отразилась квинтэссенция всей истории человечества». — *Прим. амер. перев.*)
- 32 Ratzel, l. c. II, p. 165.
 33 Ratzel, l. c. II, p. 485.
 34 Ratzel, l. c. II, p. 480.
 35 Ratzel, l. c. II, p. 165.
 36 Buhl, *Soziale Verhältnisse der Israeliten*, p. 13.
 37 Ratzel, l. c. II, p. 455.
 38 Ratzel, l. c. I, p. 628.
 39 Ratzel, l. c. I, p. 625.
 40 Cieza de Leon, “Seg, parte de la cronica del Peru”. P. 75, цит. по: Cunow, *Inkareich* (p. 62, note 1).
 41 Cunow, l. c. p. 61.
 42 Ratzel, l. c. II, p. 346.
 43 Ratzel, l. c. II, pp. 36-7.
 44 Ratzel, l. c. II, p. 221. (Ср. замечания: Hon. A. J. Sabath, M. C., *Sociological Argument on Workman's Compensation Bill*, p. 498, Senate Document 338, Sixty-second Congress, Second Session,

Volume 1. См. также: *Congressional Record* for March 1, 1913, Sixty-second Congress, Third Session, pp. 4503, 4529, et seq. — *Прим. амер. перев.*)

Глава 3

- 45 «Среди Вахума женщины занимают более высокое положение, чем среди чернокожих, и за ними внимательно следят мужчины. Это затрудняет смешанные браки. Народ Ваганды и по сей день не остался бы настоящим негром «черного шоколадного цвета кожи и коротких шерстяных волос», если бы не жесткое противостояние двух народов — крестьян и скотоводов, правителей и подданных, презрение и честь, несмотря на отношения, сложившиеся среди высших слоев общества. В своеобразном положении они представляют собой типичное явление, повторяющееся во многих других местах» (Ratzel, l. c. II, p. 177). (*Ganda-people*, известные также как Баганда, или Ваганда, люди, населяющие район к северу и северо-западу от озера Виктория в юго-центральной части Уганды. Они говорят на языке банту, называемом Ганда, или Луганда, из группы Бенуэ-Конго. Ганда — самый многочисленный народ Уганды, а их территория — самая продуктивная и плодородная. Когда-то являвшиеся ядром Протектората Уганды, они имели более высокий уровень жизни и были более грамотными и модернизированными, чем любой другой народ Уганды. Источник: Энциклопедия Британика, «Ganda-people». — *Прим. перев.*)
- 46 Ratzel, l. c. II, p. 178.
- 47 Ratzel, l. c. II, p. 198.
- 48 Ratzel, l. c. II, p. 476.
- 49 Ratzel, l. c. II, p. 453.
- 50 Kopp, *Griechische Staatsaltertümer*, 2. Aufl. Berlin, 1893, p. 23.
- 51 Uhland, *Alte hoch und niederdeutsche Volkslieder* I (1844), p. 339, цит. по: Sombart, *Der moderne Kapitalismus*, Leipzig, 1902, I. pp. 384-5.
- 52 Inama-Sternegg, *Deutsche Wirtschafts-Geschichte* I, Leipzig, 1879, p. 59.
- 53 Westermarck, *History of Human Marriage*, London, 1891, p. 368.
- 54 Ср.: Ratzel, l. c. I, p. 81.
- 55 Ratzel, l. c. I, p. 156.
- 56 Ratzel, l. c. I, pp. 259—60.
- 57 Ratzel, l. c. II, p. 434.

Глава 4

- 58 I. Kulischer, l. c., p. 317, здесь можно найти и другие примеры.
- 59 Westermarck, *History of Human Marriage*, p. 400, где содержится целый ряд этнографических примеров.
- 60 Westermarck, l. c., p. 546.
- 61 Ср.: Ratzel, l. c. I, pp. 318, 540.
- 62 Ratzel, l. c. I, p. 106.
- 63 Ratzel, l. c. I, p. 335.
- 64 Ratzel, l. c. I, p. 346.
- 65 Ratzel, l. c. I, p. 347.
- 66 Buecher, *Entstehung der Volkswirtschaft*, Second Edition, Tübingen, 1898, p. 301.
- 67 Ср.: Ratzel, l. c. I, p. 271, говоря об островитянах Тихого океана: «Взаимодействие между племенами осуществляется нерушимыми вестниками, предпочтительно пожилыми женщинами. Они выступают также в качестве посредников в торговых сделках». Аналогичную практику австралийцев см. там же на с. 317.
- 68 немецкий перевод: Leipzig, 1907 (by L. Katscher).
- 69 Ratzel, l. c. I, p. 81.
- 70 Ratzel, l. c. I, pp. 478-9.
- 71 A. Vierkandt, “Die wirtschaftlichen Verhältnisse der Naturvölker”, *Zeitschrift für Sozialwissenschaft*, II, pp. 177—8.
- 72 Kulischer, l. c. pp. 320—1.
- 73 Lippert, l. c. I, p. 266, et seq.
- 74 Ср. Westermarck, *History of Human Marriage*.
- 75 Ratzel, l. c. II, p. 27.
- 76 Herodotus IV, 23, cited by Lippert, l. c. I, p. 459.
- 77 Lippert, l. c. II, p. 170.
- 78 Mommsen, l. c. I, p. 139.
- 79 Аналогичные условия можно наблюдать и среди жителей островов вблизи Индии. Здесь костяк Малайцев — викинги. «Колонизация является важным фактором, так как завоевание и заселение заморских территорий... напоминает одну из великих ролей, которые в древних Элладах играли бродячие племена... На каждой полосе береговой линии видны посторонние элементы, которые введены неволебно и, в большинстве случаев, наносят урон местным жителям. Право завоевания было предоставлено правителями Торната дворянским династиям, которые впоследствии стали полусуверенными наместниками на островах Буру, Серанг и т.д.»
- 80 Mommsen, l. c. I, p. 132.
- 81 Mommsen, l. c. I, p. 134.

- 82 Ratzel, l. c. I, p. 160.
 83 Ratzel, l. c. II, p. 558.
 84 Buhl, l. c., p. 48.
 85 Buhl, l. c., pp. 78-79.
 86 Mommsen, l. c. II, p. 406.
 87 Ratzel, l. c. II, p. 191; Ср. also pp. 207-8.
 88 Ratzel, l. c. I, p. 363.
 89 Mommsen, l. c., p. 46.
 90 Обе цитаты приводятся по: Kulischer, l. c., p. 319; он цитирует: Buechsenschuetz, *Besitz und Erwerb im griechischen Altertum*; Goldschmidt, *History of the Law of Commerce*.

Глава 5

- 91 Ratzel, l. c. I, p. 263.
 92 F. Oppenheimer, *Grossgrundeigentum und soziale Frage*. II, i. Berlin, 1898.
 93 Кочевничество отличает исключительная способность, с которой из патриархальных положений развиваются деспотические функции с наиболее далеко простирающимися полномочиями (Ratzel, l. c. Vol. II, pp. 388—389).
 94 Ratzel, l. c. I, p. 408.
 95 Cunow, l. c. pp. 66—7. Аналогичным образом среди жителей Малайзийских островов в Радаке можно найти многочисленные примеры (Ratzel, l. c. I, p. 267).
 96 Buhl, l. c., p. 17.
 97 Ratzel, l. c. II, p. 66.
 98 Ratzel, l. c. II, p. 118.
 99 Ratzel, l. c. II, p. 167.
 100 Ratzel, l. c. II, p. 218.
 101 Ratzel, l. c. I, p. 125.
 102 Ratzel, l. c. I, p. 124.
 103 Ratzel, l. c. I, p. 118.
 104 Ratzel, l. c. I, p. 125.
 105 Ratzel, l. c. I, p. 346.
 106 Ratzel, l. c. II, p. 245.
 107 Ratzel, l. c. I, pp. 267—8.
 108 Mommsen, l. c. III, pp. 234—5.
 109 Ratzel, l. c. II, p. 167.
 110 Ratzel, l. c. II, p. 229.
 111 Ratzel, l. c. I, p. 128.
 112 Weber's, *WeItgeschichte*, III, p. 163.
 113 Thurnwald, l. c., pp. 702-3.

- 114 Thurnwald, l. c., p. 712; Ср.: Schneider, *Kultur und Denken der alten Aegypter*, Leipzig, 1907, p. 38.
- 115 Ratzel, l. c. II, p. 599.
- 116 Ratzel, l. c. II, p. 362.
- 117 Ratzel, l. c. II, p. 344.
- 118 Meitzen, l. c. II, p. 633.
- 119 Inama-Sternegg, l. c. I, pp. 140—1.
- 120 Mommsen, l. c. V, p. 84.
- 121 Ср. подробное изложение этого в: Oppenheimer, l. c., II, iii.
- 122 Mommsen, l. c. III, pp. 234—5.
- 123 Thurnwald, l. c., p. 771.
- 124 Meitzen, l. c. I, pp. 362f.
- 125 Inama-Sternegg, l. c. I, pp. 373, 386.
- 126 Ср. Oppenheimer, l. c. p. 272.
- 127 Thurnwald, l. c., p. 706.
- 128 Ratzel, l. c. II, p. 503.
- 129 Ratzel, l. c. II, p. 518.
- 130 Meitzen, l. c. I, p. 579: «На момент составления Салической правды древний расовый дворянин был сведен к обыкновенным свободным людям или уничтожен. Чиновники же, с другой стороны, оцениваются с троекратной вирой, в 600 солидов, а если некто будет знатных кровей, “Puer Regis”, то в 300 солидов».
- 131 Thurnwald, l. c., p. 712.
- 132 Inama-Sternegg, l. c. II, p. 61.
- 133 Thurnwald, l. c., p. 705.
- 134 «Более крупные лагеря Рейнской армии получили свои муниципальные пристройки отчасти благодаря армейским поселенцам и лагерным последователям, и особенно благодаря ветеранам, которые после окончания службы оставались в своих привычных помещениях. Таким образом, возник отличный от собственно военных кварталов отдельный город хижин (Канабэ). Во всех частях империи, и особенно в различных частях Германии, со временем из этих лагерей легионеров, и особенно из штаб-квартир, возникали города в современном понимании» (Mommsen, l. c. V, p. 153).
- 135 «С помощью этих новых и более ликвидных средств платежей наличными деньгами стало возможно создание нового и более зависимого учреждения солдат и чиновников. Поскольку им платили понемногу и только периодически, они не могли стать независимыми (как это делали феодалы), а затем обратиться против своего казначея» (Eisenhardt, *Gesch. der National Oekonomie*, p. 9).
- 136 Thurnwald, l. c., p. 773

- 137 Thurnwald, l. c., p. 699.
 138 Thurnwald, l. c., p. 709.
 139 Thurnwald, l. c., p. 711.
 140 Ср.: с этой работой Oppenheimer's *Grossgrundeigentum etc.*, Book II, Chap. 3.

Глава 7

- 141 «Тенденция, т.е. закон, абсолютное исполнение которого сдерживается уравнивающими обстоятельствами, или тормозится ими, или ослабляется» (Marx, *Kapital*, vol. III, p. 215).
 142 Ср. прекрасное сочинение: Peter Kropotkin, *Mutnal Aid in its Development*.
 143 Ср.: F. Oppenheimer, *Die Siedlungsgenossenschaft etc.*, Berlin, 1896, и его же *Grossgrundeigentum und soziale Frage*, Berlin, 1998.
 144 Ср.: F. Oppenheimer, “Bevoelkerungsgesetz des T. R. Malthus”, *Darstellung und Kritik*, Berlin-Bern, 1901.
 145 Ср.: F. Oppenheimer, “Grundgesetz der Marxschen Gesellschaftslehre”, *Darstellung und Kritik*, Berlin, 1903.
 146 Ср. F. Oppenheimer, *Grundgesetz der Marxschen Gesellschaftslehre*, Part IV, особенно главу 12: «Tendency of the Capitalistic Development».
 147 Ср.: F. Oppenheimer, *Grossgrundeigentum und soziale Frage*, Berlin, 1898. Book I, Chapter 2, Section 3, “Philosophy of the Social Body”, pp. 57 et seq.
 148 Ср.: F. Oppenheimer, *Grossgrundeigentum*, Book II, Chap. 2, Sec. 3, p. 322.
 149 Ср.: F. Oppenheimer, *Grossgrundeigentum*, Book II, Chap. 3, Sec. 4, особенно pp. 423 et seq.
 150 Ср.: F. Oppenheimer, “Die Utopie als Tatsache”, *Zeitschrift fuer Sozial-Wissenschaft*, 1889, II, pp. 190 et seq.
 151 Ср.: F. Oppenheimer, *Siedlungsgenossenschaft*, pp. 477 et seq.
 152 Ср.: Andre Siegfried, *La democratie en Nouvelle Zelande*, Paris, 1904.

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ АВТОРЫ И ИХ РАБОТЫ

Франц Оппенгеймер: «Свободное поле в Германии», «Расчетный кооператив. Попытка преодолеть коммунизм путем решения проблемы кооперативных и аграрных вопросов», «Большая собственность на землю и социальная проблема. Попытка нового основания социальной науки», «Теория образования классов», «Социальный смысл кооператива», «Закон о народонаселении Т. Мальтуса и современная экономика. Презентация и критика», «Основной закон социологии Маркса. Презентация и критика», «Государство», «Основная теория ренты Дэвида Рикардо. Презентация и критика», «Теория заработной платы», «Социальный вопрос и социализм. Критическое исследование марксистской теории», «Социальный вопрос и социализм. Критика марксистской теории», «Нормальность и кризис», «Общая собственность и частная собственность на землю», «Практическая экономика и экономическая политика», «Стоимость и добавленная стоимость», «Демократия», «Кризис Марксизма», «Возникновение капиталистической экономики», «Теория социализации», «Мировая экономика и народное хозяйство», «Знания и ценности», «Социальная значимость кооперативов», «Безработица. К новой книге Дж. М. Кейнса», «Капитал. Критика политической экономии», «Происхождение и значение помещичьей собственности», «Государство: его история и развитие с точки зрения социологии», «Идолопоклонство государству», «История и социология», «Государство и национализм», «Япония и Западная Европа», «Человек и общество», «Свободная торговля и кооперативы», «Пути к сообществу», «Покупатель и продавец. Вклад в экономическую коллективную психологию», «Заработная плата. Критическое исследование», «Капитализм и свободная экономика», «Современный Капитализм», «Евангелие свободы», «Теория доходности», «Схема теоретической экономики. Часть 1: Введение в теоретическую экономику», «Схема теоретической экономики. Часть 2: Основы теоретической экономики», «Система Социологии, т. 1.1: Общая социология. Основы», «Система Социологии, т. 1.2: Общая социология. Социальный процесс», «Система Социологии, т. 2: Государство, его история и развитие», «Система Социологии, т. 3.1: Теория чистой и политической экономии. Основы», «Система Социологии, т. 3.2: Теория чистой и политической экономии. Экономика общества», «Система Социологии, т. 4.1: Краткое изложение социально-экономической истории Европы от

миграции к современности. Рим и тевтоны», «Система Социологии, т. 4.2: Дворянство и крестьянство», «Система Социологии, т. 4.3: Город и гражданство», «Система Социологии, т. 4.4: Предметный указатель».

Иосиф Кулишер: «История развития прибыли от капитала», «Очерки из истории форм промышленности в Западной Европе с XIII по XVIII ст. в связи с изучением вопроса о характере прибыли в промышленности этого периода», «Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе», «История экономического быта Западной Европы», «Местное обложение в иностранных государствах», «Промышленность и рабочий класс на Западе в XVI—XVII столетиях», «Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии. Опыт изучения основных течений в развитии городских финансов», «Основные вопросы международной торговой политики», «Очерки финансовой науки», «Очерк истории русской промышленности», «Денежное обращение в прошлом и настоящем», «Промышленность и условия труда на Западе в XIX столетии», «Очерк истории русской торговли», «История русского народного хозяйства», «История русской торговли и промышленности».

Мюррей Ротбард: «Анатомия государства», «Государство Франца Оппенгеймера», «История денежного обращения и банковского дела в США», «Государство и деньги: как государство завладело денежной системой общества», «Экономические депрессии: их причины и методы лечения», «Показания против Федерального Резерва», «Власть и рынок: государство и экономика», «Миф о нейтральном налогообложении», «Государство, деньги и центральный банк», «Великая депрессия в Америке», «Человек, экономика и государство», «Тайна банковского дела», «Общество без государства», «К новой свободе», «Правда о налогах», «Этика свободы».

Исаак Ильич Рубин: «Очерки по теории стоимости Маркса», «Абстрактный труд и стоимость в системе Карла Маркса», «Физиократы: очерк из истории экономической мысли», «Франсуа Кенэ. Основатель физиократической теории», «История экономической мысли», «Классики политической экономии», «Современные экономисты на Западе: Оппенгеймер. Штольцман. Амонн. Петри. Лифман. Критические очерки», «Основные проблемы политической экономии», «Экономическая теория Франца Оппенгеймера».

Фридрих Хайек: «Дорога к рабству», «Индивидуализм и экономический порядок», «Контрреволюция науки».

Этюды о злоупотреблениях разумом», «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма», «Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики», «Судьбы либерализма в XX веке», «Экономические циклы», «Капитализм и историки», «Цены и производство», «Конституция свободы», «Частные деньги», «О свободе».

Людвиг Мизес: «Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции», «Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность», «Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война», «Социализм: экономический и социологический анализ», «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории», «Индивид, рынок и правовое государство», «Нация, государство и экономика», «Либерализм в классической традиции».

Герберт Спенсер: «Социальная статика», «Изучение социологии», «Принципы социологии», «История политических институтов», «Этика общественной жизни», «Политические опыты», «Личность и государство: опыты о государстве, обществе и свободе», «Надлежащие границы государственной власти», «Право игнорировать государство», «Человек против государства», «Грехи законодателей», «От свободы к рабству», «Грядущее рабство».

Людвиг Гумплович: «Борьба рас», «Раса и государство», «История теорий государства», «Исследование о законе формирования государства», «Очерк социологии», «Социологические очерки», «Очерк истории социологии», «Основные понятия социологии», «Основания социологии», «Система социологии», «Социология и политика», «Общее государственное право», «Общее учение о государстве».

Генри Джордж: «Избранные речи и статьи», «Причина кризисов», «Что такое единый налог», «Земля для народа», «Не укради», «Изучение политэкономии», «Общественная реформа», «Реконструкция капитализма», «Преступность бедности», «Социальные задачи», «Прогресс и бедность», «Покровительство или свобода торговли?».

Рихард Турнвальд: «Social Organisation and Kinship System of a Tribe in the Interior of Ne Guinea», «Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen», «Repräsentative Lebensbilder von Naturvölkern», «Staat und Wirtschaft im alten Aegypten», «Economics in Primitive Communities».

Ганс-Герман Хоппе: «Экономика и этика частной собственности: исследование по политической экономии и философии», «Демократия — поверженный Бог: экономика и политика

монархии, демократии и естественного порядка», «Об окончательном обосновании этики частной собственности».

Теодор Моммзен: «История Рима», «Римская история», «Римское государственное право», «Римское государственное право: народный трибунал», «Свод гражданского права».

Фридрих Ратцель: «Земля и жизнь», «Народоведение», «Политическая география», «Теория жизненного пространства».

Вернер Крюк: „Franz Oppenheimer — Vordenker der Sozialen Marktwirtschaft und Selbsthilfegesellschaft“.

Гай Юлий Цезарь: «Галльская война», «Записки о Галльской войне».

Эдуард Хейман: «Экономические идеи Франца Оппенгеймера».

Людвиг Эрхард: «Франц Оппенгеймер: учитель и друг», «Благосостояние для всех».

Rustate.org: помогайте нашей работе!

BTC: 1NRmBrk8EihK7nirg72h22hacqEoQ6uxaJ

Франц Оппенгеймер

ГОСУДАРСТВО: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

Подписано в печать 12.12.2019. Формат 84×108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «Newton».

Усл. печ. л. 13,34.